

ЖУРНАЛ СТУДЕНЧЕСКИХ
РАБОТ

ВЫПУСК №4 2024

КВИНТ ЭССЕ НЦИЯ

ВЫПУСК №4 2024

Квинтэссенция – это площадка формата эдьютейнмент для публикации академических и свободных письменных работ студенто:к Шанинки.

Преимущественным видом публикуемых текстов выступают эссе представитель:ниц различных направлений, которые прошли все этапы оценки и получили наиболее высокие баллы в соответствии с шанинской системой оценивания.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шафаг Вердиева (4 курс, Современная социальная теория)

Екатерина Нойкина (1 курс, Фундаментальная социология)

Ульяна Семовских (4 курс, Современная социальная теория)

Матвей Бислер (выпускник, Мировая политика)

Дамир Давлетов (4 курс, Современная социальная теория)

Полина Александрова (4 курс, Современная социальная теория)

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Полина Александрова (4 курс, Современная социальная теория)

Анастасия Кузнецова (выпускница, Современная социальная теория)

Анастасия Дударова (выпускница, Менеджмент креативных проектов)

Александр Быков (4 курс, Менеджмент креативных проектов)

КОРРЕКТУРА

Девора Гадимова (3 курс, Философия. Политика. Экономика)

Ирина Белякова (3 курс, Современный медиатекст)

КВИНТЭССЕНЦИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

- 5** **Матвей Бислер**
Представляем номер

DE JURE. DE FACTO

- 11** **Давид Ефизов**
Различение вещей движимых и недвижимых: необходимость и альтернативы
Рецензия (Ильсур Зиганшин)
- 27** **Антон Кольчугин**
Tertium comparationis: единое начало методов компаративистики в контексте сравнительного правоведения
Рецензия (Владимир Слыщенко)
- 48** **Анастасия Плинер**
Responsibility dissected: in search of the beneficiary of the neoliberal subject's responsibility
Рецензия (Matthew D. Newsom)

ARS LONGA, VITA BREVIS

- 64** **Елизавета Соловьева**
Борьба с историческим в методологии Макса Вебера: причины исключения культурных ценностей из концепции идеального типа
Рецензия (Илья Пресняков)
- 81** **Дарья Донина**
Соматика и семантика «Madeleine de Proust» в массовой культуре
Рецензия (Анна Ганжа)
- 108** **Георгий Мамврийский**
Роль социокультурных норм в открытости рынков (по данным Глобального мониторинга предпринимательства)
Рецензии (Александр Чепуренко, Денис Стребков)

- 126** **Т а и с я Д е л ь с к а я**
Проблема консенсуса в теории Александера на примере
экоактивистских перформансов
Рецензия (Максим Котельников)

ARS LOGICA

- 137** **Я р о с л а в П о л о с у х и н**
«Libère-toi, France?» Франция Петена — аномалия или этап развития?
Рецензии (Станислав Кожеуров, Тимур Атнашев)
- 151** **Т и м о ф е й Ч е р н ы ш о в**
Роль диалектики раба и господина в понимании свободы и
необходимости в «Vita Activa» Ханны Арендт
Рецензия (Владимир Башков)
- 164** **А н н а К а р п е ц**
Возможен ли генезис технических объектов в акторно-сетевой теории?
Рецензия (Ната Волкова)

СВОБОДНОЕ ПИСЬМО

- 177** **Л и я Н а н а з а ш в и л и**
Противостояние природе в советском кино
- 187** **М а к с и м К о т е л ь н и к о в**
Стихи
- 191** **И в а н К у з н е ц о в**
Ночное патрулирование в идеальном государстве

ОТ РЕДАКЦИИ

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Матвей Бислер

Выпускник, мировая политика

bisler-ma@universitas.ru

От редакции

В этом выпуске Квинтэссенции мы впервые встречаем эссе, написанные студентами-юристами. Это счастливое событие совпадает и с другой памятной датой — в июле Факультет права получил госаккредитацию своих программ бакалавриата, поэтому мы надеемся, что в будущих open-call-ах увидим все больше и больше работ, посвященных проблемам правоведения.

Антон Кольчугин в эссе *Tertium comparationis: единое начало методов компаративистики в контексте сравнительного правоведения* занимается анализом концепции *tertium comparationis* (третьего элемента сравнения) в контексте сравнительного правоведения. Автор рассматривает эту методологию как фундаментальную основу для сравнения правовых систем, подчеркивая ее важность в преодолении ограничений функционального подхода и в разработке более сложной концептуальной структуры сравнения, учитывающей как различия, так и сходства правовых институтов. Эссе **Давида Ефизова** *Различение вещей движимых и недвижимых: необходимость и альтернативы* посвящено исследованию возможных альтернатив традиционной классификации вещей на движимые и недвижимые в системе гражданского права. Автор предлагает критически рассмотреть необходимость и обоснованность этого разделения, используя метод мысленного эксперимента по изъятию данного концепта из правовой системы, чтобы оценить его истинную роль и возможность замены альтернативными классификациями.

Исследования студентов Факультета социальных наук продолжают устоявшуюся там традицию и делают особый упор на научную область социальной философии. Они пристально разбирают концептуальные и методологические напряжения внутри текстов и подвергают аналитическому переосмыслению основные современные социальные теории.

Елизавета Соловьева в *Борьбе с историческим в методологии* Макса Вебера: причины исключения культурных ценностей из концепции идеального типа исследует идеальные типы по Макс Веберу и их исторические интерпретации в социальных науках. Автор рассматривает трансформацию веберовского подхода в работах последующих поколений социологов, в частности Альфреда Шюца и Толкотта Парсонса, и исследует причины «затмения» исторического аспекта в интерпретации методологии Вебера. **Таисия Дельская** и *Проблема консенсуса в теории Александра на примере экоактивистских перформансов* познакомят читателя с понятием социального консенсуса в контексте культурсоциологии Джеффри Александера. Автор эссе рассматривает кейс акций протеста экологических активистов Just Stop Oil, чтобы объяснить механизмы формирования консенсуса, роль множественных дискурсов и важность успешного социального перформанса для достижения согласия в обществе. Эссе **Тимофея Чернышева** *Роль диалектики раба и господина в понимании свободы и необходимости в «Vita Activa» Ханны Арендт* предлагает сравнительный анализ концепций свободы и человеческого существования у Ханны Арендт, Георга Вильгельма Фридриха Гегеля и Александра Кожева. Автор рассматривает идеи Арендт о различии между частной и публичной сферами жизни, сопоставляя их с диалектикой раба и господина Гегеля и интерпретацией этой диалектики Кожевым, чтобы выявить сходства и различия в понимании свободы, человеческой сущности и исторического процесса у этих мыслителей. Наконец, **Анна Карпец** задается вопросом *Возможен ли генезис технических объектов в акторно-сетевой теории?* и предлагает сравнить теории технических объектов Бруно Латура (акторно-сетевая теория) и Жильбера Симондона (теория конкретизации). Автор указывает на сходства и различия в их подходах к пониманию технических объектов, выявляет ограничения теории Латура и исследует возможность интеграции концепций Симондона в методологию АСТ. Для решения выявленных проблем автор обращается к работам представителей пост-АСТ — Карен Барад и Аннмари Мол, предлагая использовать их концепции для создания более комплексного подхода к изучению технических объектов в рамках STS (исследований науки и технологий).

Эссе студентов кафедры политических наук, которые автор этой редакторской заметки видит чаще, чем некоторых из своих родственников,

всегда отличались междисциплинарным характером и разнообразием тематических подходов. Во избежание конфликта интересов перейдем от хвалебных од к четкому изложению содержаний работ.

Анастасия Плинер предлагает вашему вниманию текст на английском языке под заглавием *Responsibility dissected: in search of the beneficiary of the neoliberal subject's responsibility*. Это эссе посвящено критическому анализу неолиберальной рациональности и ее влияния на современное общество и демократию. Автор исследует концепцию «ответственности» в неолиберализме и предлагают альтернативное понимание рынка как реального бенефициара системы, вместе с тем изучая последствия такого подхода для самого общества и политики в целом. **Ярослав Полосухин** в эссе «*Libère-toi, France?*» Франция Петена – аномалия или этап развития? ставит режим Виши во Франции (1940–1944) в фокус исследования и изучает его восприятие в послевоенной французской историографии. Автор рассматривает предпосылки возникновения режима Виши в контексте политической ситуации Третьей республики, а также репродуцирует внутреннюю политическую жизнь Франции Виши, ее идеологию и отношение к республиканскому наследию, чтобы в конце концов преодолеть традиционное представление о режиме Виши как об исторической аномалии. Эссе **Георгия Мамврийского** с крайне строгим названием *Роль социокультурных норм в открытости рынков (по данным Глобального мониторинга предпринимательства)* посвящено исследованию влияния социокультурных норм на экономическое устройство государств, в частности на степень открытости рынков. Автор использует пример польской сельскохозяйственной политики 1950-х годов как иллюстрацию того, как социокультурные факторы могут определять экономическое устройство страны, и проводит регрессионный анализ данных проекта Global Entrepreneurship Monitor для демонстрации этой связи в более широком контексте.

Последнее (не могу удержаться – но не по значению) эссе в выпуске написано теперь уже выпускницей Факультета управления социокультурными проектами **Дарьей Дониной**. Перед прочтением его обязательно налейте себе чаю! И, как учат нас на Факультете УСКП, задумайтесь о себе, о других и, прежде всего, о культуре! *Соматика и семантика «Madeleine de Proust» в массовой культуре* посвящено анализу феномена «эффекта Пруста» или «синдрома Пруста», описанного в романе Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Автор рассматривает,

как описанное Прустом спонтанное воспоминание, вызванное вкусом пирожного «мадлен», стало культурным феноменом и предметом научных исследований, и вместе с тем автор анализирует связь этого явления с понятием ностальгии и механизмами человеческой памяти.

Пачкайте страницы журнала, загибайте уголки, рисуйте и выделяйте, режьте, заново соединяйте, репостите, удаляйте, печатайте. Читайте.

Выражаем благодарность коллегам, которые написали рецензии на опубликованные в этом выпуске эссе. Спасибо Ильсуру Зиганшину, Владимиру Слыщенкову, Matthew D. Newsom, Илье Преснякову, Анне Ганже, Александру Чепуренко, Денису Стребкову, Максиму Котельникову, Станиславу Кожеурову, Тимуру Атнашеву, Владимиру Башкову, Нате Волковой. Также, за помощь в спонсировании и поддержке выпуска благодарим коллегу Стаса Топоркова!

DE JURE DE FACTO

— По праву, юридически. На деле, фактически.

РАЗЛИЧЕНИЕ ВЕЩЕЙ ДВИЖИМЫХ И НЕДВИЖИМЫХ: НЕОБХОДИМОСТЬ И АЛЬТЕРНАТИВЫ

Давид Ефизов*
mss2202013@universitas.ru

Введение

Интерпретируя определение права как *ars boni et aequi*, Д. В. Дождев задает юристу следующую роль: «Правоведы создают общественный порядок, отделяя правое от неправого, дозволенное от недозволенного» (Дождев, 2021, с. 30). Конечно, это оставляет свой отпечаток и на той части юриспруденции, которая мыслит себя научной. Сложив вместе, юридическая наука в первую очередь требует систематизированного знания о праве.

Частное право, с которого начинается право вообще, имманентно несет идею системности, поэтому цель правового исследования лежит и в вопросах внутренней непротиворечивости системы и возможности добавления в нее новых необходимых элементов. Понятно, что не исключается возможность сомнения в имеющихся конструкциях, несмотря на их древнюю историю и традиционность. Более того, это требует постоянной рефлексии о необходимости существования того или иного концепта в имеющейся системе. Порой вещи, кажущиеся сами собой разумеющимися, при чуть более внимательном взгляде сомнения в их существовании увеличивают, а интерес предложить что-то другое на замену одному институту или просто посмотреть, что было бы в его отсутствие, только усиливают.

Написанный текст оказывается робкой и скромной попыткой ответа на вопрос о возможной альтернативе различения движимых и недвижимых вещей. За внешней простотой и необходимостью такой классификации скрываются серьезные проблемы, например, внутренняя

*Выпускник, Сравнительное и международное частное право. Работа написана на 1 курсе, дисциплина: Оборот недвижимости.

противоречивость определения недвижимых вещей, отсутствие системного признака класса недвижимости и многие другие.

Такие проблемы, конечно, можно было бы решить и иначе, однако интерес представляет и сам метод поиска альтернативного варианта классификации. Способ подразумевает представление гражданского права в качестве системы, из которой изымается концепт, и дальнейшее наблюдение за целостностью конструкции. Подобного рода мыслительный эксперимент, в том числе позволяет понять действительное место элемента, а также необходимость его существования.

На постановку вопроса в таком виде также повлияло описание иммобилизации в работе А. N. Yiannopoulos (1962) «Movable and Immovable in Louisiana and Comparative Law», а также вывод К. фон Бара (2018) о необходимости различения именно регистрируемых и нерегистрируемых вещей.

§1. Различение движимых и недвижимых вещей в гражданском праве

Деление вещей на движимые и недвижимые для современного гражданского права оказывается привычным. Такое противопоставление встречается и в римском праве с оговоркой об относительно узком круге последствий такого деления. Чезаре Санфилиппо отмечает, что до конца классического периода у такого различения в целом отсутствует значение, связывая это с существованием деления на *res mancipi* и *res nec mancipi*, оговаривая при этом, что это значение возникает в отдельных институтах, например, при приобретении по давности или защите владения (Санфилиппо, 2007, с. 99). Уже в послеклассический период дихотомия движимых и недвижимых вещей приобретает большее значение.

Помимо этого, Л. А. Кассо также отмечал: «В Риме вопрос о движимом или недвижимом характере какой-нибудь вещи юридического значения... не имел» (Кассо, 1905, с. 7). В то же время им отмечается, что особое значение деление вещей на движимые и недвижимые имело место в древнегерманском праве, что выражалось в порядке наследования и возможности наследования вообще (Кассо, 1905, с. 8).

По всей видимости, уже к началу двадцатого века в русской цивилистике классификация вещей на движимые и недвижимые становится одной из главных и необходимых (Дювернуа, 1902, с. 27). Позже

с принятием ГК РСФСР 1922 года такая классификация упразднялась, так как отменялась частная собственность на землю (ст. 21). Здесь, представляется, важен контекст: судя по всему, предполагалось, что в категорию недвижимых вещей могут включаться только земельные участки, что в отсутствие частной собственности на них, теряет смысл, так как они выходят из сферы оборота между частными субъектами. Поэтому и не требуется какое-либо специальное регулирование перехода права собственности на недвижимые вещи.

Дихотомия движимых и недвижимых вещей вернулась в российское гражданское право только в ст. 4 «Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик» от 31.05.1991, норма которой сформулирована в прямо противоположном тоне ст. 21 ГК РСФСР 1922 года: «Имущество подразделяется на движимое и недвижимое».

Действительно, такая классификация кажется нам интуитивной, понятной и необходимой. Однако существование подобной категоризации в праве требует соответствующей необходимости. В этом смысле можно сослаться на Д. В. Дождева, пишущего следующее: «Опыт по согласованию индивидуальных волей, воплощенных в отдельных объектах, фиксируется в классификации вещей, отражающих те их свойства, которые выявились как значимые для гражданского оборота и для правовых форм распределения между членами общества освоенного предметного пространства» (Дождев, 1996, с. 304). Таким образом, какая-либо классификация вещей требует конвенционального ответа со стороны оборота на вопрос о том, какие свойства той или иной категории вещей имеют значение.

Представляя гражданское право как единую систему, роль классификации вещей на движимые и недвижимые становится более понятной. Усиливается ощущение прозрачности, если обратить внимание и на главу 6 ГК РФ, где описание данных категорий вещей находится буквально первым после перехода от более общего понятия объектов гражданских прав к понятию вещи.

В настоящее время механика деления вещей на движимые и недвижимые следующая: сначала определяются недвижимые вещи, а после по остаточному принципу формируется группа движимых вещей, которая уточняется предположительно в ситуации неоднозначности вещного характера явления, как это происходит, например, с наличными деньгами и документарными ценными бумагами (п. 2 ст. 130 ГК РФ).

Однако остается вопрос о том, какое значение для оборота несет свойство вещей — основание для деления на движимые и недвижимые. Пункт 1 ст. 130 ГК РФ в качестве такого свойства выдвигает прочную связанность в пространстве с землей, при этом оговаривая, что режим недвижимости также распространяется и на регистрируемые воздушные, морские суда, суда внутреннего плавания, которые в физическом смысле никакой прочной связи с землей не имеют. Конечно, возможно выстраивание умозрительной связи таких объектов с землей, например, как это делает Ю.В. Петровичева, основываясь на том, что «контроль за управлением воздушными и морскими судами, судами внутреннего плавания, космическими объектами проводится непосредственно с земли, что свидетельствует об их связи с землей» (цит. по Егоров, 2012, с. 9). Однако это выглядит скорее как подстраивание и поиск более рационального основания для такого включения в состав недвижимости вещей интуитивно движимых, чем просто желание распространения регистрационного режима и на эти группы объектов, что можно было бы сделать и по-другому. Проблема присутствия таких вещей в составе недвижимых лежит в видимом противоречии этих двух частей п. 1 ст. 130 ГК РФ. Это уже говорит о невозможности придания определению недвижимости только физического характера, не говоря уже и о потенциальном перемещении зданий, сооружений, строений с сохранением возможности их использования по назначению.

Однако, что является более важным в контексте такого физического определения различия между движимыми вещами и недвижимыми — доля существования этих институтов в сфере юриспруденции. Для этого опять же можно руководствоваться оборотом как совокупностью гражданских правоотношений, а можно найти ответ и на более абстрактном, теоретическом уровне.

Следуя идее юриспруденции как языка описания специфических явлений, то есть интересующих только данную сферу знания, становится очевидным, что элементы такого языка должны встраиваться в эту систему и быть заточенными под нее. Это, а также применение в качестве инструмента идеи права, делает понятие юридическим, юридизирует его (Нерсисянц, 1999, с. 12–14).

Указанное приводит к мысли, что понятие недвижимости не может быть никаким, кроме как юридическим. Причем это требование не только юриспруденции как науки, руководствующейся идеей права, это

требование и оборота, запрашивающее формулирование нормы, также основывающейся на идее права.

В этом смысле и само деление вещей на движимые и недвижимые имеет под собой юридическое основание, необходимость, что для оборота, что для науки права. Едва ли оказывается верным ответ на этот вопрос, формулирующийся как желание законодателя подчинить ту или иную вещь специальному режиму. Это, кажется, и создает порочный круг «чтобы понять, на что надо зарегистрировать права, мы должны знать, что такое недвижимость» и наоборот (Бевзенко, 2017, с. 12). Представляется, что специфический режим — это следствие включения вещи в состав недвижимости, а не наоборот. Сами же по себе последствия знания о том, что какая-либо вещь оказывается недвижимой или наоборот, значения особенного не имеют.

Это — помимо сомнений в необходимости — вызывает также и ощущение, что в ситуации с делением вещей на движимые и недвижимые последствия приобретают несравнимо больший смысл, чем само основание такого деления, буквально замещая его. Если описывать менее формально, то мы сталкиваемся с ситуацией, когда хвост виляет собакой. Указанное оказывается ключевой, по нашему мнению, проблемой такого деления, наряду с которой существует еще и проблема определения недвижимых вещей, которую в абстрактной форме выражает И. Д. Кузьмина: «Недвижимости “вообще” не существует... выступая соединением объектов разных классов, категория недвижимости не стала собирательной общностью (системой): для нее не свойственны общесистемные признаки, устойчивое сочетание определенных параметров, которые можно адресовать всем ее разновидностям» (Наумов, 2015, с. 24).

§2. Последствия изъятия концепта недвижимых вещей

Кажется, что в полной мере оценить положение того или иного элемента в системе возможно посредством проведения мыслительного эксперимента по его изъятию. В нашем случае таким элементом оказывается деление вещей на движимые и недвижимые.

Выбор пути через поиск упоминаний именно недвижимой вещи связан с представлением о том, что именно такой режим становится специальным по отношению к движимым вещам. К. И. Скловский, рассматривая теории возникновения собственности как института, пишет:

«Но в любом случае сама по себе земельная теснота едва ли может считаться первоисточником собственности хотя бы потому, что сначала возникла собственность в отношении движимых вещей, а затем и по уже существующей аналогии — собственность на недвижимую» (Скловский, 2023, с. 85). Здесь важным кажется именно характер аналогии возникновения собственности на недвижимую вещь.

Конструирование групп вещей — еще один аргумент в пользу специальности режима недвижимой вещи, когда конкретно оговаривается перечень объектов, входящих в класс недвижимости, а всему остальному присваивается движимое без конкретного уточнения, по остаточному принципу. Такое уточнение формирует специальный характер. Наконец, можно посмотреть и на сами формулы ГК РФ, в которых оговаривается, что норма распространяется также и на недвижимые вещи, как это, например, происходит в п. 3 ст. 926 ГК РФ.

При этом все же возникает проблема, которая представляется достаточно опасной для основной идеи текста. Если ранее обговаривалось, что режим движимых вещей является общим за счет того, что возник раньше, а режим недвижимых вещей конструировался по аналогии, то каким должен быть ответ на вопрос о том, как это изъятие деления должно происходить: либо посредством изъятия в принципе всего связанного с этим делением, либо придавая некогда недвижимой вещи режим движимой, то есть приравнивая недвижимую вещь к движимой?

Первый вариант предполагает исчезновение и правил о переходе права, о передаче вещи, о реквизитах права собственности на саму вещь, так как это возникло именно в различии. На это можно возразить так: современный контекст с его делением вещей на движимые и недвижимые не воспринимает ситуации до различения. Важно, что до возникновения подобного деления существовала только категория вещи без ее идентификации в качестве движимой или недвижимой. Соответственно можно в таком случае предположить, что К. И. Скловский в этом смысле применяет «движимость» как физическую характеристику, но не юридическую. Проще говоря, до чего руки дотянутся раньше, такая вещь и окажется первоисточником права собственности. Продолжая эту мысль, можно сказать, что право собственности объективизируется в вещи, что право собственности и вещь — это проявления одного и того же явления.

Такое суждение предполагает, что вещь как объект права собственности тоже конструируется в момент возникновения права

собственности как института. Здесь кажется метафорично демонстративной трудовая теория собственности Дж. Локка, когда труд рук человека создает вещь и вместе с ней возникает и право собственности на нее. Значит деление на движимые и недвижимые вещи не могло возникнуть раньше, чем само понятие вещи. Таким образом, правила, касающиеся права собственности на движимую вещь, изначально предполагались в качестве норм о праве собственности на вещь без уточнений о том, является ли она движимой или нет. Это в свою очередь еще раз подтверждает специальность режима недвижимой вещи по отношению к движимой, а равно и необходимость изъятия через признание тождественности недвижимости по отношению к движимой вещи.

Восприятие «движимой вещи» в высказывании К. И. Скловского в качестве не физической, а юридической характеристики также приводит к довольно интересной ситуации. Также вещь возникает в момент появления собственности, но она с самого начала считается движимой, а значит и любая вещь является движимой. Так, в какой-то момент простой движимости оказывается недостаточно и оборот требует конструирование классификации, в которой одним элементом является движимая вещь, а вторым является ее отрицание — недвижимая вещь. Такая историческая асимметрия возникновения недвижимых вещей через производное возникновение права собственности на нее показывает, что движимая вещь оказывается вещью в ее действительном смысле.

Это, а также факт отрицания показывает производность и не самодостаточность категории недвижимости, а значит изъятие возможно только посредством уничтожения первоначального понятия — движимой вещи. В силу того, что движимая вещь является действительной вещью, при изъятии произойдет обрушение и права собственности как института, который находится во взаимосвязи с понятием вещи. Тогда ответ на поставленный вопрос в настоящем эссе будет отрицательным, такое изъятие создаст слишком много проблем, которые буквально разрушат систему вещных прав как по эффекту домино, где первым погибнет понятие вещи, а за ним и все остальные.

Отвлекаясь от заочной полемики с читателем, а также признавая некоторую слабость в этом моменте, предлагается изъятие различения движимых и недвижимых вещей через признание тождественности режима недвижимости режиму движимой вещи.

Какие же основные проблемы возникают в отсутствие категории недвижимых вещей? Такие можно условно объединить в три группы: (1) право на некогда недвижимую вещь; (2) специальные договорные типы; (3) прочие проблемы.

Представляется, что первая группа норм, применение которых становится частично возможным, оказывается тем самым режимом недвижимой вещи. Во-первых, это касается реквизитов создания недвижимой вещи, а вместе с этим и регистрации права на нее. Статья 131 ГК РФ устанавливает обязанность по регистрации прав на недвижимое имущество, которое осуществляется по принципам ст. 8.1 ГК, а также специальных норм. Сам по себе регистрационный режим от изъятия различия движимого и недвижимого не страдает, однако остается вопрос — право на какую вещь должно регистрироваться. Более того, возникает проблема и в определении момента возникновения некогда недвижимой вещи.

Следуя идее объективизации права собственности в вещи, вещь возникает с момента возникновения права собственности на нее. Если в ситуации с созданием движимой вещи проблемы не возникает, то возникает проблема с интеллектуальными вещами, например, земельным участком. В отсутствие понимания нужно ли регистрировать право на земельный участок или нет, исчезает и возможность создания такой вещи. Аналогичное происходит и при передаче права на земельный участок — нужно ли его регистрировать? Помимо этого, изменяются правила в отношении распоряжения имуществом отдельных видов юридических лиц, например, государственных и муниципальных предприятий.

Следующая группа предполагает отсутствие необходимости в специальных договорных типах. Прежде всего таким оказывается договор ипотеки. По всей видимости, регулирование залога некогда недвижимых вещей должно будет осуществляться нормами залога движимости. Также возникает проблема и с договором продажи недвижимости, предприятия, аренды недвижимости, которые теряют свой объект.

В число прочих проблем входят в первую очередь: изменение темпорального реквизита в составе приобретательной давности, отсутствие необходимости в специальных юридических лицах, например, товариществе собственников недвижимости, определение формы отдельных видов договоров, некоторых правил о наследовании, например,

в вопросе места открытия наследства (ст. 1115 ГК РФ), а также коллизионные нормы.

§3. Регистрируемые и нерегистрируемые вещи как альтернативное различие

С первого взгляда отпадающие институты из-за исчезновения понятия недвижимости кажутся не такой проблемой, а выглядят как логичное следствие. При этом понятно, что оборот не может отказаться от них хотя бы потому, что это удобно. В таком случае видится два способа разрешения возникшей проблемы. Во-первых, формирование точечного, специального регулирования, что по существу является простой заменой слова «недвижимость» на какое-либо другое с конструированием такой же системы. Однако окажется ли это решением накопившихся проблем, разрешит ли ранее существовавшие вопросы? Кажется, что нет. Во-вторых, создание альтернативного различия, которое включало бы предыдущее деление вещей на движимые и недвижимые в себя, но при этом снимало бы вопросы, существовавшие ранее.

Основание для альтернативного различия подчиняется требованию консистентности системы, то есть непротиворечивости, а также последовательности. При этом само по себе различие должно быть внутри себя системным, то есть должно иметь место «устойчивое сочетание определенных параметров, которые можно адресовать всем ее разновидностям» (Егоров, 2012, с. 8). Таким образом, соответствие каждого объекта тем признакам класса, в который они включаются. Также важен и сам характер основания различия, который определяется удобством для сторон при заключении договора по поводу такой вещи, то есть необходимо выделение юридически значимого свойства вещей.

В этом смысле подходящей демонстрацией является различие *res mancipi* и *res nec mancipi*, существовавшее в римском праве. Основная черта такого деления — подверженность специальному ритуалу для перехода собственности на вещь. Вещи, подверженные такому ритуалу, переходили в класс *res mancipi*, а вещи, для которых было достаточно простой передачи владения (*traditio*), включались в класс *res nec mancipi*. При этом, как отмечает Д. В. Дождев, это оказывается именно что следствием, а не основанием для классификации (Дождев, 1996, с. 311).

Основанием же для такого деления выступала способность следовать команде хозяина. В состав *res mancipi* входили: «Имена на италийской

земле, как сельские, как поле, так и городские, как дом; а также права сельских имений, например: право прохода, проезда, прогона скота, водопровода; а также рабы и четвероногие, которые приручаются под седлом или под ярмом» (Дождев, 1996, с. 310). Все же остальные входят в класс вещей неманципируемых. Здесь кажется интересным заметить, что в состав вещей, право на которые передается вместе с передачей владения, входят вещи физически движимые, а в свою очередь большая часть вещей манципируемых является физически недвижимыми. По всей видимости, простой передачи владения оказывается для оборота недостаточно, а скорее такая передача просто невозможна. Опять же сложно себе представить физическую передачу интеллигибельной вещи. Соответственно, положение этой вещи в обороте зависимо от команды хозяина, а не от действия по передаче. Это подтверждается также и следующим: «Вовлечение в оборот недвижимости потребовало выработки абстрактной конструкции принадлежности и идеи переноса вещного права, поскольку отчуждение имений неизбежно происходило в их отсутствие» (Дождев, 1996, с. 386).

Манципация как ритуал и инструмент также используется для установления того, кому передается право на вещь, а также для всеобщего признания права за лицом, покупавшим вещь. В силу такого всеобщего признания права обеспечивался абсолютный характер права собственности на передаваемую вещь (Дождев, 1996, с. 386). Возможно описать эту функцию как легитимизирующую или функцию публичности права на вещь. Помимо этого, представляется, что любой ритуал также осуществляет функцию памяти.

Таким образом, в качестве альтернативного различения для деления вещей на движимые и недвижимые можно использовать конструкцию вещей манципируемых и неманципируемых, однако с иным инструментом, осуществляющим подобные функции, более удобным и эффективным. Как основание в таком случае определяется такая же зависимость именно от команды хозяина. Возможно также поиск такого основания через социальную значимость категории вещей, то есть считает ли оборот, что в отношении данного вида вещей, например, земельных участков, необходимы память и публичность права на них. В свою очередь это снимает проблему, существовавшую в определении недвижимости, исходя из ст. 130 ГК РФ, когда контринтуитивно в состав недвижимых вещей включаются морские и воздушные суда, а также суда внутреннего

плавания. В таком случае отсутствует соблазн придания физической интерпретации класса вещей, то есть происходит юридизация понятия.

При этом важно оговориться, что в качестве основания совершенно точно не подходит экономическая ценность вида вещей. Во-первых, потому что это требует придания какого-либо конкретного показателя, при соответствии которому вещь будет включаться в класс, что невозможно, так как рыночная или экономическая стоимость определяется только в отношении конкретной вещи. Во-вторых, следование стоимости конкретной вещи создает ситуацию правовой неопределенности: сегодня конкретная вещь включается в класс, а завтра — нет, так как стоимость снизилась. В-третьих, это исключает признак соответствия каждого вида вещей признаку класса, то есть возможна ситуация, когда один земельный участок включен в класс, а другой нет, что размывает уже понятие земельного участка и невозможность включения уже полностью множества земельных участков в множество экономически более ценных вещей.

Наконец, что может оказаться подходящим инструментом, исполняющим функции памяти и публичности права на вещь? Кажется, решением является регистрация права, система которой хранит в себе информацию о предыдущих сделках относительно вещи, а также служит публичной для выполнения легитимизирующей задачи. Таким образом, создание различения вещей, права на которые подвержены регистрации или регистрируемые и которые не подвержены регистрации или нерегистрируемые.

Встраивание такой конструкции на место деления вещей на движимые и недвижимые, представляется, добавляет системе последовательности, а также разрешает внутреннюю противоречивость определения недвижимости ст. 130 ГК РФ.

Заключение

Самым интересным выводом оказалась весьма спорная позиция различения движимых и недвижимых вещей, суть которых исчерпывается, с одной стороны, только режимом недвижимой вещи. Однако если посмотреть на этот вопрос несколько с иной стороны, то такое различие оказывается системно важным, если вновь обратиться к физической характеристике движимой вещи как первоисточника права собственности. В таком случае, несмотря на временную асимметрию, различие

оказывается важным для всего вещного права и прежде всего для понятия вещи. Такой ход не позволяет безболезненно или хотя бы с минимальным потерями извлечь деление вещей на движимые и недвижимые из системы гражданского права.

При этом другая интерпретация характеристики движимости вещи позволяет провести изначально планировавшийся мысленный эксперимент. Такое изъятие как раз и демонстрирует, что большую часть проблем возможно решить просто формированием категории особых вещей, к которым применяются несколько иные правила, чем к остальным вещам. Однако такой вариант показался не отвечающим задачам текста.

В связи с чем было предложено альтернативное различие, строящееся по лекалам римских *res mancipi* и *res nec mancipi*. В основание легла необходимость оборота в запоминании права на вещь и его перехода, а также в его публичности. Таким образом, вместо ритуала манципации как инструмента, реализующего указанные функции, была выбрана регистрация права на определенные вещи.

Данный вариант в большей степени кажется отвечающим потребностям системы: наличие необходимой потребности в различении; соответствие вида вещей признакам самого класса, то есть соответствие каждого объекта такой категории признакам потребности в памяти и публичности права на вещь.

Более того, такое различие, кажется, снимает и предыдущие накопившиеся проблемы деления вещей на движимые и недвижимые, хотя бы за счет формирования группы с внутренне непротиворечивым определением.

Библиография

Бевзенко, Р. С. (2017). Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости. М-Логос.

Дождев, Д. В. (1996). Римское частное право. Учебник для вузов. Издательская группа ИНФРА М – НОРМА.

Дождев, Д. В. (2021). Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву: в 2 т. Т.1: Право, справедливость, юридическая наука. Добросовестность. Вещные права и владение. Статут.

Дювернуа, Н. Л. (1902). Чтения по гражданскому праву. Том I: Введение и часть общая: Выпуск 1; Выпуск 2: Лица. Вещи; Выпуск 3: Изменение юридических отношений. Учение о юридической сделке. Типография М.М. Стасюлевича.

Егоров, Н. Д. (2012). Проблемы разграничения движимых и недвижимых вещей в гражданском праве. Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, (7), 4–29.

Кассо, Л. А. (1905). Здания на чужой земле. Издание книжного магазина И.К. Голубева под фирмою «Правоведение».

Кристиан фон Бар. (2018). Для чего нужно понятие земельного участка (Grundstück) и что это такое? О сложностях установления содержания понятия «вещь» в европейском вещном праве. Вестник гражданского права, 18(5), 113–138.

Наумов, Е. Л. (2015). О понятии недвижимости. Законодательство, (5).

Нерсесянц, В. С. (1999). Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов. Издательская группа НОРМА-ИНФРА М.

Санфилиппо, Ч. (2007). Курс римского частного права: учебник. Норма.

Скловский, К. И. (2023). Собственность в гражданском праве: учебное пособие для вузов. Издательство Юрайт.

Yiannopoulos, A. N. (1962). Movable and Immovable in Louisiana and Comparative Law. Louisiana Law Review, 22(3), 517–579.

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «РАЗЛИЧЕНИЕ ВЕЩЕЙ ДВИЖИМЫХ И НЕДВИЖИМЫХ: НЕОБХОДИМОСТЬ И АЛЬТЕРНАТИВЫ»

*Зиганшин Ильсур Рустамович**

Работа посвящена интересной теме — юридической классификации вещей на движимые и недвижимые. Автор достаточно убедительно показывает актуальность этой темы для современного российского права, опираясь на доктринальные работы и нормативный материал. Автором четко подмечается и улавливается логическое противоречие, содержащееся в законодательном определении критериев недвижимости.

Не менее важно, что в работе дается добротный исторический экскурс поднятой проблемы. На основе этого обзора делается обоснованный и взвешенный вывод о вторичности регулирования по отношению к экономическому содержанию понятия собственности: законодательная классификация вещей на движимые и недвижимые нужна и осуществляется в тех случаях, когда существует жизненная, реальная необходимость подобного разделения.

Еще одной сильной стороной работы является нестандартная для юридических рассуждений методология. Автор проводит мыслительный эксперимент, предлагая посмотреть на законодательство и регулируемые отношения в отсутствие юридического закрепления рассматриваемой классификации. Это вполне убедительно подводит логику рассуждений к выводам, предлагаемым автором.

Наконец, в работе не просто фиксируются логические и юридические противоречия, но и предлагается способ разрешения указанных противоречий. Более целесообразным автору видится классификация вещей на регистрируемые и нерегистрируемые.

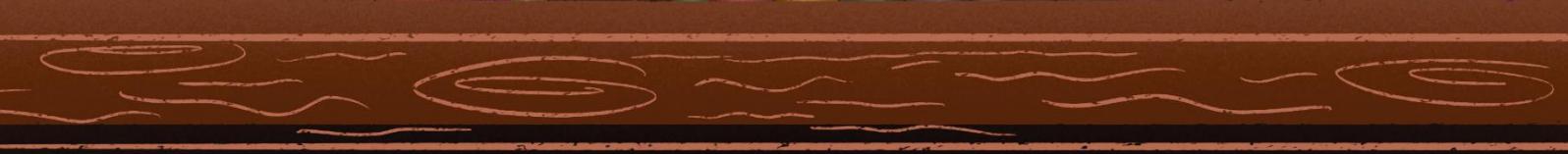
Между тем, в работе есть и определенные недостатки. Представляется, что автор может их в дальнейшем преодолеть.

* Кандидат юридических наук.

Во-первых, можно было провести мыслительный эксперимент и в обратную сторону. Что если законодатель откажется от фикции признания реально движимых вещей недвижимыми. Возможно, это более простой и экономный способ выхода из противоречий, обозначенных автором.

Во-вторых, исследуя природу собственной и вещей, соотнося эти понятия, автор опирается на трудовую теорию Джона Локка. Но из работы не совсем очевидно, почему именно эта теория должна лежать в основе рассуждений. Представляется, что в таком случае необходимо рассмотреть и другие концепции, к примеру, концепцию Ж.-Ж. Руссо, а также социалистические концепции собственности.

Указанные недочеты работы не отменяют всех ее достоинств, а лишь обозначают дальнейшие перспективы.

TERTIUM COMPARATIONIS: ЕДИНОЕ НАЧАЛО МЕТОДОВ КОМПАРАТИВИСТИКИ В КОНТЕКСТЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

Антон Кольчугин*

mss2202004@universitas.ru

Введение

Tertium comparationis является глобальным явлением, фундаментальной методологической основой сравнения, затрагивающей не только область правовой компаративистики, но в большей степени сферу развития методологии всех наук с учетом его специфической природы. Вопрос о методологии сравнительного правоведения исходит из более глубокой проблематики, относящегося к сущности *tertium comparationis*.

Цель сравнительно-правовых исследований заключается не только в преодолении практических проблем, но в большей степени в структурировании и воссоздании системы в области права.

Нарастающая критика функционального подхода обоснована его упрощающим и нормативистским характером, исключающим более сложный и тонкий анализ сравниваемых правовых институтов. Потребность в системном переходе от нахождения различий к разработке более сложной концептуальной структуры сравнения, позволяющей учесть как различия, так и сходства, сконцентрировавшись на наиболее важных аспектах, позволит приблизиться к открытию объективной сущности изучаемых объектов (Reimann & Zimmermann, 2019, pp. 313–314).

Действительно прямое упоминание формулировки, *tertium comparationis*, в большинстве исследований ушло на второй план, но сущность данной конструкции активно используется. Так, при сравнении института брака в различных правовых порядках базирование основывается на сформулированных гипотезах: религиозные убеждения

* Выпускник, Юридическое сопровождение управления активами. Работа написана на 1 курсе, дисциплина: Сравнительное правоведение.

или общепринятый порядок устройства семьи (Reimann & Zimmermann, 2019, pp. 316). Данные гипотезы в рамках сравнения и являются *tertium comparationis* различных правопорядков, что позволяет обнаружить их сходства и различия для более углубленного осознания.

Определение области применения и допустимости использования методологического базиса, *tertium comparationis*, проявляется в различных областях исследований.

Во-первых, *tertium comparationis* находит отражение как в контексте общей методологии, так и в контексте сравнительного правоведения, зачастую отражая истинную сущность сравниваемых объектов, в отличие от иных методологических подходов, поскольку использует отличную от них основу.

Во-вторых, *tertium comparationis*, являющийся базисной методологией, в контексте сравнительного правоведения имеет определенную связь с существующими методологическими подходами, изначально содержащими в себе заданную систему объектов и предполагаемых результатов их сравнения. Этот аспект стоит учитывать для раскрытия сущности *tertium comparationis* в контексте сравнительного правоведения.

Данная работа посвящена базовому анализу *tertium comparationis* в контексте сравнительного правоведения, которое ставит системные вопросы, напрямую относящиеся к сущности права. Раскрытие нескольких основных аспектов и попытка формирования общих объективных выводов предположительно имеет интерес с точки зрения дисциплины сравнительного правоведения, но не ставит однозначную точку в данном вопросе.

§1. Tertium comparationis: единое начало методов компаративистики

Правило о недопустимости смешения сравнительного изучения законов и сравнительного правоведения, задача которого заключается в выявлении сходств в вопросах права (Шершеневич, 2016, с. 25), напрямую затрагивает вопрос о месте и роли *tertium comparationis* в аспекте правовой компаративистики. Необходимость в раскрытии истинной сущности *tertium comparationis* обусловлена проблемой методологии сравнительного права. Как известно, одним из основных вопросов правовой компаративистики является методология, позволяющая раскрыть сущность права (Рене, 1981, с. 20). Множественность подходов

к пониманию права порождает неоднозначное понимание его *tertium comparationis*.

Так, юридический подход в сравнительном правоведении включает теоретическое изучение правовых институтов различных юрисдикций в рамках либертарно-юридической концепции и концепции естественного права (Нерсесянц, 2002, с. 3–15; цит. по Слыщенко, 2011, с. 12). Немногочисленная группа ученых выделяет функциональный подход к изучению права в сравнительном аспекте как один из передовых, чаще акцентируя внимание на узких правовых институтах (Кох и др., 2001, с. 327).

Стоит отметить, что основная ошибка теоретических исследований правовой компаративистики заключается в применении заранее существующей философско-правовой доктрины применительно к целям и методам (Цвайгерт & Кётц, 2000, с. 49). Поиск универсального метода, позволяющий раскрыть все аспекты объектов сравнения, как в контексте общенаучном, так и в контексте правовой компаративистики, ставится под сомнение. Поскольку не столько применение единственного метода повышает вероятность ошибки, сколько вырастает аспект узкости научного исследования, не позволяющий обратить внимание, возможно, не на самые базисные, но в то же время важные аспекты различных правовых институтов.

Сравнительные исследования, чаще всего связанные с *tertium comparationis* — который используется одновременно с таким элементом сравнения, как методологический подход — фактически лишаются возможности создания «чистого» или нейтрального отражения аспектов права (Reimann & Zimmermann, 2019, р. 299). Кроме строго логических и рациональных воззрений, которые априори должны присутствовать в аспекте правовой компаративистики, возможно, нельзя исключать и элементы случайности или интуитивного принятия решения.

Однако сравнительное религиоведение стремится к нейтральности *tertium comparationis*, поскольку концепции «функции» или «святости» не являются приемлемыми признаками исследования. Таким образом, допустимый *tertium comparationis* в области сравнительного религиоведения не может быть определен как часть методологии, раскрывающей только один из подходов (Reimann & Zimmermann, 2019, р. 312).

Зачастую в рамках сравнительного правоведения вопрос о методе в разрезе инструментального применения и применимости полученных результатов на практике предрекает на изначальное следование

необъективным посылам, приводящим к негативным последствиям. Действительно, лишь от части раскрываются аспекты, преследуемые данной целью, но из виду упускаются немаловажные детали правового исследования, что логически свидетельствует о намеренной ошибке (Кох и др., 2001, с. 323–325).

Очередной крайностью являются попытки применения социологических методов. Попытка выразить реализм, базирующейся на усложняющейся действительности в зависимости от исторического периода, способна отразить проявление того или иного явления, но никак не сущность. Объективно они отражают право, как следствие сравниваемых институтов, как сущее, но не как должное явление (Покровский, 2020, с. 64).

Одной из ошибок, приводящая к искажению целей, а далее методов правовой компаративистики, является исключение того факта, что сравнительное правоведение – это элемент общего понимания права и именно поэтому концепция права, касающаяся его сущности, в том числе и сущности его объектов, в части предопределяет характер исследования (Нерсесянц, 2022, с. 162–174).

Наиболее применимой концепцией права на данный исторический период является либертарно-юридическая, поскольку она затрагивает более важные и устоявшиеся аспекты культурологического и позитивистского подхода к праву. Согласно данной концепции, под правом стоит понимать:

Под правом в его различии с законом имеется в виду сущность права – то, что объективно присуще праву, выражает его отличительную особенность как социальной нормы и регулятора особого рода и отличает право от неправа, то, что не зависит от субъективной воли и произвола законодателя. (Нерсесянц, 2002, с.6)

Таким образом, в данной работе внимание будет акцентировано именно на сущности права как таковой, в рамках допустимого отрыва от позитивистских закреплений тех или иных его институтов.

Разрешение вопроса о существовании самостоятельного метода в аспекте правовой компаративистики позволит перейти от количественных достижений в новые качественные реалии науки права в будущем (Дождев, 2021, с. 70–72). Однако объективные реалии

подчеркивают принцип количественных «достижений» науки сравнительного правоведения, делая акцент на многочисленном энциклопедическом характере исследований правовых институтов и правопорядков (Батлер и др., 2001, с. 1–5). Раскладка различных сводов законов и попытка обличить данную работу в формат исследования в области сравнительного права морально устарели на этапе формирования таковой идеи, однако некоторые исследователи подчеркивают «сравнение правовых систем, соседствующих на географической карте» (Рене, 1998, с. 3–5). Юридическая география, как и прочие проявления инструментализма или попытка раскрыть мир должного способами сущего, реально не позволяет по интерпретированной философии Гегеля (Энгельс, 1934, с. 98–100) перейти от количества в качество.

Отхождение применяемой методологии от подхода устоявшихся типов исследований логически способно привести к приближению понимания сущности правовых институтов путем сравнения искомой и сопоставимой сущности. В свою очередь, именно такой подход к методологии правовой компаративистики позволит разрешить устоявшиеся проблемные «компромиссы» (Суханов, 2016, с. 21–22) в области как законодательной, так и правоприменительной практики.

Ввиду данной проблематики и для осмысления качественного развития правовой компаративистики необходимо остановиться на вопросе фундаментальной методологической основы, который выступает *tertium comparationis*. Прежде всего, необходимо начать с понятия вне контекста правовой компаративистики.

Tertium comparationis имеет под собой историко-философскую основу возникновения — исходя из латинского происхождения следует переводить как «третий член сравнения, критерий сравнения» (Ильичёв и др., 1993). Расширяя данный перевод, ученые указывают: «критерий сравнения, то, в чем совпадают две сравниваемые вещи. Так, например, при сравнении двух плоских поверхностей их *tertium comparationis* является двухмерность» (Губский и др., 1997, с. 14–15). Таким образом, по общему правилу выделяется один из важнейших аспектов *tertium comparationis* — это общая точка сравнения эквивалентно сравниваемых объектов. Идея объединения объектов, а не определения их различий, является базисной для методологии *tertium comparationis*.

Для иллюстрации принципа единства сравниваемых объектов стоит обратиться к лингвистической области: «*Tertium comparationis* обоих

воззрений (т. е. тезиса о непосредственном и качественно более высоком, чем в других языках, доступе к действительности и тезиса о каждом конкретном языке как о творце картины мира) можно отыскать в особенностях семантики каждого конкретного языка» (Райхман, 2013).

С точки зрения исследователей лингвистики, *tertium comparationis* — это связывающий элемент, который служит «мостиком» между понятием, требующим пояснения, и понятием, которое служит пояснением (Манчева, 2011). *Tertium comparationis*, в сущности, представляет собой модуль, выступающий посредником между сравниваемым и сравнивающим объектом. Следует отметить, что *tertium comparationis* должен занимать одно и то же место в сравниваемых друг с другом объектах.

Общефилософское учение склоняется к позиции: «сравнимость предметов в классе (*tertium comparationis*) осуществляется по признакам, определенным на этом классе и существенным для данного рассмотрения» (Степин и др., 2010). Допустимость сравнения базируется не на объектах, а на основании сравнения, являющегося отправной точкой, поскольку объекты могут быть сопоставимы по одному критерию и могут быть несравнимы по-иному. Например, объект сравнения — люди — могут быть сравнимы по основанию «жить на одной планете», а по основанию «быть родственником по прямой линии» несравнимо большинство.

Важнейший тип отношений, выявляемых путем сравнения, — это отношения тождества и различия. Сравнение по объединению этих отношений порождает мысль об универсальной сравнимости, о возможности всегда ответить на вопрос «тождественны или различны?» Абстрактные объекты, к которым относится право, не всегда сравнимы по одному основанию, поскольку различие определяется посредством логических умозаключений. Проблема сравнения по основанию тождества, может быть, не всегда разрешима с определенными объектами. Таким образом, логическая цепочка, состоящая из сравниваемых объектов и их *tertium comparationis*, также зависима от типа понимания объектов и абстрактной допустимости их сравнения. Т. е. изначально заложенная система постулатов сравнения или логика сравнения во многом предопределяет ход сравнения и далее критерий, положенный в основу сравнения, *tertium comparationis*.

Как указывалось выше, в различных типах сравнительных исследований значимые критерии могут находиться не только в одном *tertium comparationis*, поэтому диапазон таковых позволяет наиболее точно определить схожесть или различие сравниваемых объектов.

Например, для объективного понимания традиционной концепции «правовой семьи» не стоит останавливаться только на одном определяющем *tertium comparationis*. Вопрос о комплексности сходств определяется через выбор наиболее важных *tertium comparationis*, допуская различие в наименее важных (Reimann & Zimmermann, 2019, p. 301).

Таким образом, следует выделить типы сравнения в зависимости от их механизма построения, базирующемся на сходствах или различиях. При классифицирующем сравнении применение *tertium comparationis* основывается на поиске различий в отличие от квалифицирующего сравнения, нацеленного на поиск сходств. Комплексные сравнения, нацеленные на выявление сущностных сходств, основываются на совокупности результатов классифицирующего и квалифицирующего сравнения.

Комплексные сравнения в наибольшей степени способны приблизиться к научным качествам исследования, поскольку формулирование *tertium comparationis* с учетом сходств и различий позволяет учитывать как индивидуальные особенности, так и общие черты по отношению к выдвинутому исследователем идеалу на соответствие таковому (Reimann & Zimmermann, 2019, p. 318).

Основным принципом сравнения, без которого таковое не будет релевантным, выступает однородность или эквивалентность сравниваемых объектов действительности или предметов сущностного аспекта. Т. е. одной из сущностных черт *tertium comparationis* выступает принцип эквивалентности. Смещение политического и научного дискурса приводит, по мнению одного из исследователей, к невозможности сравнения различных культур: «Любые сравнения и сопоставления отвергаются с порога вследствие невозможности таковых за отсутствием *tertium comparationis*. Это приводит к тому, что, из-за существования предварительно заданных лингвокультурологией дихотомических рамок “Запад – Восток”, всякая возможность серьезных исследований сводится на нет» (Шульте, 2013). Таким образом, заранее заданные концептуальные установки могут влиять не только на выбор объектов, но и на теоретическую допустимость такового сравнения.

Исследователи в области права подчеркивают: «сравнительное правоведение предполагает формальное соответствие сравниваемых правовых институтов» (Шершеневич, 2016, с. 26). В сравнение закладывается необходимость допустимости такового, в противном случае

переход на уровень сущего извращает концепцию должного. Следование принципу эквивалентности ярко прослеживается на примере:

Сравнение права и нравственности достигнет успеха лишь в том случае, если мы возьмем право и нравственность в параллельных значениях: право в единичном смысле надо сравнивать с нравственным отношением; правовой порядок — с нравственным порядком; юридическую норму — с нравственной нормой; идеальное право или справедливость — с идеальной нравственностью. (Муромцев, 2022, с. 120–121)

Т. е., эквивалентность распространяется не столько на право и нравственность как таковую, сколько на их концептуальную форму проявления.

Один из примеров проявления принципа эквивалентности базируется на сопоставлении допустимости сравнения различных правопорядков: «Подход, когда неразвитое сравнивается с развитым, нарушает требование *tertium comparationis*, релевантного основания сравнения» (Дождев, 2021, с. 89). Применительно к области правовой компаративистики зачастую происходит подмена свойств предмета, в частности права и его институтов, культурными, экономическими и иными общественно-значимыми аспектами. Более предметно это прослеживается на подходе ученых, делающих акцент на правопорядке, действующем в Конго, где нормы бельгийского права обладают юридической силой взамен африканским обычаям. Фокусировка не на сущности, а на европейском праве как таковом является примером негативного сравнительно-правового анализа (Слыщенко, 2021, с. 267–268), но в тоже время недопустимо сравнивать обычаи, религиозные нормы и традиции на одном уровне с устоявшимися, формально закрепленными нормами права, поскольку они не эквивалентны как в своей форме, так и в сфере применения, хотя первые из них могут служить вспомогательными источниками права (Статут Международного Суда, 1956, ст. 38).

Неотъемлемым аспектом релевантного сравнения выступает необходимость сопоставления в большей степени сущностных признаков объектов (Кондаков, 1975). Одно из свойств *tertium comparationis* проявляется в нахождении единого центра или точки соприкосновения правовых институтов. Действительно, данный пример не совсем затрагивает область правовых институтов как таковую, но делает акцент

на механике данной методологии: «Правоотношениями, которые все сходятся в единой точке — у носителя власти; от последнего исходят движущие импульсы, направляющие жизнь соответствующей социальной ячейки» (Агарков, 2012). По логике ученого, современная семья, характеризующаяся системой централизованных отношений, и римская семья, обусловленная властью домовладыки, т. е. характеризующейся децентрализованной системой, допустимы к сравнительному анализу, поскольку единым центром или точкой пересечения выступает институт семьи как таковой. Развивая данный пассаж, следует отметить, что для наиболее объективного исследования акцентирование происходит на сущности тех или иных институтов, а не на его видах.

Два главных условия деяния: «намерение, соединенное с явной возможностью совершить преступление и произведенные действия, направленные на совершение преступления» (Романов, 2014, с. 30), — определяются как покушение на преступление. Различные жизненные ситуации, которые охватывают вышеуказанные условия, но различающиеся в фактических обстоятельствах, охватываются их *tertium comparationis*, общим правилом уголовного права. Право «*jus*» и закон «*lex*» обладают некой синонимичностью (Романов, 2014, с. 24), закон является тенью права в реальном мире, тенью содержания, однако обе конструкции отражают правоведение, т. е. внешнюю и содержательную сторону. *Tertium comparationis* в данном случае находится в правоведении, где право и закон выступают как два разных объекта.

Таким образом, конструкция сравнения в обобщенной форме представляет триадное отношение между двумя объектами и определенным качеством. Т. е. объекты подобны относительно *tertium comparationis*, что является их общим свойством. Сравнение подразумевает поиск новых категорий с помощью *tertium comparationis* для определения сходств или различий (Reimann & Zimmermann, 2019, pp. 295–297).

Как отмечают ученые, «*tertium comparationis* — фундаментальный третий элемент, соединяющий объясняемое и объясняющее понятия» (Potebnua, 1914; цит. по Битокова, 2019). Следствием данного сравнения является его результат, на основании которого устанавливается тождество или сходство объектов, а также, возможно, вырабатываются новые фундаментальные категории.

Процесс нахождения *tertium comparationis* имеет субъективный характер, исходящий от автора исследования, однако для создания релевантного результата сравнения необходимо соблюдение вышеуказанных условий. Несоблюдение данных принципов сравнения приводит к тому, что «в результате появляется новый субъективный образ, который может включать в себя все качества сравниваемых объектов, за исключением их общего качества общего» (Миллер, 1990). Нахождение общего качества, на которое и нацелена методология *tertium comparationis*, в данном случае исключается и лишает подобный подход логического смысла. Как на выбор объектов исследования и *tertium comparationis*, так и на результат исследования влияет интерес компаративистика и его оценка важности критериев и элементов сравнения (Reimann & Zimmermann, 2019, p. 318).

При ситуации, когда один из объектов создает переносное значение сравниваемого критерия, а другой передает буквальное значение данного критерия, результатом сравнения с помощью *tertium comparationis* выступает совмещенное видение двух картин (Манчева, 2011). Совмещенное видение может трансформироваться в третий объект, новую идею, которая вбирает в себя все необходимое, а именно существенные признаки двух предыдущих объектов. Создание совершенно нового объекта не сопоставимо с суммарным эффектом объектом, поскольку первое отражает сущность явления, а не совокупно описывает проявления (Коралова, 1975).

Результат сравнительно-правового исследования во многом зависит не только от методологического подхода, но и от выбранного в рамках него *tertium comparationis*. Однако сам *tertium comparationis* — это независимая часть, как и все остальные части сравнения, которые не являются его единственным и возвышающимся элементом (Reimann & Zimmermann, 2019, p. 316).

§2. Tertium comparationis: в контексте сравнительного правоведения

Раскрыв сущностные аспекты *tertium comparationis*, следует перейти к более узконаправленной правовой сфере, а именно *tertium comparationis* в контексте правовой компаративистики.

Как указывают основатели либертарно-юридической теории: «Сравнительное изучение разных объектов (разных нормативно-

регулятивных феноменов) является сравнительным правоведением лишь при условии, что сравниваемые объекты обладают правовым свойством, понятийно-правовым единством» (Нерсисянц, 2022, с. 164). Подразумевается, что правовые институты, а точнее правовые феномены, с учетом исторических, национально-культурных, философско-юридических, терминологических и прочих аспектов, представляют собой различные проявления одного и того же явления, а именно права. Именно поэтому тип правопонимания напрямую оказывает влияние на подход к сущности методологии, *tertium comparationis*.

Некоторые ученые определяют, что «операция сравнения предполагает третий член сравнения (*tertium comparationis*), общий критерий, по отношению к которому оцениваются две различные юрисдикции» (Слыщенко, 2011, с. 13). Данное определение вполне приближено к объективному аспекту сущности *tertium comparationis* в контексте правовой компаративистики, предполагая, что объектами сравнения могут быть не только правовые феномены, но и целые юрисдикции, включающие множество правовых феноменов.

Как отмечают компаративисты, «непременное условие признания сравнительного правоведения — наличие специфического подхода к предмету исследования. Предмет науки в свою очередь определяет методы исследования и способ их применения к данной науке» (Саидов, 2003, с. 32). Неразрывная связь метода сравнительного правоведения и предмета исследования приводит исследователя к вопросу о множественности первых, в которых выделяются различные *tertium comparationis* (Саидов, 2003, с. 21–22, 29).

Проблематика состоит также в том, что вопрос о сущности права относится к категории догматических, на которой отсутствует однозначный ответ. Таким образом, дискуссионность о сущности права через призму различных концепций остается актуальной, что свидетельствует и о дискуссионности методологических подходов сравнительного правоведения. Перевод данного вопроса в категорию заданных, возможно, не только предоставит ответ на вопрос, что является правом, но и позволит раскрыть сущность *tertium comparationis* в аспекте правовой компаративистики (Романов, 2014, сс. 23–26).

Возвращаясь к типам понимания права, выделяется три основных подхода в рамках сравнительного правоведения: культурологический, функциональный и либертарно-юридический. Из данных подходов

вытекает наличие собственного *tertium comparationis* у каждого из них, что вкладывается в основу сравнения и служит их критерием разграничения.

Рассматривая методы и подходы сравнительного правоведения, для культурологического метода компаративистики *tertium comparationis* выступают культура, национальные особенности, народный дух (Савиньи, 2011, с. 284–285), исторические типы (Саидов, 1985, с. 54). Данные критерии позволяют компаративисту рассмотреть за возможными культурно обусловленными различиями общие для двух или более юрисдикций основы правового регулирования, их базовые принципы, выстроенные на данных критериях сравнения. Стоит заметить, что культурологическому подходу в отличие от функционального не свойственна утилитарная трактовка правовых норм, взгляд на право как на инструмент достижения определенных социальных целей в данном случае исключен. Понимание и объяснение права в определенном культурном смысле является ядром данной концепции.

В рамках функционального подхода его *tertium comparationis* выступают социальные потребности, экономическое развитие и иные общественные интересы. Именно не правовые принципы, а эффективность функционирования правового института во исполнение внеправовых целей является *tertium comparationis* данного подхода. Последователи функционального подхода указывают: «Правовые системы сравнимы лишь в той мере, в какой они решают проблему, удовлетворяя потребность в адекватном правовом регулировании» (Цвайгерт & Кётц, 2000, с. 69–71). Т. е. только функциональная однозначность, включающая выполнение задачи институтами разных стран, делает их сравнение допустимым и необходимым.

Каждый правовой институт стоит сравнивать только с точки зрения рассматриваемой функции, абстрагируясь от различий, находящихся в национальных или культурно-исторических особенностях сравниваемых правопорядков, включая как нормы права, так и практику судов. Как указывают ученые, «велик соблазн сравнивать в первую очередь принципы, лежащие в основе законодательства и доктрины изучаемых правопорядков» (Цвайгерт & Кётц, 2000, с. 70), поскольку толкование и реализация принципов осуществляется иначе.

Таким образом, функция, исходный критерий сравнения, является *tertium comparationis* и единственным критерием. Это означает, что в рамках сравнения функциональность сравниваемых правопорядков и их регулирование берется в чистом виде, без учета национальной,

культурной, исторической и иной специфики, которая присуща их юридическим понятиям и особенностям, как в рамках доктринальной основы, так и в рамках практической составляющей.

Доминирование в научных работах в области сравнительного правоведения традиционного и функционального методологического подхода подтверждает факт недостатка теоретической базы (Кишель, 2020, с. 18). Либертарно-юридический подход в качестве собственного *tertium comparationis* определяет правовые принципы и действие правовых институтов. «Нормы различных юрисдикций оцениваются с точки зрения их соответствия или несоответствия некому базовому правовому принципу» (Слышенков, 2011, с. 14), основополагающие права и свободы человека, равенство участников оборота, системность функционирования частных правовых институтов и не только таковые объекты могут рассматриваться в сравнении на соответствие базовым принципам в рамках сравнительного правоведения.

Стоит отметить, что «единый понятийный стержень, как объективная основа и ведущий принцип изучения конкретных правопорядков, все еще остается нераскрытым в сравнительно-правовых исследованиях» (Дождев, 2021, с. 94). Во внимание принимаются как исторические реконструкции на примере материальной стороны единства права, представленной романистической правовой традицией (Zimmermann, 1993; Zimmermann, 1995; цит. по Дождев, 2021, с. 94).

Спор между школами компаративистов в области выбора идеального методологического подхода пытается разрешить и контекстуальный подход, ориентированный на практический и прагматический аспект сопоставления права (Кишель, 2020, с. 19).

Методологическая основа контекстуального метода представляет собой герменевтику, описывающую процесс поэтапного освоения иностранной правовой среды. «Поиск атмосферы, стиля, правовых и иных характеристик» (Кишель, 2020, с. 30) может являться одним из *tertium comparationis* сравнительного правоведения, позволяющий компаративисту избежать типичных ошибок, системно заложенных в культурологический и функциональный методологический подход. Поиск идеального метода исключен ввиду обширных особенностей каждого правопорядка. *Tertium comparationis* различных правопорядков обладает свойством гибкости и многогранности, поиск единой сущности от случая к случаю, а точнее от правопорядка к правопорядку, составляет ядро данной методологии. Учет индивидуальных черт каждого и поиск

их сферы объединения претендует на более компромиссный, но в то же время объективно научный метод, позволяющий минимизировать возможные теоретические ошибки компаративиста.

Заключение

Tertium comparationis в контексте единого начала методов компаративистики и в контексте сравнительного правоведения может быть рассмотрено как глобальное явление, раскрывающее сущность методологических подходов.

Более детальное отношение к вопросу *tertium comparationis* как в области общей методологии, так и в области сравнительного правоведения обосновано фактом собственных логических основ, покоящихся в триаде отношения объектов и их критерия сравнения. Данное обстоятельство стоит учесть в применении данной методологической базы в рамках исследований в области сравнительного правоведения во избежание преобладания теоретических установок концептуалистических подходов над сущностью рассматриваемых объектов.

Изучение вопроса сущности *tertium comparationis* в контексте правовой компаративистики с главенствующей опорой на изучаемый предмет, право, а также дополнительное использование обоснования, используемого в иных науках (Дождев, 2021, с. 90), подталкивает к следующим выводам.

Во-первых, *tertium comparationis* представляет собой методологический базис, выходящий не только за рамки науки сравнительного правоведения, но и за рамки гуманитарных наук.

Во-вторых, *tertium comparationis* в области сравнительного правоведения тесно связан с методологической основой и заложенными в ней критерии сравнения, напрямую влияющими на как на процесс, так и на результат исследования.

В-третьих, *tertium comparationis* с точки зрения приближения к объективности сравнительного права находится в многогранном и гибком состоянии, которое может обнаружить компаративист исключительно при глубоком сущностном исследовании правопорядков. Последующее научно обоснованное сравнение должно содержать в себе соблюдение правил и принципов, присущих методологии *tertium comparationis*.

Данное эссе не ставит однозначную точку в вопросе *tertium comparationis* как в контексте единого начала методов компаративистики, так и в контексте сравнительного правоведения, но вносит ясность, поскольку *tertium comparationis* неотделима от концепции права. Несмотря на возможный положительный эффект отдельных методологических подходов, можно с уверенностью отметить, что поиск общей методологической базы затрагивает сущность изучаемого предмета, именно поэтому необходим полноценный переход на путь науки сравнительного права, цель которой заключается не только в разрешении конкретных практических проблем, но в большей степени позволяющей приблизиться к истинной сущности права.

Библиография

Агарков, М. М. (2012). *Избранные труды по гражданскому праву*. В 2 т. Т. 1: *Социальная ценность частного права и отдельных институтов общей части гражданского права*. Статут.

Батлер, У. Э., Бойцова, В. В., Бойцова, Л. В., Додонов, В. Н. (2001). *Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник*. Инфра-М-НОРМА.

Битокова, С. Х. (2019). *Tertium comparationis* компаративных сочетаний: когнитивный анализ. В *Сборник материалов международной научной конференция «Социальные и культурные трансформации в контексте современного глобализма»*, посвященная 85 летию Ибрагимова Х. И. (с. 631–637).

Губский, Е. Ф., Кораблева, Г. В., Лутченко, В. А. (Ред.). (1997). *Философский энциклопедический словарь*. ИНФРА-М.

Дождев, Д. В. (2021). *Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву*. В 2 томах. Т.1. *Право, справедливость, юридическая наука. Добросовестность. Вещные права и владение*. Статут.

Ильичёв, Л. Ф., Федосеев, П. Н., Ковалёв, С. М., Панов, В. Г. (Ред.). (1993). *Философский энциклопедический словарь*. Советская энциклопедия.

Кишель, У. (2020). *Метод в сравнительном праве: контекстуальный подход*. *Сравнительное конституционное обозрение*, 2(135), 18–32.

Кондаков, Н. И. (1975). *Логический словарь-справочник*. Наука.

Коралова, А. Л. (1975). *Семантическая природа образных средств в современном английском языке* [дисс. канд. филол. наук.]. МГПИИЯ им. Мориса Тореза.

Кох, Х., Магнус, У., Винклер фон Моренфельс, П. (2001). *Международное частное право и сравнительное правоведение. Международные отношения.*

Манчева, Е.Г. (2011). К вопросу о разграничении образных и необразных сравнений. *Альманах современной науки и образования*, 4(47), 198–199.

Миллер, Дж. (1990). *Образы и модели, уподобления и метафоры.* В Н. Д. Арутюнова, М. А. Журина (Ред.), *Теория метафоры: Сборник* (с. 236–283). Прогресс.

Муромцев, С. А. (2022). *Определение и основное разделение права.* Издательство Юрайт.

Нерсесянц, В. С. (2002). *Философия права: либертарно-юридическая концепция.* *Вопросы философии*, 3, 3–15.

Нерсесянц, В. С. (2022). *Сравнительное правоведение в системе юриспруденции.* *Государство и право*, 2, 162–174.

Покровский, И. А. (2020). *Основные проблемы гражданского права.* Статут.

Райхман, О. (2013). *Национальный язык как языковедческая категория.* В А. В. Павлова (Ред.), *От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»: сборник статей* (с. 31–48). Антология.

Рене, Д. (1981). *Сравнительное право.* В В. А. Туманов (Ред.), *Очерки сравнительного права. Сборник* (с. 19–35). Прогресс.

Рене, Д. (1998). *Основные правовые системы современности.* Прогресс.

Романов, А. К. (2014). *Право и правовая система Великобритании.* ФОРУМ.

Савиньи, Ф. К. фон. (2011). *Система современного римского права. Т. I.* Статут.

Саидов, А. Х. (1985). *Типология и классификация правовых систем современности.* *Правоведение*, 2, 52–56.

Саидов, А. Х. (2003). *Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности).* Юристъ.

Слыщенко, В. А. (2011). *Методы сравнительного правоведения: замечания о культурологическом подходе к сравнительному праву.* В Д. В. Дождев (Ред.), *Ежегодник сравнительного права. 2011* (с. 12–26). Статут.

Слыщенко, В. А. (2021). Движение «право и развитие» (law and development) в свете противоречий правовой рецепции. *Вестник гражданского права*, 21(5), 256–300.

Статут Международного Суда. Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945. (1956). В *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*. Вып. XII. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 3 сентября 1945 года и 31 декабря 1946 года. Госполитиздат.

Степин, В. С., Гусейнов, А. А., Семигин, Г. Ю., Огурцов, А. П. (2010). *Новая философская энциклопедия: В 4-х томах*. Т. 3. Мысль.

Суханов, Е. А. (2016). Реформа гражданского кодекса Российской Федерации: балансы и компромиссы. *Вестник Московского университета*. Серия 11: Право, 6, 20–36.

Цвайгерт, К., Кётц, Х. (2000). *Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х тт.* – Том I. Основы: Пер. с нем. Международные Отношения.

Шершеневич, Г. Ф. (2016). *Избранное: В 6 т.* Т. 4 включая *Общую теорию права*. Статут.

Шульте, Б. (2013). «Во имя прогресса человечества»: китайская лингвокультурология изобретает самое себя. В А. В. Павлова (Ред.), *От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»: сборник статей* (с. 338–349). Антология.

Энгельс, Ф. (1934). *Диалектика природы*. 1873–1882, 1886. *Диалектика и естествознание*. Партиздат.

Potebnya, A. L. (1914). *From the lectures on the literature theory. Fable. Saying. Proverb*. Mirny Trud Ed.

Reimann, M., Zimmermann, R. (2019). *The Oxford Handbook of Comparative Law*. Oxford University Press.

Zimmermann, R. (1993). *Der Europäische Charakter des englischen Recht. Historischen Verbindungen zwischen civil law und common law*. ZEuP.

Zimmermann, R. (1995). Roman and Comparative Law: The European Perspective. *Journal of Legal History*, 16.

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «TERTIUM COMPARATIONIS: ЕДИНОЕ НАЧАЛО МЕТОДОВ КОМПАРАТИВИСТИКИ В КОНТЕКСТЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ»

*Слыщенков Владимир Александрович**

Вопрос о месте и роли критерия сравнения, *tertium comparationis* в контексте современного сравнительного правоведения имеет бесспорную научную значимость. Его грамотное теоретическое разъяснение является существенно необходимым для надлежащего изучения и успешного развития методологии юридической компаративистики.

Эссе привлекает внимание к взаимосвязи между понятием *tertium comparationis* и методами сравнительного правоведения, подчеркивая основополагающее значение *tertium comparationis* для любого сравнительно-правового метода. Что есть *tertium comparationis*, какой именно *tertium comparationis* используется в данном методе – эти вопросы действительно служат началом всякого серьезного сравнительно-правового исследования.

Сравнительно-правовая трактовка *tertium comparationis* распадается на две основные части. Во-первых, *tertium comparationis* как элемент логической операции сравнения, применяемой в сравнительном правоведении для цели юридического познания сравниваемых правопорядков, отдельных институтов или законоположений. Во-вторых, собственно юридическая сторона избранного *tertium comparationis*, которая показывает его правовую значимость, существенный с юридической точки зрения критерий, относительно которого производится сравнение и оценка сравниваемых правовых явлений разных правопорядков.

* Доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса факультета права Московской высшей школы социальных и экономических наук, доцент кафедры теории и истории частного права ИЦЧП имени С. С. Алексеева при Президенте РФ, кандидат юридических наук, доктор права.

Как известно, метод как путь познания должен соответствовать предмету, чтобы действительно помочь найти существенное, получить знание. Правопорядок, законы можно исследовать разными методами, любой из них способен показать важное для исследователя и (или) других заинтересованных участников. Однако в науке вообще, в том числе сравнительном правоведении, т. е. науке о юридических достижениях человечества, подлинной значимостью обладает лишь объективная истина, которая не зависит от самого исследователя или внешних, не относящихся к предмету соображений, предпосылок или факторов. Искомое знание раскрывает предмет как таковой в его существенных характеристиках. Метод сравнительного правоведения, который в этой области нацелен на такое знание, является методом наилучшим.

Искомый метод сравнительного правоведения есть, так сказать, приложение и приспособление общей теории права к сравнительному праву как специальному предмету юридической компаративистики, который можно определить как наилучшее действующее право по сравнению с другими, насколько такое вообще существует. Однако, чтобы найти лучшее право, судить о позитивном праве с этой точки зрения нужно вполне понимать, что именно есть право, по существу, как особый регулятор общественных отношений, а значит, каким должно быть позитивное право, исходя из внутренней юридической необходимости и закономерностей правовой системы. Несомненно, право не изолировано от других социальных систем и разнообразных общественных запросов. Тем не менее, право представляет собой обособленную систему, особый порядок отношений, явлений и ценностей. Ведь в противном случае нельзя всерьез говорить ни о теории права, ни о юриспруденции как самостоятельной науке, ни о праве как ее предмете.

Поэтому в рецензируемом эссе обоснованно подчеркивается основополагающая значимость для сравнительного правоведения субстанциального правопонимания, согласно которому право как социальный регулятор имеет собственную сущность, в нынешнем российском юридическом дискурсе наиболее последовательно представленном либертарно-юридической теорией права. Наилучший и объективный метод сравнительного правоведения исходит из такого *tertium comparationis*, который содержит подлинно юридический критерий сравнения, применительно к изучаемому правовому материалу отражающий внутреннюю природу, сущность права быть мерой свободы

людей. Наглядной иллюстрацией применения подобного *tertium comparationis* является сравнение по отношению к правовому принципу, выражающему общепризнанную целесообразность правового регулирования соответствующих общественных отношений. Например, сравнение институтов договорного права разных юрисдикцией в свете принципа свободы договора.

В целом важной заслугой эссе является постановка вопроса о необходимости надлежащего определения *tertium comparationis* в сравнительном правоведении. Некоторая путанность и сложность изложения, не вполне аккуратное оформление, местами тяжеловесный стиль несколько ухудшают общее впечатление. Тем не менее, эссе делает вклад в исследование еще мало изученной, при этом сложной и бесспорно актуальной проблематики современной методологии сравнительного правоведения.

RESPONSIBILITY DISSECTED: IN SEARCH OF THE BENEFICIARY OF THE NEOLIBERAL SUBJECT'S RESPONSIBILITY

Анастасия Плинер*
mss2213100@universitas.ru

Introduction

During the last century, the critics of the market continually highlighted that the big, if not the main, problem with it is that it tends to pervade all the realms. K. Polanyi (2001) noted that the economic sphere of life prevails on the social, breaking the natural human relations; P. Bourdieu spoke about 'the tyranny of the market' and the 'calculating and individualistic view, which reduces agents to calculators concerned with resolving problems, strictly economic problems in the narrowest sense of the word' (Bourdieu, 1998, p. 86); K. Çalışkan and M. Callon discussed the economization of social sciences (Çalışkan & Callon, 2009). H. Arendt, though did not criticize the market as such, noted that the individual nowadays has become a mere *animal laborans*, whose main concern is labor and survival, not creative work and politics (Arendt, 1998). M. Foucault wrote about economization of the entire social field which becomes *Vitalpolitik* (Foucault, 2008, p. 242). In common language, the market became a metaphor for everything that happens to a human, from self-realization to marriage.

Following some of the critics, W. Brown formulates the principles of neoliberal rationality that made such omnipresence possible, especially in the political dimension. In her book 'Undoing the Demos', Brown describes how neoliberalism challenged the idea of democracy. She accepts the traditional arguments of the critics of neoliberalism, such as intensified inequality, unethical commercialization, "ever-growing intimacy of corporate and finance capital with the state" (Brown, 2015, p. 29) and economic havoc;

* Слушательница, Политическая философия. Работа написана на 1 курсе, дисциплина: Введение в критическую теорию.

however, for her, these arguments are a mere set of state policies, and the crucial point is what they are driven by. Brown states that it is a special order of normative reason that eventually permeates all dimensions of human life, 'economizing' it.

The central figure of such rationality, according to Brown, is not just a subject who aims at maximizing their interest but a human capital: a self-entrepreneur who permanently strains to become a better version of themselves and lets others know about it (Brown, 2015, pp. 32–34). In these terms, all human activity is subordinated to competition. Thus, everything becomes a market, even those spheres that were previously as far from it as possible, such as personal health and love life.

The threat to democracy produced by such a reason, Brown describes as follows: since everything is a competition, there are no equal subjects anymore. On the contrary, there are winners and losers, so politics becomes just another form of market, which, she says, turns the social contract upside down (Brown, 2015, p. 38). Moreover, the political domain becomes purely economical where the question of the common good is not posed as such because there is no agent to discuss it: a citizen in neoliberal logic is replaced by *homo oeconomicus*, which cannot form the public (Brown, 2015, p. 39). In the end, everything that happens to an individual becomes their responsibility.

Brown emphasizes that the neoliberal subject is always responsible; since the moral of 'self-entrepreneurship' spreads throughout all dimensions of human life, individuals must take all possible risks as their own, like a regular entrepreneur would do, including those on which they have no impact, such as economic crises. Brown introduced the term of '*responsibilization*', which means 'forcing the subject to become a responsible self-investor and self-provider' (Brown, 2015, p. 84). However, she leaves the holder (in terms of, e.g., call holders) of this responsibility unnamed, implying that they are always 'elsewhere' (Raschke, 2018, pp. 55–56), which presents an infinite array of challenges and forms a constant moral drive to action.

Surely, there is neither the opportunity nor the need to name a precise person or institution who benefits from that; moreover, a venture to do so would make one a mere conspiracy theorist. However, we argue that *responsibilization* assumes a very real character behind it: the market. A reasonable objection may arise that the market is not an actor that can 'benefit' from anything because it lacks interest, and that would be right in terms of how neoliberalism presents it. In this essay, we plan to present

another understanding of the market, which would help us explain how it can be the beneficiary and why, in fact, it is not a good idea to let it be.

In this essay, we rest on the works of W. Brown, M. Foucault, L. Wacquant, T. Hobbes, and others. It includes the introduction, two chapters, and the conclusion.

Chapter 1. The nameless beneficiary of responsibility

When the road sign warns us to ‘Drive Responsibly’, we know, though it is not explicitly said, who we are responsible to: the other travelers who may be affected by our incautiousness. In terms of markets, it is tempting to spread this metaphor further and say that we are responsible to other participants in the market. However, it would be a paradoxical statement: since our responsibility consists of constantly improving to compete with others, to do so means to hinder them from winning.

The supporters of the market see it another way: the constant self-improvement of competitors provides better goods and services for the customers. Moreover, if everyone is responsible before everyone, we can be sure that not only the manufacturers utilize dangerous waste properly and avoid child labor, but also that utilization firms are constantly perfecting their technologies and the workers, solely consenting adults, are polishing up their skills. However, this eclogue loses to Brown’s notion that responsibility exists only for individuals, ‘human capitals’; once they assemble into legal entities, their responsibility before individuals acquires a strictly legal dimension. Therefore, the common benefit of self-perfection can be derived only from individuals who have yet to become constituents of the market; however, since human capital in neoliberalism stands for, as Brown says, labor (Brown, 2015, p. 38), only those who exploit labor can benefit, and it is not possible without fusion into the market.

Going further, we can suppose that the individuals are responsible solely to themselves. That may seem partly true, since even neoliberal social policy is crafted in a way that puts all risks on individuals. Brown objects:

...even as we are tasked with being responsible for ourselves in a competitive world of other human capitals, insofar as we are human capital for firms or states concerned with their own competitive positioning, we have no guarantee of security, protection, or even survival. (Brown, 2015, p. 37)

So individuals must willingly join in the activity, which is certainly profitable for the market and, ostensibly, profitable for them. Nor is it, by Foucault, a natural condition:

...competition is not the result of a natural interplay of appetites, instincts, behavior, and so on. In reality, the effects of competition are due only to the essence that characterizes and constitutes it. The beneficial effects of competition are not due to a pre-existing nature, to a natural given that it brings with it. <...>. Competition has an internal logic; it has its own structure. (Foucault, 2008, p. 63)

By that, Foucault ascribes all the benefits of competition to the fact that they are mere artificially produced rules of the game of individuals who cannot be equal. This inequality, again, is not natural: it is the prerequisite for the game to start, required by its rules, and since the game has already started long before, the game itself produces such condition to support its own logic.

Also, if the individuals were responsible only to themselves, the system would grant all types of behavior aimed at providing for their needs, including theft and violence. However, any kind of violence against private property and other crimes that can possibly 'hack' the market, such as fraud, are strictly punished (Giroux, 2013, pp. 258–260). The punishment usually comes not for laziness or other qualities that contradict neoliberal virtues, but for breaking the rules of the competition - which means that the real beneficiary of this responsibility is the beneficiary of these rules.

For obvious reasons, the responsibility cannot be articulated as that to the state; on the contrary, the state itself becomes responsabilized. It has to provide conditions for perfect market functioning, and simultaneously, it imposes an 'advanced liberal' model of governance, which aims at reshaping the subjectivity of individuals to responsabilize them (Pyysiäinen et al., 2017, p. 216). The various institutional practices include education, healthcare promotion, mortgage programs, etc., which are designed to cultivate an ideal self-entrepreneur figure. However, though the cultivating instruments help evaluate the rate of the responsibility in monetary form (e.g., how much the state loses from each individual who keeps smoking despite being warned to quit), the state is not the beneficiary of such responsibility because, as Brown says, it works on behalf of the market. So, excluding the apparitional and conceptualization-proof

'society', we are left with the sole opportunity to appoint the market to be the beneficiary.

Since the market is more of a structure than an actor, the objection may arise that it scarcely has any need to accommodate. But here we talk about what G. Bataille called the '*speculative will of the capital*': an infinite urge to enlarge and to exploit 'all humankind and any free force' (Батай, 2006, с. 261). The market in neoliberal rationality is somehow anthropomorphous. Classical liberalism was first to endow it with human features (remember Smith's 'invisible hand of the market') (Gramp, 2000). Nowadays, economists discuss the market in terms of mood (What Is Market..., 2023); common language says that it can believe (MarketScreener.com, 2023), and be capricious (Ugadle, 2023) or cruel (The Meisler, 2015). Some may explain that these are just metonymies that describe the moods and features of precise people behind the market; however, this group is too abstract to be taken as a bunch of integrated actors without speaking about the market as a whole. At the same time, the market is never described as 'humane'; the wave of 'humane marketing' is the proof: since marketing is the way the market communicates with customers (which are, in fact, just another metaphor) (Holborow, 2007, pp. 60–61), and customers are still humans, if the communication must be 'humanized' before use, then the initial message is made by anything but a human-like entity.

In the end, the market became an entity composed of indefinite people, which nudges individuals to stay alive and functional and prevents wars (as it says, e.g., T. Friedman's (2000) Golden Arches Theory), holds people responsible, ensures contracts, and provides safety for individuals. What is that, in fact? That is Hobbes' Leviathan.

Chapter 2. The Market instead of the State

Contractualistic nature of neoliberalism is no secret. K. Jayasuriya describes its three important points: social policy seen as fostering responsible behavior, '*a cocktail of sanctions and incentives*' to provoke responsible agency, and the inculcation of responsible agency through new models of social conduct (Jayasuriya, 2002, p. 312). He also admits that those principles are illiberal and non-democratic, and Brown spots the anti-democratic nature of that contract as well. However, no one calls it Leviathan.

In the literature, this Hobbesian name is reserved for the state (Yang, 2006; Borlini, 2020; Каспэ, 2018). However, states, as history demonstrated, failed to prevent wars and ensure contracts while the market succeeded. And yet, the

market is usually posed as Anti-Leviathan, in terms of its usual opposition to the authoritarian state. Yet, we argue that the market and the Leviathan have much in common.

First, both Hobbes' theory and the neoliberal vision of the market exploit the same anthropology which denies altruism and trust. Hobbes puts competition, diffidence, and glory as the principles causing the quarrel (Hobbes, 2002, Chapter XIII). Neoliberalism holds to the position that Foucault called 'naive naturalism', when the competition is put as 'natural' but in fact constituted (Foucault, 2008, p. 120). Trust, as a salvation from diffidence, becomes the neoliberal virtue (Salerno, 2018). Glory, which can also be articulated as ambition (Pennington, 2020), is tamed and governed. In both logics, this triad belongs to soi-disant 'human nature' and becomes the *raison d'être* of the entity that regulates it. The neoliberal market is not the self-regulating element the classic liberals believed; it claims to regulate 'natural' impulses of individuals through institutions. These institutions serve to prevent Hobbesian '*warre <...> of every man, against every man*' (Hobbes, 2002, Chapter XIII).

Second, the traditional Leviathanic mission to support and to protect its people is embodied in the market-serving institutions. In the neoliberal logic, the market withdraws some rights of individuals through institutions under the umbrella of their responsibility. L. Wacquant (2009) designates 'workfare' ('*the individual obligation to take up a gainful activity*' (p. 5)) and 'prisonfare'

... the extended policy stream that responds to intensifying urban ills and assorted socio-moral turbulences by boosting and deploying the police, the courts, custodian institutions <...>, and their extensions... (p. 17)

as the key components of the neoliberal state, which he also calls 'Leviathan'. Both have two special aims: first, to 'moralize' human existence through scenarios for the righteous and the sinful individuals, and second, to produce as many 'human capitals' as possible. Prison is not just a place that separates criminals from others; it is also a powerful labor producer (IQ.hse.ru, 2014; Gibson-Light, 2019). These functions help the market grow by reducing labor costs: since there is no moral right not to be involved in a gainful activity, the quantity of candidates surely prevails over the quantity of workplaces that is required for the current state.

The key distinction between Wacquant's position and our argument is that we insist that it is not the neoliberal state that is the Leviathan; it is the market

itself. While the state's function is just to protect individuals from each other, the market performs some kind of meta-Leviathanic function: it protects states from each other. T. Friedman (2000) illustrates how neoliberal imagination works in that field: he suggests the Golden Arches Theory of Conflict Prevention:

... when a country reached the level of economic development where it had a middle class big enough to support a McDonald's network, it became a McDonald's country. And people in McDonald's countries didn't like to fight wars anymore... (Chapter 12),

and expands it with the Dell Theory of Conflict Prevention:

...the advent and spread of just-in-time global supply chains in the flat world are an even greater restraint on geopolitical adventurism than the more general rising standard of living that McDonald's symbolized. (Friedman & Wyman, 2005, p. 227)

In Friedman's logic, the states that are firmly tied with the market connections cannot lead wars between each other. According to him, it is just unprofitably because disruptions in supply chains, which are inevitable during wars, are fraught with serious financial losses.

This logic works not only for journalists and marketers: political analysts have also fallen for it (Driedger & Polianskii, 2022). The existing mechanism of sanctions demonstrates the belief in the war-stopping force of the market. The potentiality of war, which Hobbes did not deny, remains as well: the market for arms does exist, and its main goal is articulated as 'preventing the escalation' (Kirt & Okazawa-Rey, 2000). In reality, we see that military manufacture can be a serious boost for the market, and the real war just stimulates the demand.

Aside from the ephemerality of such belief, Leviathan's role of the market poses a special function on the state: it is authorized to speak on behalf of the market, in the sense that A. Filippov (2016) describes in his work on Hobbes' essay: *'That who acts by order of their 'author' personify him, i.e. embody him in them'* (ptr.). So the state is not the Leviathan himself; it is just an integrated persona, the Sovereign. The Sovereign hardly can be a person anymore, even, as Filippov (2016) says, a regularly elected one, since being human lacks the main Sovereign's advantage: invincibility to criticism. Trump or Biden can be criticized, but to spread this criticism to the whole U.S. would be 'too much';

in the case of Russia and Putin, it was difficult to distinguish between the person and the state because the neoliberal logic believes that an individual cannot decide for the Sovereign anymore.

However, the state is not the only one to personify the market; corporations can speak on behalf of it as well. Since none of these actors is a real person, none of them can be caught in indecent behavior, and since they are 'authorized', all their wills should be taken as the implications of the social contract. Therefore, the corporates use their right to treat human capitals as they wish; every individual is bound with responsibility and various legal limitations.

Back to the state, we must remember that the Hobbesian Leviathan is authoritarian in terms that all individuals follow the one will, and the will prevails over the individuals' rights. So is the Sovereign, which is authorized to broadcast that will to the public; the only function left for the individuals is to decide *how* they wish to follow it.

Conclusion

In this essay, we discussed the element to which individuals are held responsible, and the Leviathanic nature of the market in neoliberalism. The key beneficiary of the responsibility is the market that caught up the role of the Leviathan from the state. Nowadays, the market is the force that has allegedly chaotic individuals under control and prevents crimes and wars. In these conditions, the state assumes the role of the Sovereign, which grows stronger because it is not focused on the single person anymore. This role can be a dressing screen for non-democratic nature of a democracy because it is distributed between numerous and regularly replaced individuals. But in fact, the Sovereign is not elected; though the long line of changing successors, the state stays the same.

These insights culminate in the following:

1. The responsibility of individuals, which is articulated as responsibility before themselves and the others, is just responsibility before the market, expressed in what Wacquant named '*workfare*' and controlled through what he called '*prisonfare*'. It pressures individuals to sustain the market in any possible form; any deed that is not aimed at market functioning is considered irresponsible. Wacquant (2009) sees the alternative in '*collective irresponsibility*', which is political by definition (p. 5)¹ because

¹ Wacquant L. Op. cit. P. 5.

it stands for solidarity. So, in fact, within the neoliberal frame, any responsibility, except for those rare occasions in which it is about close interhuman relations, exists for the sake of the market, and any activity against it, even the fruitiest and the hardest, is considered irresponsible.

2. The neoliberal state loses its political role and becomes a mere tool for fostering the right type of individual; it is not Leviathan in Hobbesian terms, but a Sovereign authorized to speak on behalf of the market, and therefore unshiftable and untriable. The weak point of this belief is the reality of the market's Leviathan role: by presenting it as some kind of 'law' (like laws of physics) or a 'rule' that everyone contracted to obey, the market-believers can do nothing when something goes out of this logic. By entrusting the market with its order-keeping function, individuals willingly relinquish their rights, but, as recent history shows, it has nothing to offer in exchange.

The reasons for the market's weakness are still to be discussed, but surely, we cannot say that this is because it 'underperformed', or that we need to refine the existing mechanisms, or that we have to invent new ones, which would refer to the same logic. The market cannot protect individuals from whatsoever because it was not made, in fact, for the people: it exists only to reproduce itself and to grow, and it is incautious to suppose that it is responsible for anything to those who are responsible before it.

References

Батай, Ж. (2006). Границы полезного. Отрывки из неоконченного варианта "Проклятой части". В Ж. Батай, *Проклятая часть* (с. 237–309). Научно-издательский центр "ЛАДОМИР".

Каспэ, С. И. (2018). Чем торгует Левиафан? Критерии оценки конкурентоспособности государств на рынках спасения. *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, 3(90), 6–30.

Филиппов, А. Ф. (2016). Левиафан: между ужасом и признанием. *Вестник Европы*, (44).
<https://magazines.gorky.media/vestnik/2016/44/leviafan-mezhdu-uzhasom-i-priznaniem.html>

Arendt, H. (1998). *On Human Condition: Second Edition*. The University of Chicago Press.

Borlini, L. (2020). When the Leviathan goes to the market: a critical evaluation of the rules governing state-owned enterprises in trade agreements. *Leiden Journal of International Law*, 33(2), 313–334.

Bourdieu, P. (1998). Job Insecurity Is Everywhere Now. In P. Bourdieu, *Acts of Resistance: Against the Tyranny of Markets* (pp. 81–88). The New Press.

Brown, W. (2015). *Undoing the Demos: neoliberalism's stealth revolution*. Zone Books.

Çalışkan, K., Callon, M. (2009). Economization, part 1: shifting attention from the economy towards processes of economization. *Economy and Society*, 38(3), 369–398.
<https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/03085140903020580>

Driedger, J.J., Polianskii, M. (2022). Utility-based predictions of military escalation: Why experts forecasted Russia would not invade Ukraine. *Contemporary Security Policy*, 44(4), 544–560.
<https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/13523260.2023.2259153?needAccess=true>

Foucault, M. (2008). *The Birth of Biopolitics. Lectures at the Collège de France, 1978–79*. Palgrave MacMillan.

Friedman, T. (2000). *The Lexus and The Olive Tree: Understanding Globalization*. Farrar, Straus and Giroux.

Friedman, T. L., Wyman, O. (2005). *The World Is Flat: A Brief History of The Twenty-First Century*. Farrar, Straus and Giroux.

Gibson-Light, M. (2019). *The Prison as Market: How Penal Labor Systems Reproduce Inequality* [Doctoral dissertation, University Of Arizona].
<https://core.ac.uk/download/pdf/222806247.pdf>

Gramp, W. D. (2000). What Did Smith Mean by the Invisible Hand? *Journal of Political Economy*, 108(3), 441–456.
<https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/262125>

Giroux, H. A. (2013). The Disimagination Machine and the Pathologies of Power. *Symploke*, 21(1–2), 257–269.
<https://www.jstor.org/stable/10.5250/symploke.21.1-2.0257>

Hobbes, T. (2002, July 2). *Leviathan*. The Project Gutenberg.
<https://www.gutenberg.org/files/3207/3207-h/3207-h.htm>

Holborow, M. (2007). Language, ideology and neoliberalism. *Journal of Language and Politics*, 6(1), 51–73.

IQ.hse.ru. (2014, Сентябрь 2). Труд заключенных ежегодно приносит свыше 30 млрд рублей. <https://iq.hse.ru/news/177666861.html>

Jayasuriya, K. (2002). The New Contractualism: Neo-Liberal or Democratic? *The Political Quarterly*, 73(3), 309–320. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1467-923X.00471>

Kirt, G., Okazawa-Rey, M. (2000). Neoliberalism, Militarism, and Armed Conflict. *Social Justice*, 27(4), 1–17. <https://www.jstor.org/stable/29768029>

MarketScreener.com. (2023, November 18). Weekly market update: The market believes that the Fed pivot is finally upon us. <https://in.marketscreener.com/news/latest/Weekly-market-update-The-market-believes-that-the-Fed-pivot-is-finally-upon-us-45388833/>

Meisler, H. (2015, August 12). The Markets Are Cruel. *The Street*. <https://realmoney.thestreet.com/investing/markets-are-cruel>

Pennington, W. (2020, September 9). Neoliberalism and the Loss of Glory/Ambition. Pykewater Library. <https://pykewater.com/catiline-conspiracy/2020/9/9/neoliberalism-and-the-loss-of-gloryambition>

Polanyi, K. (2001). *The Great Transformation*. Beacon Press.

Pyysiäinen, J., Halpin, D., Guilfoyle, A. (2017). Neoliberal governance and ‘responsibilization’ of agents: reassessing the mechanisms of responsibility-shift in neoliberal discursive environments. *Distinktion: Journal of Social Theory*, 18(2), 215–235. <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/1600910X.2017.1331858>

Raschke, C. (2018). The Kingdom, the Power, the Glory, and the Tawdry: Neoliberal Hegemony and the “Undoing” of the Demos. *Interdisciplinary Journal for Religion and Transformation*, (7), 40–61. <https://www.vr-elibrary.de/doi/epdf/10.14220/jrat.2018.4.2.40>

Salerno, R. A. (2018). Neoliberal Ideology and the Centrality of Trust. *Comparative Sociology*, 17(3–4), 354–368. https://brill.com/view/journals/coso/17/3-4/article-p354_6.xml

Ugadle, G. H. (2023, June 17). The Market is Capricious.... *Medium*. https://medium.com/@dexem_corp/the-market-is-capricious-but-there-are-projects-that-set-trends-due-to-their-quality-and-use-258df0cd4d89

Wacquant, L. (2009). *Punishing the Poor: The Neoliberal Government of Social Insecurity*. Duke University Press.

What Is Market Mood Index (MMI). (2023, September 2). *Bajajfinserv.in*. <https://www.bajajfinserv.in/what-is-market-mood-index>

Yang, D. L. (2006). *Remaking the Chinese Leviathan: Market Transition and the Politics of Governance in China*. Stanford University Press.

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «RESPONSIBILITY DISSECTED: IN SEARCH OF THE BENEFICIARY OF THE NEOLIBERAL SUBJECT'S RESPONSIBILITY»

*Matthew D. Newsom**

Thank you for the opportunity to read “Responsibility Dissected.” This essay explores interesting philosophical questions regarding the relationships that exist between individuals, states, and the market. In proposing an alternative understanding of the market — one that invokes Hobbes’s Leviathan — readers are invited to consider neoliberalism as a system that serves to reproduce itself, though not in the same way as the system’s defenders are wont to believe. To address this, we are indirectly asked to question *how* neoliberalism reproduces itself.

As the author presents it, the market’s primary tool for self-maintenance is the concept of responsibility. The essay begins by investigating the logic that individuals benefit most from their own responsibility. This idea has mystified neoliberalism since its inception, yet such a view is incorrect, according to this essay. It is explained that when individuals act as either economic producers or consumers, they ultimately vie to out-compete the other, serving only the interests of the “nameless” market. Although individual motivations and actions geared toward achieving personal success may stem from a felt sense of responsibility, this success cannot occur without cheating, exploitation, or some other form of social transaction that inevitably perpetuates both perceived and actual threats of inequality.

Perhaps, then, it is the state that benefits most directly from neoliberal responsibility. If this were true, then neoliberal states would be filled with harmonious populations whose interactions do not complicate or weaken the functions of the state. We can easily see this is not the case when considering

* Ph.D., Assistant Professor of Anthropology, Department of History, Sociology, and Anthropology
Southern Utah University. Cedar City, UT.

social problems like poverty or crime. The reality is that poverty necessitates state-sponsored interventions, lest the state be overthrown (see: French Revolution). When individuals turn to crime, the state cannot benefit unless it forces people to become productive human capitals through the process that Wacquant termed “prisonfare.” However, as the author argues, such a process does not result in noble citizens or subjects who might serve the state. Instead, it is the market that ultimately benefits from the structures behind cheap and forced labor.

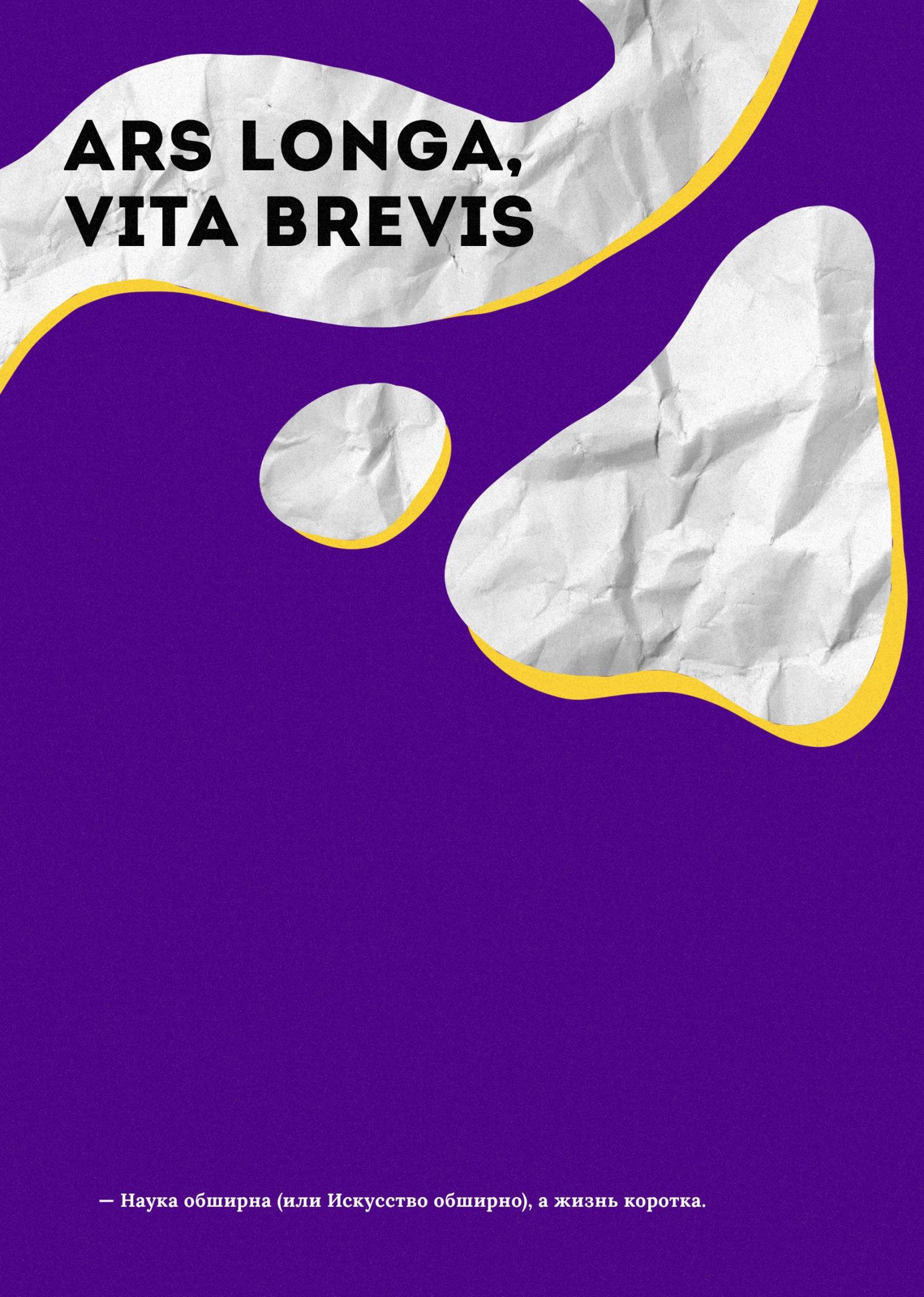
If the market ultimately benefits from responsibility, then who controls the market’s “invisible hand?” Without wading into conspiracy theories, which are typically ignorant at best and racist at worst, the author suggests the market be considered the most contemporary representative of the Leviathan. Although state governments, institutions, and officials may enact policies surrounding the market or speak on its behalf, such phenomena are ultimately in service to the market. Recently, the US Federal Reserve has raised interest rates to influence consumer spending and ultimately curb rising inflation. Academics and other observers will continue to debate the effectiveness of policy changes like this, but in the context of this essay, such an example effectively illustrates that state activities do not *create* the market outright. Rather, states can only ever respond to market trends, indicating the market supersedes the state. The market can be described anthropomorphically, and understood as agentive, yet cannot ever be fully ambiguously comprised of countless and nameless actors, policies, and ideas. The market is the Leviathan.

With these interesting thoughts in mind, I am compelled to respond not with a critique of this essay but rather with additional lines of inquiry in the hopes of stimulating further thought and conversation. First, to what extent is it necessary that we conceptualize “the” market as a singular entity? If “THE global market” might be considered the Leviathan par excellence due to its existence above and between multiple states, how are we to conceptualize local markets? At any given moment, some neoliberal economies are always performing better than others. What space exists in the essay’s theoretical framework for a distinction such as this?

On a related note, one pervasive mantra that is currently popular in the US asks that people “think locally, act globally.” This mantra and its many similar iterations prompt people to recognize how their own actions impact their local contexts while also simultaneously contributing to larger global processes. It may well be that individuals cannot truly influence the market—that such

a notion is just a simple ruse to control the attentions of people like you or me. However, it is certainly fair to suggest the neoliberal market is absolutely reliant on select individuals, for example Elon Musk, Jeff Bezos, Bill Gates, and other architects (kings?) of the economy. Is it possible that your responsibility and my responsibility actually serves these elite few more so than a nameless, faceless “market?”

Finally, extending the previous thought, we can return to ultimate purpose of investigating the relationships between individuals, states, and the market. To what extent should we more seriously consider the role of corporations in this relationship? The author suggests corporations are like states in that they can “speak on behalf of” the market, but do not actually represent the market because “none of these actors is a real person.” Point taken. And yet, the world over, economic enterprises enjoy massive privileges through the concept of corporate personhood — a point to which the author alludes. In addition to treating “human capitals as they wish,” corporations can influence state policies, elections, public opinion, and more. Does this mean that states and politicians actually serve at the mercy of these oversized entities? For instance, the author rightly points out that “military manufacture can be a serious boost for the market.” My question is whether the soldiers who fight and die in those wars are actually benefitting the market writ large, or if they are benefitting those corporations whose iron grips might have swayed political interests toward war in the first place? With this in mind, there is some room for considering corporations as real persons because the consequences of their influence are absolutely real. Corporate entities spend billions of dollars each year to manipulate the decision-making of all people, from national leaders to single mothers. If we continue to negotiate our social worlds by drawing on behaviors and interests that are more and more defined and confined by corporate interests — meaning any notion of individual choice is increasingly illusory — does this mean corporations are the ultimate beneficiaries of neoliberal discourses surrounding responsibility? I’m inclined to see it this way. And while I’m not sure if Jeff Bezos is the kind of Leviathan that comes from the sea, I’m certainly not the first to say he’s a monster.

ARS LONGA, VITA BREVIS

— Наука обширна (или Искусство обширно), а жизнь коротка.

БОРЬБА С ИСТОРИЧЕСКИМ В МЕТОДОЛОГИИ МАКСА ВЕБЕРА: ПРИЧИНЫ ИСКЛЮЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ИЗ КОНЦЕПЦИИ ИДЕАЛЬНОГО ТИПА

*Елизавета Соловьева**

mss2301021@universitas.ru

Введение

Концепция идеального типа, предложенная Максом Вебером, уже более века остаётся предметом методологических дебатов в социальных науках. Приверженцы кардинально различных теоретических школ вновь и вновь обращаются к обсуждению идеально-типического подхода к конструированию понятий. Причина этого вечного возвращения кроется не только в плодотворности тех решений, которые предлагала веберовская методология, но и в сложности и неразрешимости самих проблем. В первую очередь, речь идёт о проблеме объективности научного познания, которая в контексте веберовского проекта тесно переплетается с проблемой вторжения ценностей в процесс образования понятий (Vriun, 2001).

Вебер, включая в свою методологию категорию ценностей, делает проблему познания исторической. Связано это с тем, что ценности, по его мнению, не являются универсальными и вневременными ориентирами, они — атрибут определённой культуры. В эссе об «Объективности» (1904) Вебер пишет: «Понятие культуры — ценностное понятие. Эмпирическая реальность есть для нас культура потому, что мы соотносим её с ценностными идеями» (Вебер, 2010, с. 381). Познавательный потенциал наук о культуре (к числу которых относится и социология) оказывается ограничен именно потому, что деятельность исследователя опосредована ценностями: значимость выбора отдельных элементов из бесконечного

* 2 курс, магистратура, Фундаментальная социология. Работа написана на 1 курсе, дисциплина: Методы социологического исследования.

многообразия явлений всегда зависит от субъекта, совершающего выбор, и, в конечном счете, от времени и места, представителем которых он является (Goddard, 1973, pp. 1–2).

В восьмидесятые годы прошлого века в социальные науки пришла мода на индуктивный подход: сразу несколько авторов выпустили «методологические манифесты» (Bendix & Force, 1984; Zaret, 1978), в которых призвали отказаться от анализа, основанного на общих теориях, в пользу такого, который отражал бы уникальность исследуемых процессов в их историческом контексте. Фигура Макса Вебера — учёного, заложившего методологический фундамент для подобного анализа, — признавалась знаковой среди сторонников исторической социологии (Kiser & Hechter, 1991, p. 2). Однако, как утверждает Дэвид Зарет, так было не всегда — в социологической теории был период долгого «затмения» истории. В качестве примера Зарет рассматривает, какое развитие получила теория действия Макса Вебера в трудах Альфреда Шюца и Толкотта Парсонса. По мнению автора, создание «общих теорий действия с аналитической и феноменологической ориентацией устранило центральные исторические проблемы, которые оживляли работу Вебера» (Zaret, 1980, p. 1180).

На методологическом уровне также можно обнаружить попытки ограничить влияние истории на социальные науки (например, разделение идеального типа на исторический и социологический). Один из поводов для подобного разделения — большой хронологический разрыв между ранними методологическими разработками идеального типа в эссе об «Объективности», где подробно излагаются принципы его использования в исторических исследованиях, и поздними упоминаниями идеального типа в «Хозяйстве и обществе» — тексте, который был опубликован уже после смерти Вебера. В частности, как показывает Сведберг, Альфред Шюц использует это обстоятельство в сочетании с комментарием самого Вебера о том, что ранняя версия идеального типа была «схематичной и, следовательно, возможно, частично неверной» (Swedberg, 2018, p. 182), чтобы констатировать фрагментарность веберовской методологии. Более того, согласно Шюцу, в «Хозяйстве и обществе» методология Вебера претерпевает существенные изменения, трансформируясь под нужды именно социологического, а не исторического исследования.

Действительно, теоретические и методологические труды Макса Вебера нередко характеризуются исследователями его наследия как фрагментарные и даже противоречивые (Некман, 1983). Однако является

ли это достаточным основанием для того, чтобы утверждать, что в последние годы жизни Вебер наметил принципиально новую методологию, преодолевающую историческую ограниченность социологии? Приведём несколько аргументов в пользу мнения о том, что Вебер до конца жизни оставался последовательным приверженцем исторической социологии и со скепсисом относился к возможности создания универсальной номотетической теории в науках о культуре. Во-первых, изложенный в «Хозяйстве и обществе» проект понимающей социологии остается глубоко историчным на методологическом уровне: центральная для данного подхода концепция *Verstehen* становится инструментом для создания идеальных типов социального действия. Именно через понимающий подход сторонники исторической социологии эпистемологически обосновывают уникальность своей дисциплины (Kiser, 1991, pp. 10–11). Во-вторых, в «Хозяйстве и обществе», упоминая идеальный тип, Вебер положительно ссылается на содержание эссе об «Объективности», не оставляя никаких комментариев, которые бы свидетельствовали о том, что он пересмотрел основания собственной методологии (Вебер, 2016, с. 82). Наконец, проблема влияния ценностей, которые, как упоминалось ранее, тесно связаны с культурой и историей, занимала Вебера и в последние годы жизни. Достаточно обратиться к его знаменитой паре эссе о «Призвании».

Таким образом, проявляется напряжение между аутентичным пониманием первостепенной роли исторического измерения в методологии идеальных типов и тем, как авторы-социологи последующих поколений, в частности Альфред Шюц и Толкотт Парсонс, трансформируют исходный проект Вебера. Чтобы перевести веберовскую методологию на рельсы феноменологического или функционалистского подхода, недостаточно лишь развить уже изложенные (пусть и фрагментарно) идеи Вебера. Преодоление историзма — вот реальная задача, которую требуется решить, чтобы использовать концепции Вебера для создания общей теории. Дэвид Зарет (1980) реконструирует те ходы, которые пришлось совершить Шюцу и Парсонсу для достижения данной цели. Однако открытым остаётся вопрос о том, каковы причины, приведшие к «затмению» истории в методологии Макса Вебера? В данном эссе представлена попытка обнаружить условия — как внутренние, связанные с самой методологией Вебера, так и внешние, затрагивающие актуальные для исследуемого периода проблемы и дебаты, — которые привели к исключению исторических концепций из методологии Вебера.

Контекст формирования методологии Макса Вебера

Концепция идеального типа сформировалась как ответ на проблемы, возникшие в результате методологических дискуссий, участником которых был Вебер. Для лучшего понимания идей Вебера нам представляется полезным привести краткий обзор основных конфликтов в интеллектуальной среде Германии начала двадцатого века.

Первый узел проблем — дискуссия об отношениях между естественными науками и «науками о культуре» (Kulturwissenschaften), а также о необходимости обоснования независимого методологического фундамента для наук о культуре. Первая сторона конфликта — представители философии жизни и неогегельянства (Дильтей, Зиммель, Кроче), для которых отличие естественных наук от наук о культуре есть не что иное, как различие в предмете; вторая сторона — баденская школа неокантианства во главе с Генрихом Риккертом, представители которой утверждали, что разница между науками заключается в используемых ими логических методах (Гайденко & Давыдов, 2006, с. 33). Вебер разделял убеждение неокантианцев о том, что науки о культуре и науки о природе изучают общий предмет — бесконечное многообразие эмпирического мира. Познание есть способ преодоления неисчерпаемого многообразия явлений посредством создания понятий. При этом, веберовская доктрина формирования понятий, восходящая к трансцендентальному проекту Канта, исключает возможность исчерпывающего познания реальности: «Вебер считал, что, поскольку культурная действительность бесконечна, знание (как система понятий) никогда не может быть исчерпывающим или претендовать на то, чтобы быть копией действительности. Таким образом, отношение понятий к действительности носит избирательный характер. Они [исследователи] отбирают из массы культурных данных те элементы, которые являются значимыми с точки зрения рассматриваемой проблемы» (Goddard, 1973, pp. 1–10).

Как исследователь производит отбор значимых элементов из бесчисленного многообразия явлений? Для ответа на этот вопрос Вебер заимствует у Риккерта категорию «отнесения к ценности» (Wertbeziehung), существенно трансформируя её. Если Риккерт стремился к созданию «научной» системы ценностей, исходя из предпосылки об их «универсальности», то Вебер закладывал в свою методологию принцип фундаментальной неприпируемости разных систем ценностей (Bruun, 2001, p. 138). В результате реальная практика формирования исторических

понятий зависит от изменяющихся с течением времени ценностей исследователя.

Описанные выше принципы, находят отражение в концепции идеального типа. Ошибочным, по мнению Вебера, является представление о данной концепции как о конечной цели познания. Напротив, идеально-типические понятия — это средство для интеллектуального овладения эмпирическими данными. Вебер также предостерегает исследователей от иллюзии тождества между эмпирической реальностью и идеальным типом: «По своему содержанию данная конструкция носит характер утопии, полученной посредством мысленного усиления определённых элементов действительности» (Вебер, 2010, с. 393). На то, какие именно элементы будут выхвачены исследователем из эмпирического многообразия, влияют господствующие формы «отнесения к ценности», которые подвержены вечному изменению с течением истории (Swedberg, 2018, pp. 183–184). Главное преимущество идеально-типических конструкций — их эвристическое значение. Познание действительности осуществляется посредством сравнения её элементов с идеальным типом, который служит для исследователя ориентиром в безбрежном море эмпирических данных и помогает совершить первый шаг в анализе новой и неизвестной темы (Swedberg, 2018, p. 184).

Вторая дискуссия, повлиявшая на теоретические воззрения Вебера, касалась исследований хозяйства и получила название «спора о методах» (Methodenstreit); её виднейшими участниками были Густав Шмоллер, представлявший историческую школу политэкономии, и австрийский маржиналист Карл Менгер. Отражение идей обеих школ можно обнаружить в методологии Вебера. С одной стороны, вторящая идеям неокантианства, убеждённость Менгера в том, что между теоретическими моделями и реальностью невозможно ставить знак равенства, была близка Веберу. При этом Вебер избегал фанатизма, свойственного многим последователям австрийской школы, и рассматривал модель экономического субъекта в качестве основы для дедукции индивидуальных действий — отсюда вырастают идеальные типы рационального действия в веберовской социологии (Eliaeson, 2000, p. 245). С другой стороны, Вебер оппонировал сторонникам исторической политэкономической школы с их идеями психологизма. В исследовательской программе Шмоллера решающую роль играли психологические силы: «Эти силы проявляют себя в виде побуждений,

чувств, идей, намерений, действий и, в конечном счёте, в виде социальных институтов» (Meyer, 1988, p. 571).

Однако Вебер категорически отрицал существование психологического объяснения в социальных науках и считал неуместным взгляд на социальные институты как на результат психических качеств вовлечённых в них людей. Тем не менее Вебер вырос в традиции исторической школы политэкономии и разделял со Шмоллером интерес к культурному развитию и веру в принцип причинно-следственной связи (Meyer, 1988, pp. 574–578).

Наконец, следует упомянуть веберовскую критику исторического материализма. Вебера по праву считают самым глубоким интеллектуальным критиком Маркса, однако, как отмечает Энтони Гидденс, многие комментаторы ошибочно объединяют политическое и философско-теоретическое измерение данной полемики (Giddens, 1970, p. 289) Если в политической сфере Вебер заработал репутацию яростного антимарксиста за свою полемику с представителями немецкой социально-демократической партии, то в научной сфере он отдавал должное эвристической ценности экономических подходов к объяснению социальных явлений. Будучи неокантианцем, Вебер не мог отказаться от убеждённости в том, что бесконечное многообразие действительности не может быть познано с помощью модели универсальной причинности, — каждая социальная теория обязательно частична. Законы исторического материализма, с точки зрения Вебера, не способны объяснить всю совокупность социальной жизни и неизбежно остаются лишь одной из возможных — но никак не единственной — перспективой для построения теории. В целом, веберовская критика марксизма вписывается в более широкий контекст атаки на эволюционные и позитивистские социальные теории (Zaret, 1980, pp. 1188–1189).

Таким образом, подводя промежуточный итог, мы обнаруживаем, что методология Макса Вебера с её центральной концепцией идеальных типов отмечена следами немецкой интеллектуальной жизни начала двадцатого столетия. Во всех дебатах Вебер последовательно придерживался скептического взгляда на возможность построения общей социальной теории, которая преодолевала бы историческую ограниченность исследователя как носителя определённых культурных ценностей.

Внутренние причины «затмения» истории: двойственность объективности

Как мы могли убедиться, представление о первостепенной роли истории для социологического исследования глубоко укоренено в методологии Вебера. Однако, что же делает возможным «затмение» истории в рецепции веберовских идей его учениками и критиками? В первую очередь мы предлагаем сосредоточиться на поиске внутренних причин — тех аспектов, которые связаны с собственной аргументацией Вебера. Для этого вновь обратимся к тексту эссе об «Объективности». Во взглядах Вебера на проблему объективности социально-научного познания, изложенных в его центральном методологическом эссе, можно обнаружить некоторое противоречие, которое — как мы утверждаем — становится источником последующего изгнания исторического анализа за пределы социологической теории.

Формальное сходство веберовской социологии с трансцендентальным учением Канта ведет к неизбежным эпистемологическим ограничениям. Ранее мы уже подчеркивали, что для Вебера понятия создаются путём отбора из бесконечности отдельных элементов, чья значимость связана с культурными ценностями: «Серьезная попытка “непредвзятого” познания действительности привела бы только к хаосу “экзистенциальных суждений” о бесчисленном количестве индивидуальных восприятий» (Вебер, 2010, с. 383). Вебер, вторя Канту, утверждает, что познающий субъект посредством синтетических операций сознания способен постичь лишь феноменальную сторону реальности, в то время как доступ к реальности ноуменальной — то есть к подлинной природе вещей как *вещей-в-себе* — закрыт (Goddard, 1973, pp. 11–12). При этом исследователь-социолог для Вебера — это не трансцендентальный, а эмпирический субъект, который синтезирует или унифицирует исторические данные в соответствии с определёнными культурными ценностями и, поступая таким образом, придаёт им определённую форму объективности. Эмпирическая реальность исследователя — это реальность культурная, поскольку она состоит из тех элементов, которые приобрели для нас ценностное значение (Goddard, 1973, pp. 11–12). Вот что пишет Вебер про роль культурных ценностей в формировании научного интереса: «Трансцендентальная предпосылка всех наук о культуре состоит не в том, что мы считаем определённую — или вообще какую бы то ни было — “культуру” ценной, а в том, что мы сами являемся людьми культуры, что

мы обладаем способностью и волей, которые позволяют нам сознательно занять определенную позицию по отношению к миру и придать ему смысл. Каким бы этот смысл ни был, он станет основой наших суждений о различных явлениях совместного существования людей» (Вебер, 2010, с. 385). Таким образом, конструирование понятия, то есть выделение из бесконечной действительности отдельных элементов, возможно только благодаря процедуре «отнесения к ценности». Объективное научное знание в этом случае — это знание ограниченное и обречённое на неполноту, поскольку подлинная природа вещей не может быть открыта культурным познающим субъектом (Goddard, 1973, p. 14).

Однако в финальной части эссе об «Объективности» обнаруживается сдвиг в аргументации Вебера: «Объективная значимость всякого эмпирического знания состоит в том — и только в том, — что данная действительность упорядочивается по категориям в некоем специфическом смысле субъективным, поскольку, образуя предпосылку нашего знания, они связаны с предпосылкой ценности истины, которую нам может дать только опытное знание» (Вебер, 2010, с. 411). Появляется новый вид ценностей — ценности истины, которые, по-видимому, претендуют на статус универсальных, так как Вебер пишет о том, что ценность научного анализа будет неопровержима «и для китайца» (Вебер, 2010, с. 366).

Мы наблюдаем разрыв в аргументации. С одной стороны, Вебер последовательно излагает идею ограниченной объективности социально-научного знания. Учитывая глубинную связь его методологии с кантианским трансцендентальным идеализмом, вывод о невозможности постижения подлинной природы вещей, является закономерным. С другой стороны, Вебер вводит особую категорию ценностей научной истины, которые превосходят ограничение объективности. При этом Вебер лишь общо намекает на то, как теоретическое знание при этой двойственности соотносится с эмпирическим миром. По мнению Годдарда, такой шаг был необходим для сохранения за социальными науками претензии на объективность. В итоге эпистемологический аргумент Вебера колеблется между кантианством и логическим эмпиризмом: «Вебер одной рукой отнимает объективность, а другой пытается вернуть её обратно» (Goddard, 1973, p. 16).

Ограниченная объективность препятствует обоснованию общих теорий в социальных науках, поскольку создание универсальных объяснительных моделей оказывается затруднено культурным

релятивизмом, который тесно связан с категорией ценностей (напомним, что Вебер определяет культуру как ценностное понятие). При этом Вебер оставляет зазор в собственной аргументации, который смягчает радикальность отказа социальным наукам в праве на сильную трактовку объективности. Эти обстоятельства — внутренняя причина для дальнейшего «затмения» истории в социальных науках. Культурные ценности в веберовской методологии одновременно были и препятствием для теоретического обобщения, и слабым звеном в аргументации. Если бы Вебер до конца оставался последовательным в своём обосновании и не вводил категорию ценностей научной истины, то следующим поколениям социологов было бы гораздо сложнее исключить исторический компонент из его методологии, не нарушая при этом консистентности всей модели.

Внешние факторы забвения истории в социологии

Далее мы попытаемся очертить круг внешних причин, которые привели к исключению культурного и ценностного измерения из методологии Вебера, тем самым отделяя историю и социологию.

Как уже отмечалось ранее, Вебер принял участие во всех значимых интеллектуальных дискуссиях своего времени. Фактически, его методология — это ответ на проблему разделения теории и истории в социальных науках. К началу двадцатого века идея создания общей теории привлекала всё больше внимания как среди сторонников, так и среди критиков (Eliaeson, 2000). В частности, законы исторического материализма, которые активно критиковал Вебер, претендовали на привилегированный статус тотальной теории общества. Сторонники исторического анализа были основной преградой для возвышения теории и обособления социологии от других наук о культуре. Критически настроенные исследователи Вебера, такие как Толкотт Парсонс и Альфред Шюц, также были очарованы идеей создания собственных теоретических программ, которые могли бы претендовать на полное соответствие критериям научной объективности. Мы не станем подробнее останавливаться на том, как им удалось, отталкиваясь от теории действия Вебера, создать два принципиально разных по своему философскому темпераменту подхода — об этом пишет в своей статье Зарет (Zaret, 1980). Однако отметим, что как Парсонс, так и Шюц сталкиваются с необходимостью решения проблемы исторического познания

и ограниченной объективности. Для этого каждый из них на собственный лад пересматривает роль культуры и ценностей при конструировании идеальных типов.

Примечательно, что как Парсонс, так и Шюц, вынужденный покинуть Европу, являются представителями англо-американской социологической традиции. Этот факт важен в контексте проблемы редукции истории, поскольку именно в их интерпретации теория и методология Вебера прижилась на кафедрах англоязычных университетов. В свою очередь замкнутость, свойственная американской социологии, также способствовала распространению полярного взгляда на историю и теорию (Zaret, 1978). Лишь позднее, когда на английский язык были переведены основные труды Вебера, начался период «возрождения» веберизма, сопровождавшийся критическим пересмотром аутентичной интерпретации его идей (Cohen, Hazelrigg & Pope, 1975).

Заключение

Таким образом, можно подвести итоги проведенного анализа. Мы считаем, что поводом для исключения исторического измерения из методологических работ Макса Вебера стала неоднозначная интерпретация статуса объективности научного знания в науках о культуре. Основная проблема заключается в веберовском понимании культурных ценностей: они одновременно и являются субъективными установками исследователя, и претендуют на более универсальный статус. В контексте общей дискуссии о статусе истории и теории брешь в аргументации позволила более поздним интерпретаторам Вебера отделить и вырезать исторический компонент из методологии идеальных типов, разрешив тем самым и проблему ограниченной объективности. Толкотт Парсонс и Альфред Шюц — два наиболее влиятельных критических ученика Вебера — в период, пока англо-американская социология ещё не пришла к интенсивной работе с веберовскими оригинальными текстами, фактически монополизировали право на трансляцию его идей. В результате голос последовательного и тонкого критика сторонников монокаузальности и универсализма в социологической теории на долгое время оказался заглушён.

Тем не менее, глядя из сегодняшнего дня на проблему «затмения» истории в том виде, в котором её поднимает Дэвид Зарет и другие сторонники исторического подхода, можно сделать несколько

дополнительных выводов. Критиков «затмения» истории в социологии нередко обвиняли в излишней радикальности и в том, что они — так же как когда-то Парсонс и Шюц — отходят от аутентичной интерпретации теории и методологии Вебера. В девяностые годы на волне обвинений сторонников исторической социологии в излишней радикальности возник запрос на создание нового синтеза.

Библиография

Вебер, М. (2010). «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин, (1), 360–412.

Вебер, М. (2016). *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*. НИУ ВШЭ.

Гайденко, П. П., Давыдов, Ю. Н. (2006). *История и рациональность*. URSS.

Bendix, R. (1984). *Force, fate, and freedom: On historical sociology*. University of California Press.

Bruun, H. H. (2001). Weber on Rickert: From value relation to ideal type. *Max Weber Studies*, 138–160.

Cohen, J., Hazelrigg, L. E., Pope, W. (1975). De-Parsonizing Weber: A critique of Parsons' interpretation of Weber's sociology. *American sociological review*, 229–241.

Eliaeson, S. (2000). Max Weber's methodology: An ideal-type. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 36(3), 241–263.

Giddens, A. (1970). Marx, Weber, and the Development of Capitalism. *Sociology*, 4(3), 289–310.

Goddard, D. (1973). Max Weber and the objectivity of social science. *History and Theory*, 12(1), 1–22.

Hekman, S. J. (1983). Weber's ideal type: A contemporary reassessment. *Polity*, 16(1), 119–137.

Kiser, E., Hechter, M. (1991). The role of general theory in comparative-historical sociology. *American Journal of Sociology*, 97(1), 1–30.

Meyer, W. (1988). Schmoller's Research Programme, His Psychology, and the Autonomy of Social Sciences. *Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE)/Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*, 144(3), 570–580.

Swedberg, R. (2018). How to use Max Weber's ideal type in sociological analysis. *Journal of Classical Sociology*, 18(3), 181–196.

Zaret, D. (1980). From Weber to Parsons and Schutz: The eclipse of history in modern social theory. *American Journal of Sociology*, 85(5), 1180–1201.

Zaret, D. (1978). Sociological theory and historical scholarship. *The American Sociologist*, 114–121.

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «БОРЬБА С ИСТОРИЧЕСКИМ В МЕТОДОЛОГИИ МАКСА ВЕБЕРА: ПРИЧИНЫ ИСКЛЮЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ИЗ КОНЦЕПЦИИ ИДЕАЛЬНОГО ТИПА»

*Пресняков Илья Валерьевич **

Автор представленного эссе вычитал немалый корпус вебероведческой литературы, что в ряде случаев может быть несомненным плюсом. Однако в данном это произошло все же с определенным ущербом для внимательного разбирательства с первоисточниками. Автор пытается выстроить свой главный аргумент, детализируя некоторые особенности веберовской аксиологии и ее последующей рецепции, но упускает другие важные, а в известной мере — решающие, аспекты.

Во-первых, читатель (в отличие от автора) теряет шанс разобраться в том, как в терминологии Вебера используется понятие «история» и производные от него. А ведь очень хочется понять разницу между историей как ходом общественного развития, «историческим» характером ценностей и, собственно, историей как наукой о культуре. Тем более, что для самого Вебера, кажется, эти тонкости были важны. Так, например, упоминая об «историческом значении» какого-либо явления с точки зрения исторической науки, он использует термин «historische». Если же речь идет о значении события для исторического процесса, то использует формулировку «geschichtliche Tragweite». Конечно, разные термины подразумевают неодинаковый смысл. Такое многообразие безусловно может запутать, но, вслед за Вебером, мы не можем простить себе невнимательности, когда речь идет о понятиях.

Не совсем обоснованным остается решение назвать Вебера «приверженцем исторической социологии». В определенный момент

* Ph.D Student, The Zvi Yavetz School of Historical Studies, The Lester and Sally Entin Faculty of Humanities, Tel Aviv University.

автор как будто сам себя убеждает, что историко-социологические штудии классика и историческая социология — это одно и то же. Конечно, за такое смешение определенную долю ответственности следует возложить на самого Вебера. «Протестантскую этику» он, в конечном счете, будет считать важной частью своей социологии религии, однако главный исследовательский вопрос работы недвусмысленно охарактеризовал как «исторический». Впрочем, это все равно не позволяет нам с легкостью объединить «историю» и «социологию» в «историческую социологию». Более того, в «Основных социологических понятиях» Вебер, хоть и в скобках, но прямо укажет, что слово «социология» — «весьма многозначное». В общем, определить Вебера в строгих дисциплинарных границах не так-то просто. А то, как исторические социологи будут потом пользоваться веберовской концепцией «идеального типа» и понятием *Verstehen* — это совершенно другой сюжет.

Из-за не совсем аккуратной работы с различием у Вебера «социологии» и «истории» авторская задумка становится уже не такой убедительной и вдохновляющей. Не обязательно обращаться к феноменологии или функционализму, чтобы проследить судьбу веберовской «истории». Её «затмение» происходит не в рецепции веберовских идей, как пишет автор. А «исходный проект» трансформируют не столько Шюц и Парсонс, сколько сам Вебер. Иными словами, вопрос о соотношении двух наук не проходит мимо классика и не является его упущением, которое непременно нужно исправить критикам и ученикам.

Доказательство тому — одиннадцатый пункт первой части первого параграфа «Основных социологических понятий», который может послужить хорошей отправной точкой для дальнейших авторских разбирательств. Отталкиваясь от него, продуктивнее, на мой взгляд, было бы исследовать развитие внутренней логики и методологического устройства веберовских идеальных типов. Как, будучи изначально «историческими», они стали «социологическими» (в терминологии П. П. Гайденко) или «чистыми типами»? Меняется ли при этом процесс конструирования идеально-типических понятий? Есть ли здесь влияние динамики «познавательного интереса» самого Вебера? Становится ли он в конечном счете «оторванным от истории»? Если да, то в каком смысле?

Теперь немного про культурные ценности и их роль в конструировании понятий. Прежде всего, тут надо указать, может быть в чересчур прямолинейной форме, но на принципиально важный момент.

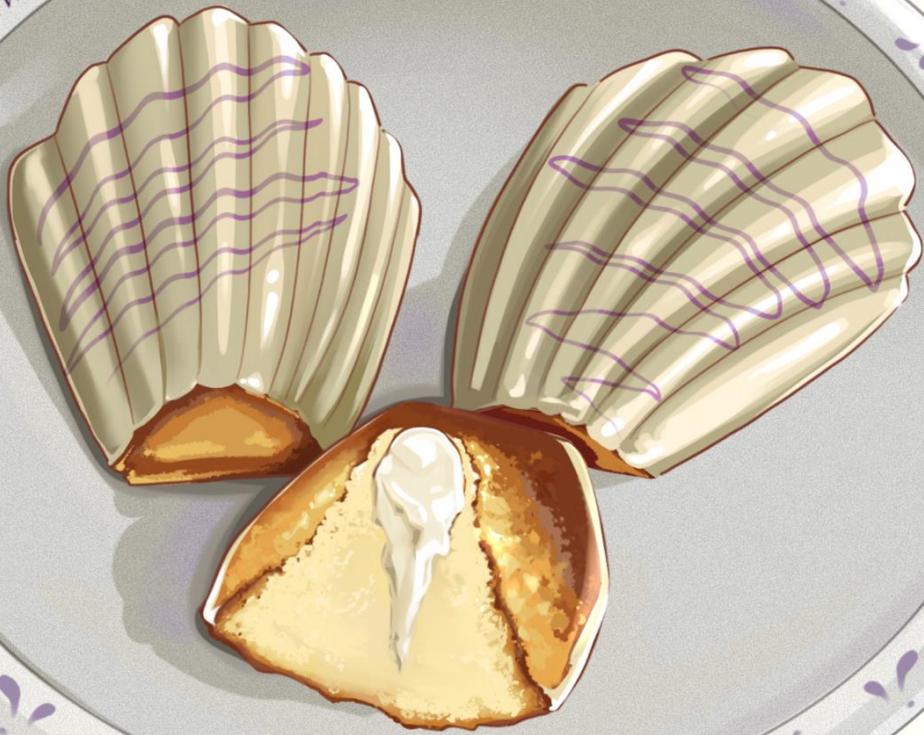
Ценность истины для Вебера не образует, как пишет автор, «новый вид ценностей» и уж тем более не является «универсальной». Напротив, и в этом состоит, пожалуй, одно из главных различий аргументации Вебера от логики Риккерта, она, как и все другие ценности, остается культурной и исторической. Вебер систематически на это указывает: от эссе «Об объективности» (на самом деле даже раньше) до «Науки как призвания и профессии». Он отказывается от так называемого «трансцендентального доказательства» всеобщности и универсальности ценности истины, предложенного Риккертом. При всем уважении к коллеге и товарищу, даже назовет его аксиологию «ценностной метафизикой». А риккертовскую идею о несоизмеримости «теоретических» и «нетеоретических» ценностей усилит до рокового «ценностного политеизма» — безысходной «смертельной борьбы» ценностей. «Сверхэмпирический субъект» Риккерта у Вебера уступит место конкретному человеку, помещенному в культуру, удел которого — выбирать одни ценности и отвергать (или даже «оскорблять») другие. В этом Вебер фанатично последователен. Настолько, что для некоторых его критиков это послужит причиной для обвинения классика в нигилизме и децизионизме (см., например, критику Л. Штрауса). Как следствие, существование теоретической ценности истины и «отнесение» эмпирического материала к ней все так же оставляет познание в науках о культуре ограниченным. Основания его «объективности» специфичны: его следует искать не в статусе ценностей, а в способе создания идеально-типических конструкций, а также механизме каузального сведения и обоснования его валидности и адекватности. Увы, но автор не обращается к этим аспектам веберовского «наукоучения».

Наконец, своеобразной уловкой выглядит и еще один авторский аргумент. Сказать, что Вебер в последние годы своей жизни продолжал думать о ценностях и написал несколько работ этического содержания (прежде всего, *Beruf*-серии) — совсем не доказать, что об эпистемологической роли ценностей в социальном познании он продолжал мыслить ровно так же, как на момент написания, например, «Протестантской этики». Безусловно, социолог Ф. Тенбрук в свое время достаточно успешно доказал, что «*Wissenschaft als Beruf*» — это не просто мнение, которое Вебер безапелляционно привносит в социальную теорию, не публицистика или «политическое завещание». Напротив, по его мнению, этот текст и содержащиеся в нем понятия необходимо читать как «продолжение научной “программы” Вебера». Однако, если даже

мы соглашаемся с Тенбруком, внутри этой «программы» все равно следует отличать вопросы содержательного и методологического толка.

Закончить я бы хотел вредным советом. Может быть, автору для успешного продолжения собственных вебероведческих исследований (тем более, что начало, безусловно, положено!) стоит чуть больше времени уделить текстам самого Вебера и его современников, а не последующих критиков или учеников. Сознательная и намеренная «апологетика» позволит систематизировать корпус базовых идей и аргументов классика и не упустить из виду основополагающие, буквально аксиоматические вещи. Но в какой-то момент, конечно, надо будет остановиться. Говорю это на основе собственного опыта: за излишнее почтение к Веберу и ортодоксальность его прочтения меня в свое время заслуженно критиковали мои шанинские учителя.

SHANINKA UNIVERSITY, 2024, MOSCOW

СОМАТИКА И СЕМАНТИКА «MADELEINE DE PROUST» В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Дарья Донина*

mss2207013@universitas.ru

Введение

«Назовите мне такого писателя, у которого, как у Пруста, поедание пирожного заняло бы несколько сотен страниц в романе, нет такого» (Мамардашвили, 1997), — говорит эксперт по творчеству Марселя Пруста, философ Мераб Мамардашвили. Сцена дегустации бисквита «мадлен», спровоцировавшая у лирического героя автобиографического романа «По направлению к Свану» поток спонтанных воспоминаний из детства, считается первым литературным свидетельством о необычном свойстве человеческой памяти, которое получило наименование «эффект Пруста» или «синдром Пруста». Роман, впервые опубликованный в 1913 году, уже больше века интересует не только литературоведов, но и нейрофизиологов.

На фоне естественно-научных изысканий с середины XX века словосочетание «*madeleine de Proust*» по крайней мере во французском языке приобрело статус устойчивого выражения, фразеологизма. Сегодня его используют для обозначения спонтанного воспоминания, спровоцированного чем-либо (у Пруста — «*mémoire involontaire*», память, которую автор романа отчетливо противопоставляет преднамеренному воспоминанию «*mémoire volontaire*»). Все семь томов романа «В поисках утраченного времени» являются художественным исследованием работы человеческой памяти, причем как по содержанию, так и по форме: то, как Пруст пишет этот текст, само по себе является воплощением настойчивого припоминания (автор использует слово «*réminiscence*»), исполненного надежды вернуться туда, куда назад дороги нет: «*Вся прустовская идея “Поисков” состоит в одной очень простой мысли: я не могу жить без*

* Выпускница, Менеджмент культурного наследия. Работа написана на 1 курсе, дисциплина: Символы и эмоции в культуре.

матери. Я не могу без нее жить. Мое письмо – это попытка возвратиться к матери, восстановить мир матери, восстановить себя» (Подорога, 2019). Исследовательница феномена ностальгии Светлана Бойм называет такой тип ностальгии «рефлексирующим». Такая ностальгия ориентирована на индивидуальный нарратив, на «смакование деталей и памятных знаков» (Бойм, 2021, с. 118). Она как бы «овременяет пространство» и вместе с тем «постоянно откладывает реальное возвращение на родину».

В современной трактовке идиомы «*madeleine de Proust*» триггером может стать не только вкусовое или обонятельное впечатление, но и визуальное, тактильное, смешанное или вовсе синестетическое. Объединяющим фактором является то, что воспоминания, ассоциативно сопоставляемые с «мадленкой Пруста», относятся к периоду раннего детства или как минимум давнего прошлого. Так или иначе, это какое-то событие или артефакт, образ которого, выражаясь современным языком, не находится в оперативной памяти. Напротив, при возбуждении гиппокампа (как это делает пирожное «мадлен») с глубин бессознательного поднимается то, что едва ли подлежало осознанному воспоминанию. Отчасти именно неожиданность, непредсказуемость, непрограммируемость такого воспоминания обеспечивает эффект «сенсации», чувственного удивления, радости от узнавания чего-то, о чем ты был уверен, что давно и безвозвратно позабыл.

«Мадленка Пруста» и обонятельная система человека

«Синдром Пруста» не одно десятилетие исследуют нейropsихологи. «Функционально обоняние может соотноситься с эмоциями так же, как зрение или слух с познанием» (Stevenson, 2014), – к такому заключению еще в 1982 году пришел Тригг Энген, исследователь из Университета Брауна, один из первых ученых, взявшихся изучать эту тему. В 2004 году Рэйчел Херц из Смитсоновского института в рамках исследования установила, что ольфакторные триггеры не только чаще провоцировали воспоминания, но и качественно эти образы были ярче, четче, явственнее. Был сделан вывод о том, что обоняние само по себе является наиболее эмоционально обусловленным сенсорным чувством. Любопытна также работа Симона Чу и Джона Доунса из Университета Ливерпуля, которые установили бóльшее значение ольфакторно-обусловленных воспоминаний для лиц младшего возраста: с годами влияние обонятельных триггеров уступает

вербальным (см. Приложение, изобр. 2). Герою Пруста было как раз 6 лет, когда он впервые попробовал «мадлен» у тети Леони в Комбре.

Ниже мы попробуем сопоставить текст Пруста (в переводе А. Франковского), описывающий момент дегустации бисквита «мадлен», и сопоставить его с упрощенной схемой работы обоняния человека (см. Приложение, изобр. 3), чтобы понять, за счет чего создается «эффект Пруста» на уровне физиологии.

1. Как визуальный триггер пирожное для героя Пруста не сработало: «Вид маленькой мадлены не вызвал во мне никаких воспоминаний, прежде чем я не отведал ее» (Пруст, 1992). Но едва герой романа пробует размоченное в чае печенье мадлен, вместе со вздохом через отверстие в нёбе молекулы пахучего вещества попадают на **обонятельный эпителий** и вступают в контакт с обонятельными рецепторами. Сегодня науке известно, что каждый рецептор воспринимает лишь одну из граней комплексного аромата — это открытие было сделано относительно недавно, в 1992 году Ричардом Акселем и Линдой Бак, за эту работу они впоследствии получили Нобелевскую премию.
2. Далее по обонятельному нерву информация о запахе поступает в **обонятельную луковицу**, где происходит чтение обонятельного «штрих-кода» и создается собирательный образ запаха. Так же фрагментарно, из разрозненных деталей в тексте Пруста «запахи и вкусы <...> продолжают, среди развалин всего прочего, нести, не изнемогая под его тяжестью, на своей едва осязаемой капельке, огромное здание воспоминания» (Пруст, 1992).
3. Следом информация об одоранте, то есть обонятельном раздражителе, попадает в **лимбическую систему**, древнюю структуру мозга человека, которая еще задолго до формирования неокортекса помогала homo sapiens интерпретировать эмоции, угрозы, воспоминания. Идентификация запаха, как считают современные исследователи, происходит в **пириформной коре**.
4. Одновременно происходит активация **гиппокампа**. Гиппокамп — своеобразный архив неактуальных или неиспользуемых регулярно воспоминаний. Едва опознав «мадленку», герой Пруста мысленно переносится в детство в Комбре: «как только узнал я вкус кусочка размоченной в липовой настойке мадлены, которую угощала меня тетя <...>, так тотчас старый серый дом с фасадом на улицу, куда

выходили окна ее комнаты, прибавился, подобно театральной декорации...» (Пруст, 1992).

5. **Миндалина**, тоже часть лимбической системы, отвечает за эмоциональный отклик на раздражители. Дегустация пирожных из детства вызывает в памяти героя «*moments bienheureux*» («счастливые моменты»), их автор описывает как «сладостное ощущение» и «могучую радость», пишет, что «перестал чувствовать себя посредственным, случайным, смертным». Гиппокамп и миндалина реагируют практически одновременно, что приводит к смешанному восприятию человеком нахлынувшего внезапно воспоминания и эмоционального отклика на него.
6. Обработка ольфакторного сигнала завершается уже вне лимбической системы головного мозга, в неокортексе, всего на такую операцию мозгу требуется менее 1 секунды. **Орбитофронтальная кора** отвечает за принятие сознательных решений: бей или беги, выбирай, воображай, просто получай удовольствие.

Я пью второй глоток, в котором не нахожу ничего больше того, что содержалось в первом, пью третий, приносящий мне немножко меньше, чем второй. Пора остановиться, сила напитка как будто слабеет. Ясно, что истина, которую я ищу, не в нем, но во мне. <...> Я оставляю чашку и обращаюсь к своему разуму. (Пруст, 1992)

Однако обращение к рациональному разочарует героя: повторить эксперимент сознательно ему не удастся.

Писатель Пруст считается практически первопроходцем в области нейрофизиологии обоняния. Однако оксфордский ученый Виктор Грэм пришел к парадоксальному выводу: образный мир Пруста в первую очередь опирается на визуальные впечатления, а вовсе не на обонятельные. В работе «*The imagery of Proust*» 1966 года он зафиксировал «4578 сенсорных впечатлений в тексте романа, 62% из них основываются на зрительных образах, а обоняние и вкус суммарно составляют не более 1%» (Gilbert, 2008).

Был ли Марсель Пруст действительно первым в истории писателем, отметившим этот парадокс памяти? Ольфакторный исследователь Эйвери Гилберт опровергает устоявшееся представление о Прусте, который, якобы исследуя прошлое, предугадал грядущие открытия в сфере обоняния.

До него подобные наблюдения, хоть и не столь красочные и многословные, можно было встретить в текстах, например:

- Эдгара Алана По (1849 год): «Я думаю, что запахи имеют совершенно особенную силу действовать на нас через сочетание; силу, отличающуюся существенно от сил предметов, обращающихся к осязанию, вкусу, зрению или слуху» (По, 1913).
- Натаниэля Готорна (1851 год): «Ах! покажите мне! дайте мне!», – вскричал гость, быстро схватывая цветок, который своим запахом, как волшебную силу, пробудил в нем много других воспоминаний, соединенных с этим ощущением» (Готорн, 2022).
- Жориса-Карла Гюисманса (1884 год): «Он снова сел в кресло и стал смаковать свой овсяно-ячменный сок с горьковатым дымком креозота. Знакомые вкус и запах пробудили воспоминания, давным-давно забытое. Подобно Фениксу, это впечатление возникло из небытия и вызвало то же самое ощущение, какое было у него во рту, когда – давно уже – хаживал он к зубным врачам» (Гюисманс, 1995). Этот пример, пожалуй, наиболее показателен.

Не лишним было бы вспомнить, что в начале XX века тема памяти занимала многих. Еще в 1896 году выходит монография Анри Бергсона «Материя и память», вызвавшая большой интерес, а его философия интуитивизма оказала значительное влияние (Lehrer, 2008) на автора цикла «В поисках утраченного времени». О связке памяти и обоняния писали даже в неспециализированной прессе. Так, Гилберт приводит цитаты из Harper's Bazaar 1903 года о том, что ароматы будут служить ключом к воспоминанию сцен из прошлого с невероятной красочностью, и из эссе «Запах и память», вышедшего в журнале Spectator в 1908 году, где для описания внезапного обонятельного воспоминания, преодолевающего мили и десятилетия, использована метафора «полета на волшебном ковре-самолете» (Gilbert, 2008).

В сущности, принципиального значения первичность или вторичность свидетельства Пруста не имеет. Роман «В поисках утраченного времени» считается одним из ключевых текстов французского модернизма и неизменно входит в списки в духе «100 лучших книг всех времен и народов», пирожное «мадлен» давно обрело символическое значение, стало знаком, а «когда аромат цветка становится знаком, он превосходит одновременно и законы материи и категории разума» (Делёз, 1999).

Философ Жиль Делёз в работе «Пруст и знаки» вслед за писателем предлагает смотреть на материю так, будто она «постоянно испускает знаки для дешифровки» (Делёз, 1999). Он разделяет символическое в романе Пруста на четыре группы: светские знаки, знаки любви, чувственные знаки и знаки искусства. «Мадленки» относятся к категории чувственных знаков: встреча с ними сулит большую радость, но в ней всегда есть недосказанность, незавершенность, невозможность полного контакта.

Пирожное «Мадлен» — к истории десерта

Город Комбре, «выплывший из чашки чая» лирического героя Пруста, — вымышленная локация. Прототипом Комбре стал город Илье в долине Луары, откуда происходили предки Марсея Пруста по отцовской линии. В 1971 году в честь столетия писателя коммуна была переименована в Илье-Комбре, как справедливо отметил Андре Моруа: «вначале был Илье, городок с двумя тысячами жителей, но потом явился Комбре, духовная родина миллионов читателей» (Моруа, 2000). Там и сегодня бережно хранится наследие вымышленного города и его вымышленных персонажей: так, например, можно посетить дом тети Пруста Элизабет, ставшей прототипом тетушки Леони. С 1961 года дом имеет статус исторического памятника.

Однако корни этого простого, но популярного десерта лежат в маленьком городке Коммерси на востоке Франции. Споры о происхождении печенья «мадлен» не утихают по сей день. Одна из распространенных версий гласит, что известность они получили в 1750-х годах при дворе Станислава Лещинского, бывшего польского короля, сосланного доживать свои дни в качестве герцога Лотарингии. Комикс (см. Приложение, изобр. 17), размещенный на сайте (Les origines de la Madeleine de Commercy, n.d.) одного из двух производителей аутентичных «мадлен» города Коммерси, которые сохраняют гастрономическое наследие уже более 70 лет, «Boîte à madeleines», повествует: во время светского мероприятия при дворе герцога Лещинского не досчитались работницы кондитерского цеха. Тогда на помощь коллегам по кухне пришла молодая симпатичная кухарка по имени Мадлен, которая буквально спасла торжественный ужин, приготовив забавные «пухлые» бисквиты по рецепту своей бабушки. После этого якобы их и нарекли «мадленками» в ее честь.

Правда это или бесхитростный маркетинг — сегодня едва ли возможно установить, но самый ранний из обнаруженных автором эссе рецептов

«мадлен» действительно относится к 1755 году: он был опубликован в кулинарной книге Жозефа Менона «*Les soupers de la Cour ou L'art de travailler toutes sortes d'aliments*». Этимологический словарь французского языка выдвигает иную версию: рецепт кексов приписывается некой «Мадлен Помье, пансионерке и бывшей кухарке мадам Перротен де Бармон, о которой у нас нет точной информации» (Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales, n.d.).

Если верить свидетельствам французского историка Шарля Дюмона, до середины XIX века рецепт кексов «мадлен» по мере сил хранили в секрете. Но уже в начале XX века их начали готовить повсеместно. В городе Коммерси появилась железная дорога, а «мадленками» начали торговать прямо на вокзале: продавщицы ходили по перрону с коробами, наполненными бисквитами, каждая представляла свою пекарню (см. Приложение, изобр. 5). Пассажиры покупали «мадлен» как сувенир или просто как перекус в дорогу — так или иначе, бисквиты приобрели известность по всей стране. Сегодня контуры ракушки «мадлен» украшают логотип города Коммерси (см. Приложение, Изобр. 6).

Однако гастрономическое наследие хранят и за пределами Лотарингии. Во Франции одним из главных амбассадоров пирожного «мадлен» является всемирно известная кулинарная школа Ritz Escoffier, которая существует при отеле Ritz на Вандомской площади в Париже (см. Приложение, изобр. 10). И это неслучайно: в этом отеле часто бывали представители французской интеллигенции и богемы, среди них и сам Марсель Пруст — в честь него там сегодня названа чайная гостиная. А в пяти минутах от отеля находится станция метро Madeleine, правда, связано это с расположением церкви Святой Марии Магдалины неподалеку.

«Мадленка Пруста» как фразеологизм

Как отмечает филолог Ирина Кушакова, «изначально в черновиках к роману “По направлению к Сванну” Марсель Пруст выбирал между *pain grillé* (поджаренный хлеб) и *biscotte* (зренок)» (Кушакова, 2021). Трудно предположить, стало ли бы выражение столь же устойчивым в речи, если бы на месте «мадленок» у Пруста была какая-то другая выпечка. Кажется, что именно загадочное происхождение десерта, полисемантичность и непереводаемость его названия, ассоциативная связанность с именем

библейской героини обеспечили словосочетанию фразеологический потенциал.

Несмотря на существующие легенды про кондитеров прошлых веков по имени Мадлен, название пирожных отсылает и к другому важному для католической Франции имени — святой Марии Магдалины. Кулинарные изделия во Франции вообще нередко носят имена собственные (пирог Шарлотка, тарт Татен, запеченное мясо Ришельё и др.), и в частности имена святых. Это служит своеобразным свидетельством того, что рецепты многих десертов, как и других блюд, а также напитков, лекарственных и парфюмерных средств, возникли в монастырях.

На одном из современных сувенирных плакатов (см. Приложение, изобр. 7) с изображением пирожного приводится такая историческая справка о «мадленках»: *«Они также распространены в Испании, куда их занесли в свое время французские паломники, которые шли по пути святого Иакова, паломнической тропой, ведущей к предполагаемой могиле апостола Иакова в испанском городе Сантьяго-де-Компостела»*. Апостол Иаков был рыбаком, чем объясняется тот факт, что эмблемой паломнической дороги к его могиле является раковина гигантского моллюска, именуемого во французском языке буквально *«une coquille Saint-Jacques»*.

«Мадленки» действительно выпекаются в формочках, повторяющих форму этих раковин. В оригинале Пруст описал форму бисквита как *«la valve rainurée d'une coquille Saint-Jacques»* (дословно можно перевести как «рифленая створка раковины морского гребешка»). В первом русскоязычном переводе Адриана Франковского форма бисквита напоминает *«желобчатые раковины моллюсков из вида морских гребешков»* (Рыбина, 2018). Другой переводчик Н. Любимов предложил еще более сложносочиненную конструкцию: *«формой для которых как будто бы служат желобчатые раковины пластинчатожаберных моллюсков»* (Рыбина, 2018). Таким образом, в оригинальном тексте Пруста образ кексов «мадлен» окружен целым рядом религиозных коннотаций, которые, увы, неминуемо теряются при переводе.

На полях также отметим тот факт, что именно церковь Святого Иакова является одной из центральных достопримечательностей города Илье, ставшего прототипом прустовского Комбре.

Как отмечает исследовательница И. Кушакова, уже в 1950-х годах словосочетание *madeleine de Proust* закрепилось во французском языке как фразеологическая единица и стало фиксироваться в словарях как «что-то (цвет, запах, место и т. д.), что вызывает в памяти воспоминания прошлого» (Кушакова, 2021). Примечательно, что в определениях игнорируется самостоятельное значение слов «*madeleine*» и «*Proust*».

Во франкофонной и, реже, англоязычной интернет-среде обнаружено большое количество следов бытования «мадленок». Первый номер специализированного французского журнала *Nez* (см. Приложение, изобр. 4), посвященного ольфакторной культуре, начинается с серии коротких интервью, в которых один из первых вопросов звучит как «*Ta madeleine de Proust?*», то есть, иначе говоря, «Что для вас является таким же обонятельным триггером воспоминаний, как для Пруста было пирожное «мадлен»?». В современном французском языке это словосочетание является общеупотребимым не только среди знатоков литературы, кулинарии или парфюмерии, но и среди широкой аудитории. Автору эссе неоднократно доводилось слышать этот фразеологизм в утреннем эфире обычных общественно-политических радиостанций.

Данную фразеологическую единицу во французском языке можно интерпретировать как инструмент анализа коллективной идентичности. Несмотря на то, что отправной точкой для появления этой идиомы послужил художественный текст, основанный на субъективном воспоминании Пруста и его эмоциональной оценке, особенностью фразеологической единицы «становится не поэтическое (со)бытие скрытой в ее внутренней форме метафоры, но клишированность, штампованность поэтического образа, заключенного в этой метафоре. Фразеологический оборот — это ответ на массовый спрос на поэтическое слово» (Сандомирская, 1999, с. 126).

«Мадленки» в современной массовой культуре за пределами Франции

В русскоязычном интернете по поиску через Google словосочетания «мадленки Пруста» или иных его словоформ в первую очередь находятся непосредственно рецепты кексов. В современном русском языке фразеологизм «мадленка Пруста» представлен слабо — его обычно используют представители сообщества любителей парфюмерии

в специализированных чатах, форумах, пабликах. Одним из таких сообществ является *Fragrantica*, форум и энциклопедия парфюмерии, собираемая по принципу UGC (User Generated Content – рус. контент, создаваемый самими пользователями, (комментарии см. в Приложении, изобр. 8). Приведем цитату от регулярного автора портала:

*Образ Пруста обычно ассоциируется именно с «мадленами», с липовым отваром, с чаем... И все парфюмы, которые пахнут «мадленами», ассоциируются с Прустом у тех, для кого Пруст вообще имеет значение. Правда, *Le Temps Perdu Salle Privée*, посвященный Прусту, «мадленами» не пахнет, это абстрактный мягкий древесно-мускусный запах, слишком скучный для Пруста. (Прокофьева, 2022)*

Иногда образ проникает даже в откровенно маркетинговые, рекламные сообщения: «Экологически чистые и гендернофлюидные ароматы *New Notes* интересно раскрываются на коже, даря вам динамичные и мультисенсорные впечатления. Они вызывают глубокие эмоции и исследуют неизведанные глубины удовольствия, в том же ключе, что и знаменитые мадленки Марселя Пруста» (Rybínová, 2022). Возможно, это объясняется тем, что само упоминание Пруста среди интересующейся парфюмерией аудитории повышает кредит доверия к говорящему и, как следствие, к продукту. В этих кругах упоминание Пруста или «мадленки Пруста» работает как некий код, подтверждающий экспертность спикера, знающего «внутренний», «инсайдерский» мем.

Для знатоков и своих подписчиков парфюмерные блогеры (сами себя они называют «парфманьяками») порой даже проводят «прустовские вечеринки» (см. Приложение, изобр. 9). Едва ли мероприятие предусматривает некую инициацию «мадленками», размоченными в липовом чае, и уж точно на человека, не обладающего таким индивидуальным воспоминанием, это действие не окажет никакого «эффекта Пруста». Тем не менее это свидетельствует об определенной дани уважения к писателю и его образному миру, ставшему символом индивидуальной памяти в океане массовой культуры.

Пользователи популярной во всем мире социальной сети Instagram сопровождают хэштегом *#madeleinedeproust* (на момент написания эссе им было снабжено более 31 тыс. публикаций) не только изображения свои обонятельно-вкусовых триггеров, будь то хамон или сардины (см.

Приложение, изобр. 13-15). Подчас так подписывают фотографии даже объектов, не имеющих характерного запаха или по крайней мере без явной связи с ним: старый сервиз, конструктор Lego, книга Агаты Кристи и любые другие образы, которые визуально или тактильно отсылают к индивидуальным воспоминаниям пользователя соцсети о детстве.

Вне контекста современной франкофонной культуры концепция «мадленки Пруста» подчас возникает как своеобразный признак «французскости», лишь немного уступая таким распространенным визуально-гастрономическим клише как круассан, багет, сыр, вино. Например, сюжетный троп невольного воспоминания, спровоцированного вкусом из детства героя, можно обнаружить в популярном мультфильме 2007 года производства студий Pixar и Walt Disney «Рататуй» (фр. *Ratatouille*). Рататуй, приготовленный крысой-кулинаром, приводит в восторг строго ресторанный критик Антуана Эго, напоминая ему о вкусе неприятного деревенского блюда, которым его в детстве кормила мама. Франция в общественном сознании давно зарекомендовала себя как страна высокой кухни, парфюмерии и моды, в известной степени приписав себе негласное лидерство во всех отраслях культуры и быта, связанных с «хорошим вкусом». Поэтому неудивительно, что эта анимационная история разыграна в классическом парижском сеттинге. Использование «эффекта Пруста», хоть и без участия бисквита «мадлен» здесь более чем объяснимо.

Неожиданной формой бытования мифа о «мадленках» являются два последних фильма голливудской франшизы о Джеймсе Бонде «007: Спектр» (2015) и «Не время умирать» (2021). По сюжету первого из них, Бонд и его новая спутница, психолог по профессии, отправляются в отель «Американец» в Марокко, где они находят потаённую комнату, где хранятся фотографии, видеоплёнки, даже записи разговоров с погибшей в предыдущих сериях девушкой Бонда — Веспер Линд — и прочая меморабилия. Новую спутницу шпиона и его проводницу в мир воспоминаний (ее сыграла востребованная в Голливуде французская актриса Леа Сейду) зовут *Madeleine Swann*. Это имя недвусмысленно отсылает к тем самым «мадленкам» из «*Du côté de chez Swann*».

Заключение

Российский философ В. Подорога приводит размышления С. Беккета о припоминании как жанре текста романа «По направлению к Свану»:

«такие откровения-вспышки памяти, как <...> “вкус печенья Пти-Мадлен” (старый Комбре) <...> вызывают столкновения двух частиц: одна – частица настоящего, другая – частица прошлого, одна – сигнал, исходящий из реального опыта сейчас-бытия, другая – частица, принадлежащая образу прошлого, готовая соединиться с первой» (Подорога, 2019).

Так и за пределами текста романа, глядя на артефакты культурного наследия, связанные с ним, порой бывает трудно понять, что появилось раньше: «мадлен» или Пруст – настолько их образы оказались сцеплены в массовом сознании. Пирожные неминуемо фигурируют на обложках художественных книг Пруста и нехудожественных про Пруста (см. Приложение, изобр.1), а именем писателя называют кондитерские от Коммерси до австралийского Мельбурна. В 1998 году ароматом тех самых бисквитов даже пытались одорировать парижское метро: специально созданную по заказу транспортной компании RATP парфюмерную композицию «Мадлен» одно время добавляли в воск, используемый для уборки платформ станций (Reinartz, 2014)

Еда и особенно совместный прием пищи на протяжении всей истории человечества представляла собой ресурс для общественной консолидации и со-чувствования. Без совместной трапезы немыслимо ни одно значимое событие: будь то свадьбы, похороны или таинство причастия. Как отмечает К.-С. Ли, часто исследователи рассматривают сцену с мадленкой как воспоминание о вкусе, запахе, текстуре и других сенсорных характеристиках пирожного, на худой конец, как воспоминание о Комбре и «кувшинках Вивоны», но мало кто трактует эту сцену как воспоминание о тётке Леони, той, что непосредственно угощала маленького героя этими бисквитами, заботливо размачивая их в липовом чае. Согласно проведенному эксперименту (см. Приложение, изобр. 16), респонденты Ли чаще всего вспоминали приемы пищи и вкусовые свойства еды в совокупности с воспоминаниями о тех, с кем они их когда-то разделили.

Американский антрополог Д. Е. Саттон в публикации 2010 года назвал это направление научных изысканий авторским неологизмом «*gustemology*» (Sutton, 2010), имея в виду исследование культурных аспектов вкуса и других сенсорных характеристик пищи. Автору эссе видится большой потенциал в изучении сенсорной антропологии и памяти о вкусах и запахах как важной составляющей коллективной памяти разных сообществ – в диапазоне от семьи до страны.

Библиография

- Бойм, С. (2021). Будущее ностальгии. Новое литературное обозрение.
- Делез, Ж. (1999). *Марсель Пруст и знаки*. АЛЕТЕЙЯ. https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/del_mars/index.php
- Готорн, Н. (2022). *Дом о семи шпилях*. РИПОЛ классик. <https://fantasy-worlds.org/lib/id34267/read/>
- Гюисманс, Ж.-К. (1995). *Наоборот*. Республика. <http://lib.ru/INOOLD/GUISMANS/naoborot.txt>
- Клюева, Е. (2021, Июль 10). О чем способна рассказать мадленка Пруста? Горький. <https://gorky.media/context/o-chem-sposobna-rasskazat-madlenka-prusta/>
- Кушакова, И. (2021). Лексическая и фразеологическая парадигматика французского языка: *madeleine de Proust*. Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология», 31(6), 1204–1211. DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-6-1204-1211
- Мамардашвили, М. (1997). *Психологическая топология пути*. Royallib.com. https://royallib.com/read/mamardashvili_merab/psihologicheskaya_topologiya_puti.html#0
- Моруа, А. (2000). *В поисках Марселя Пруста: Биография*. Лимбус Пресс.
- По, Э. (1913). *Marginalia* (Заметки на полях). Az.lib.ru. http://az.lib.ru/p/po_e_a/text_1849_marginalia_balmont.shtml
- Подорога, В. (2019). Убежище Пруста (Заметки по аналитической антропологии литературы). *Новое Литературное Обозрение*, (159). https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/159_nlo_5_2019/
- Прокофьева, Е. (2022, Сентябрь 24). 1900 L'Heure De Proust: чай, черника и массаж для Марселя Пруста. *Fragrantica*. <https://www.fragrantica.ru/news/1900-L-Heure-De-Proust-caj-cernika-i-massaz-dla-Marsela-Prusta-12854.html>
- Пруст, М. (1992). *В поисках утраченного времени: В сторону Свана*. Az.lib.ru. http://az.lib.ru/p/prust_m/text_0030.shtml
- Рыбина, М. (2018). Русский рецепт пирожного Мадлен, или История о том, как переводили М. Пруста. В *Пространство книги: сборник научных статей* (с. 20–27). ЦКиР НБ РБ.
- Сандомирская, И. (1999). О своем. Фразеология и коллективная культурная идентичность. В В.Н. Телия (Ред.), *Фразеология в контексте культуры* (с. 121–130). Языки русской культуры.

Что такое «феномен Пруста». (2021, Июль 10). ТАСС. <https://tass.ru/infographics/9215>

Bray, P. (2013). Forgetting the madeleine: Proust and the neurosciences. *Progress in brain research*, (205), 41–53. <https://dx.doi.org/10.1016/B978-0-444-63273-9.00003-4>

Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. (n.d). Citation. In CNRTL.fr dictionary. Retrieved May 01, 2023, from <https://www.cnrtl.fr/etymologie/madeleine//1>

Gilbert, A. (2008). *What The Nose Knows. The Science of Scent in Everyday Life*. Crown Publishers.

Lee, K-S. (2023). Cooking up food memories: A taste of intangible cultural heritage. *Journal of Hospitality and Tourism Management*, (54), 1–9. <https://doi.org/10.1016/j.jhtm.2022.11.005>

Lehrer, J. (2008). *Proust Was a Neuroscientist*. Houghton Mifflin Harcourt.
Les origines de la Madeleine de Commercy. (n.d). Retrieved from <https://www.madeleines-zins.fr/histoire-madeleines-zins/histoire-madeleine-commercy/>

NEZ: LA REVUE OLFACTIVE (1). (2016). Paris, France: NEZ EDITIONS.

Raganneau, N. (2019, August 14). How Marcel Proust killed the Commercy madeleine. *Proustonomics*. Retrieved from <https://proustonomics.com/how-marcel-proust-killed-the-commercy-madeleine/>

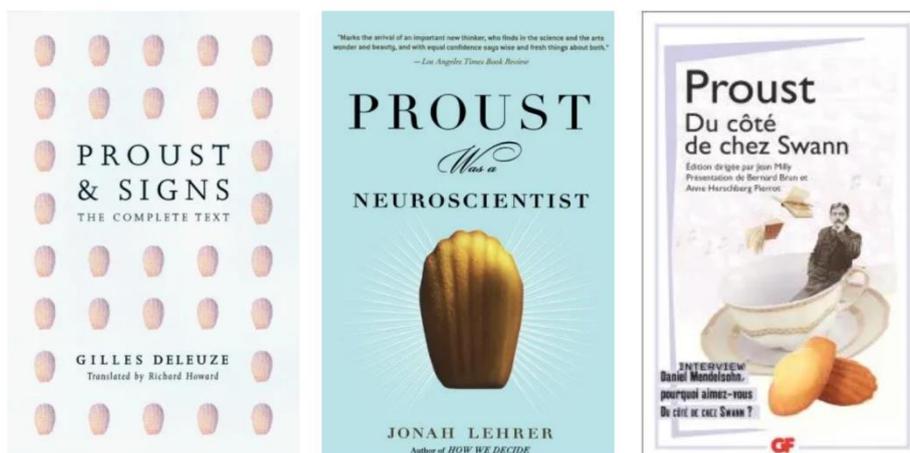
Reinarz, J. (2014). *Past Scents: Historical Perspectives on Smell*. University of Illinois Press.

Rybínová, M. (2022, Декабрь 14). NEW NOTES Extrait de Parfums. *Fragrantica*. <https://www.fragrantica.ru/news/NEW-NOTES-Extrait-de-Parfums-13224.html>

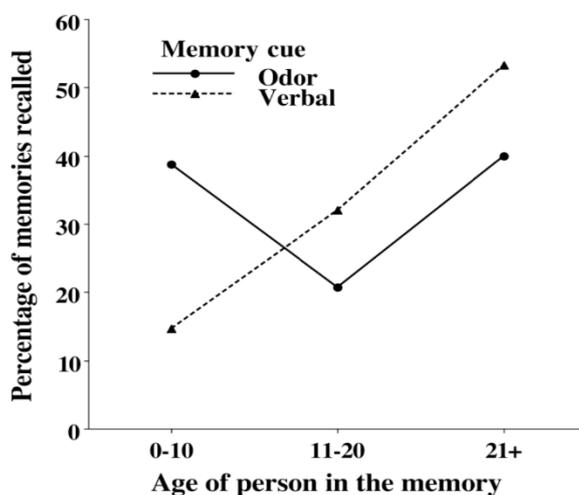
Stevenson, R. (2014). The Forgotten Sense. Using Olfaction in a Museum Context: A Neuroscience Perspective. In N. Levent, A. Pascual-Leone (Eds.), *Multisensory museum: cross-disciplinary perspectives on touch, sound, smell, memory, and space* (pp.151–165). Rowman & Littlefield.

Sutton, D. (2010). Food and the Senses. *Annual Review of Anthropology*, 39(1), 209–223. <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.012809.104957>

Приложение

Изобр. 1. Обложки книг Пруста или о Прусте. Источник: Raganneau N. How Marcel Proust killed the Commercy madeleine // Proustonomics.com, 14.08.2019. Метод доступа: <https://proustonomics.com/how-marcel-proust-killed-the-commercy-madeleine/> (дата обращения: 28.04.2023).

Изобр. 2. Процент воспоминаний, движимых вербальными или ольфакторными триггерами, в зависимости от возраста респондента. По данным исследования Chu, S. and Downes, J. (2000). Long live Proust: The odour-cued autobiographical memory bump. *Cognition*, 75, B41–50. Цит. по: Stevenson Richard J. The Forgotten Sense. Using Olfaction in a Museum Context: A Neuroscience Perspective. p.155. // *Multisensory museum: cross-disciplinary perspectives on touch, sound, smell, memory, and space*. Edited by Nina Levent and Alvaro Pascual-Leone. Rowman & Littlefield, 2014.

"Феномен Пруста": как запахи рождают воспоминания

Первый роман цикла "В поисках утраченного времени" Марселя Пруста — "По направлению к Свану" — знаменит описанием феномена памяти, при котором вкус и запах неосознанно провоцируют воспоминания.

Главный герой романа пробует бисквит "Мадлен" с липовым чаем. Позабывшие вкус и аромат переносят Марселя в воспоминание из детства, когда такими же кексами угощала его тетья.

Марсель Пруст
(1871–1922)

ЧТО ПРОИСХОДИТ В ЭТОТ МОМЕНТ В ГОЛОВЕ ЧЕЛОВЕКА?

< 1 секунды

проходит между вдохом и осознанием запаха

НОС

1 **Обонятельный эпителий обнаружение**

Молекулы пахучего вещества попадают на слизистую и обрабатываются обонятельными рецепторами

МОЗГ

2 **Обонятельная луковица чтение**

Создается собирательный образ запаха

3 **Пириформная кора расшифровка**

Аромат опознан: а, это пирожное "Мадлен"!

4 **Миндалины эмоции**

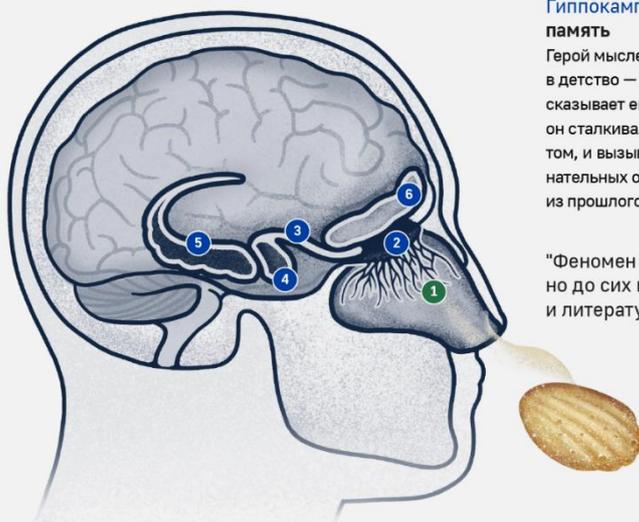
Герой испытывает "сладостное ощущение" и "могучую радость"

5 **Гиппокамп память**

Герой мысленно переносится в детство — гиппокамп подсказывает ему, когда и где он сталкивался с этим ароматом, и вызывает цепь бессознательных образов из прошлого

6 **Орбитофронтальная кора осознание и принятие решений**

Время принимать решения. Герой выбирает "остановиться, сила напитка как будто слабеет. Ясно, что истина, которую я ищу, не в нем, но во мне".

"Феномен Пруста" не является научным термином, но до сих пор изучается нейробиологами и литературоведами всего мира.

Ряд иностранных словарей фиксирует слово *madeleine* ("мадлен") или выражение *madeleine de Proust* ("мадленка Пруста") в значении "что-то, что провоцирует воспоминания".

© ТАСС, 2021. Источники: Пруст М. В поисках утраченного времени: В сторону Свана: Роман. — СПб.: Сов. писатель, 1992; Le Grand Livre du Parfum, NEZ EDITIONS, 2018; Merriam-Webster dictionary merriam-webster.com; Larousse dictionnaire larousse.fr.

Изобр. 3. Что такое «феномен Пруста» // ТАСС, 10.07.2021. Метод доступа: <https://tass.ru/infographics/9215> (дата обращения: 27.04.2023).

Изобр. 4 Разворот журнала об ольфакторной культуре NEZ: LA REVUE OLFACTIVE – 01 PRINTEMPS/ÉTÉ 2016, p.13.

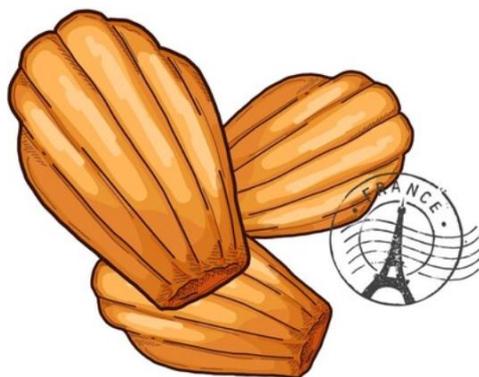

Изобр. 5. Продавщицы «мадлен» встречают поезд на вокзале Коммерси. Источник: Raganneau N. How Marcel Proust killed the Commercy madeleine // Proustonomics.com, 14.08.2019. URL: <https://proustonomics.com/how-marcel-proust-killed-the-commercy-madeleine/> (дата обращения: 28.04.2023).

Commercy Ville de

Изобр. 6. Логотип с официального сайта города Коммерси, который считается родиной пирожного, обыгрывает в двух буквах «mm» силуэт ракушки - формы «мадлен». URL: <https://www.commercy.fr/> (дата обращения: 01.05.2023).

BOULANGERIE - PÂTISSERIE
Française

La Madeleine

Une madeleine est un petit gâteau traditionnel aux œufs, en forme de coquillage, allongée ou ronde. On la retrouve également en Espagne, où elle fait partie intégrante de la cuisine; elle aurait été apportée en Espagne par les Français lors des pèlerinages à Saint Jacques de Compostelle.

Изобр. 7. Сувенирный плакат с изображением «мадлен» с короткой историей распространения десерта на территории Испании паломниками из Франции.

Ирина Ино 06/29/17 01:18

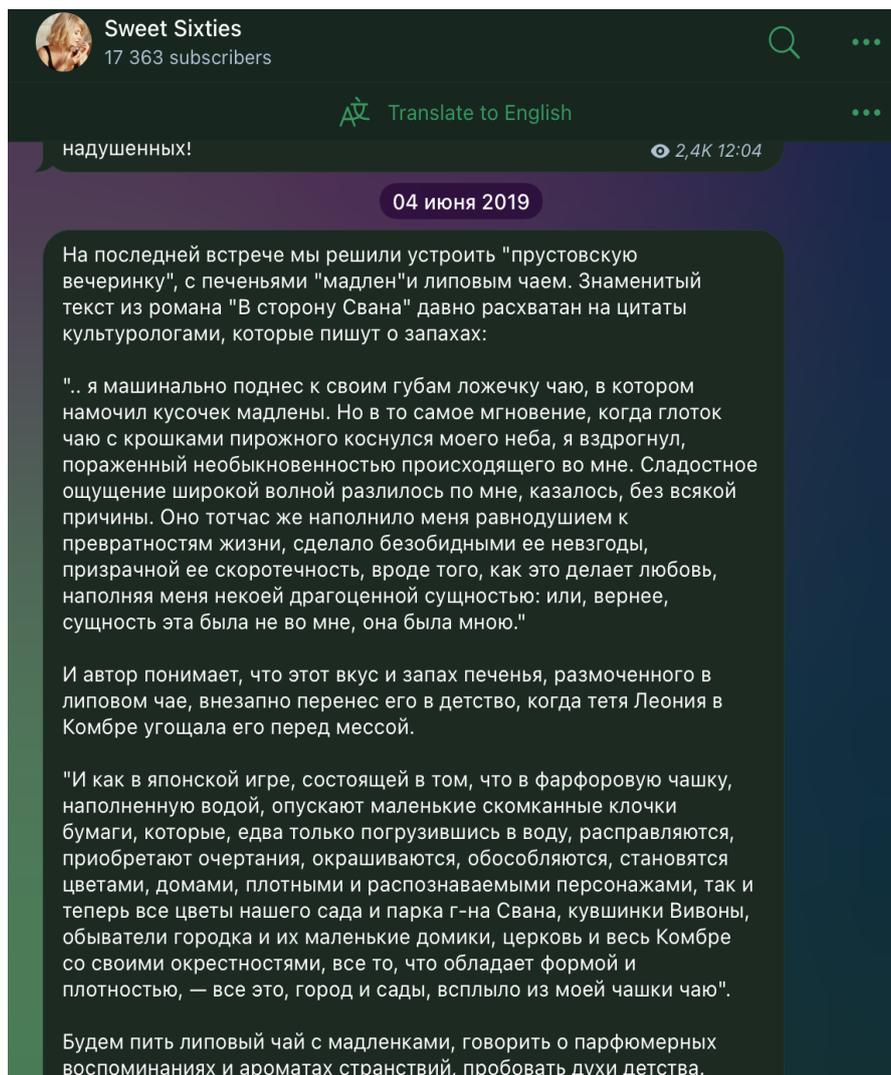
Хочу поделиться своей историей, связанной с ароматом. Когда-то в детстве, в детсадовском возрасте, впервые познакомилась с аурой парфюма, видимо мой дедушка подарил их своей дочери (моей тете), 17-летней утонченной и невесомой девушке. И вся её комната была пропитана L'eau d'Issey. Запах впился в мое сознание, вплеся в память каждой нотой, каждым нюансом. Для меня данный аромат как для Пруста липовый чай с печеньем мадлен, иными словами уносит меня далеко от реальности в детство, юность. Тетя осталась верна её парфюмерному облику и по сей день я улавливаю волшебные, невесомые ноты беззаботного детства. Было неловко спрашивать у родственницы про духи, поэтому я самостоятельно отправилась на их поиски. Длительность была настолько долго, настолько мучительно для моего кошелька! Нашла их случайно и не знала, что это ОНИ, те самые!

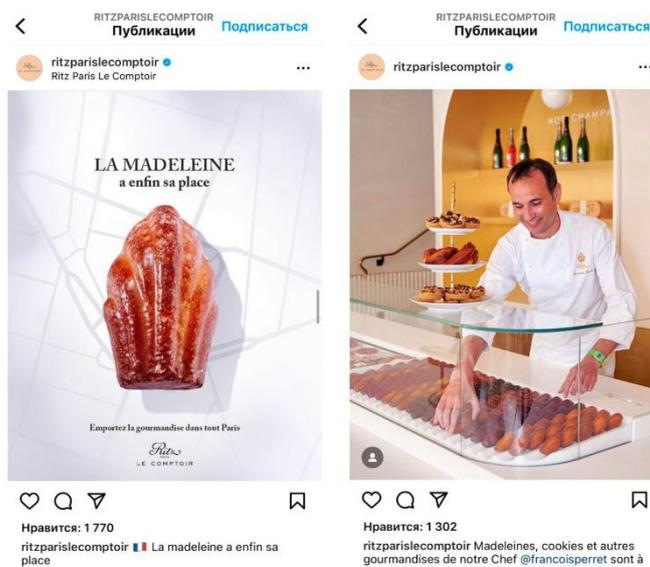
Napoleone 05/08/18 00:24

Украшение. Это и вещь, и качество вещи в одном. Украшением может служить любая вещь, как и объективно красивая, так и дорогая сердцу. Брильянт, ключи от дорогого автомобиля или детский носочек, брошка давно ушедшего родного человека. Каждому своё. Но лучшее украшение это, конечно же, воспоминание. Чем ярче и глубже оно тем дороже сердцу. Воспоминания украшают нашу жизнь, наполняют её смыслом и полнотой. Случайно пойманный аромат на улице или вкус давно забытого лакомства могут вылить на нас целый каскад нежных воспоминаний, переживаний и глубоких чувств. В своём знаменитом произведении «В поисках утраченного времени», Марсель Пруст пишет, что в тот момент, когда он впервые опустил в чашку с чаем из липового цвета печенье «Мадлен» и «смешанный с крошками печенья глоток чая дотронулся до неба», ему явилась муза в виде блаженства, воспоминаний испытанных в детстве, и это чувство непостижимым образом возвращало в счастливые времена. Целый мир детства «всплыл из... чашки чая с крошками печенья». Эмиро для меня это целый букет парфюмерных воспоминаний из парфюмов моей мамы и моего отца, окружающих их ароматов тех времен. Каждый раз когда наношу его на себя вспоминаю большую, дружелюбную компанию друзей моей семьи, которые сидя на кухне до ночи смеялись, что-то обсуждали. У этой теплой компании был особенный аромат - смесь духов (теперь уже винтажных), крепкого кофе, шоколада, Амаретто или коньяка, сигарет More.

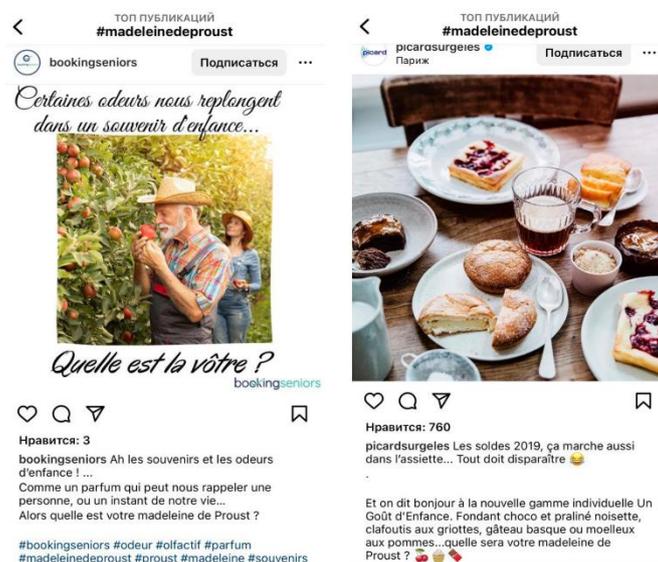
Изобр. 8. Скриншоты комментариев пользователей парфюмерной UGC-энциклопедии fragrantica.com, создаваемой пользователями по принципу википедии.

Изобр. 9. Скриншот публикации из блога парфюмерной просветительницы и коллекционерки Галины Анны, Sweet Sixties. 04.06.2019. URL: <https://t.me/galaanniparfum/543> (дата обращения: 28.04.2023).

Изобр. 10. Скриншот публикаций из Instagram-аккаунта парижского кототеля Ritz, где когда-то бывал Пруст и где сегодня существует «чайная гостинная» его имени. URL: <https://www.instagram.com/ritzparislecomptoir/?hl=ru> (дата обращения: 02.05.2023). [принадлежит Meta — организация признана экстремистской и запрещена в России]

Изобр. 11. Скриншот публикаций из Instagram-аккаунтов, призывающих поделиться своими ольфакторными воспоминаниями в комментариях. URL: <https://www.instagram.com/bookingseniors/> - аккаунт службы занятости пожилого населения, <https://www.instagram.com/picardsurgeles/> аккаунт бренда замороженных готовых блюд Picard. (дата обращения: 01.05.2023).

Изобр. 12. Скриншот публикаций из англоязычных Instagram-аккаунтов, рассказывающих о том, что такое «эффект мадленки Пруста». (дата обращения: 01.05.2023).

Изобр. 13. Скриншот публикаций из личных Instagram-аккаунтов, где люди сопровождают хэштегом #madeleinedeproust фотографии еды, провоцирующей воспоминания из детства (дата обращения: 01.05.2023).

Изобр. 14. Скриншот публикаций из личных Instagram-аккаунтов, где люди сопровождают хэштегом #madeleinedeproust фотографии несъедобных объектов из детства (дата обращения: 01.05.2023).

Изобр. 15. Скриншот публикаций из личных Instagram-аккаунтов, где люди сопровождают хэштегом #madeleinedeproust фотографии текстуальных и визуальных объектов, провоцирующих ассоциации с периодом детства (дата обращения: 01.05.2023).

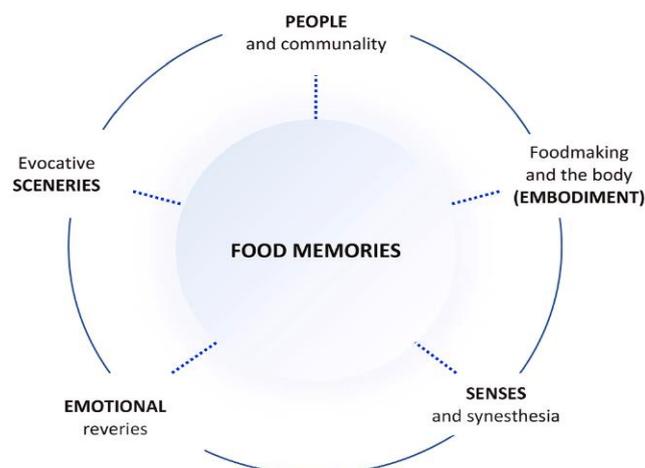

Fig. 1. Five food memory constructs.

Изобр. 16. Схема «Пять составляющих памяти о съеденном». Источник: Lee, Kai-Sean. «Cooking up food memories: A taste of intangible cultural heritage». // Journal of Hospitality and Tourism Management, vol. 54, 2023, p. 1-9. URL:

<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1447677022001826>

(дата обращения: 01.05.2023).

Изобр. 17. Комикс «Les origines de la Madeleine de Commercy», размещенный на сайте производителя кексов «мадлен». URL: <https://www.madeleines-zins.fr/histoire-madeleines-zins/histoire-madeleine-commercy/> (дата обращения: 28.04.2023).

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «СОМАТИКА И СЕМАНТИКА "MADELEINE DE PROUST" В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ»

Ганжа Анна Геннадиевна*

Прекрасное эссе написал автор эссе «Соматика и семантика "Madeleine de Proust" в массовой культуре» — остроумное и в борхесовско-латуровском духе, то темперируя, а то, наоборот, отказываясь темперировать факты, суждения, положения, предположения, теории и аналитические инструменты. Остроумная формулировка самого названия, рифмующая «соматику» с «семантикой» и называющая Мераба Мамардашвили «экспертом по творчеству Марселя Пруста» уже указывает нам на лёгкий, необременительный и воистину эссеистический характер того, что по воле учебного плана или самой судьбы и должно было стать и называться «эссе». Автор решал (и решил!) нетривиальную задачу: переконструировать то, что было деконструировано сначала художественной литературой, потом нейронауками, а потом и социальной теорией. Но ведь и прустовский роман «По направлению к Свану» был модернистской деконструкцией модернистского времени, со времен Бергсона, а на самом деле раньше, заповеданного нам для удержания в особом рода памяти, где его топосы, ольфакторные триггеры и религиозные коннотации складываются в особую ольфакторную антропологию. Это игра мерцающих деконструкций с бликами конструкций не имеет никакой иной цели, кроме интенционального удержания пти-бисквита, облакающего в знаковую форму своей невзрачности, пористости и десертности цепочку случайностей и неслучайностей собственного рождения и включения в горизонты повседневности. Все мы с вами знаем, как массовая культура безжалостно эксплуатирует самые возвышенные явления и продукты окружающей действительности, поэтому не приходится удивляться, что эти цепочки случайностей — выбор триггерным элементом повествования именно

* Кандидат философских наук, доцент Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ.

пирожного Мадлен (которое и не пирожное вовсе, будем честными, а просто недопеченье, причуда, сытный кусочек типа кулича или кекса), быстрое включение в массовые читательские горизонты нечитабельного романа, многоуровневая брендизация имени «Марсель Пруст» со всем его мемулогическим скарбом – приводят к редубликации и к объективации мадленок Пруста повсюду, куда дотягивается ольфакторная человеческая система. Теперь оказывается, что Пруст был пророк нейронаук, локальных кулинарных школ, лингвистики и современных наук о культуре. Автор эссе эрудирован и аналитически дотошен до такой степени, что не находится ничего, что он не включил бы в горизонт своего эссе и не сделал бы подручным. Говорить о минусах работы, в которой есть раздел, на примере прустовских мадленок демонстрирующий функционирование обонятельной системы человека, а также есть раздел, виртуозно разворачивающий перед нами культурную историю мадленок в качестве товара и десерта, а также имеющей раздел, анализирующий выражение «мадленки Пруста» как предметное и пустое означающее, а также раздел, суммирующий опыт использования образа и имени мадленок Пруста в различных сообществах и локальных группах, культивирующих каждое что-то свое, было бы чрезмерным. «Мадленка Пруста» может быть знаком респектабельности, тайным знаком причастности к глубокому и великому, символом рунированной и возрожденной памяти, пустой формой, чистым означающим, явлением, указанием на важные нейропроцессы, прообразом, объяснительной схемой или именем этой схемы и даже коммуникативным паттерном. Вслед за такой номенклатурой, претендующей на включение в самые обширные энциклопедии и словари не остается ничего другого, как задасться вопросом: есть ли что-то специфическое в десерте Мадлен и в самом Прусте, что продемонстрировало бы нам нечто прустовское и что-то мадленовское в процессах их апроприации современной культурой? Неужели вместо имени одного писателя можно подставить имя другого писателя, нет ли подозрения, что алчущим вечных ценностей массам вместо десерта можно подсунуть, кофе, чай, печенье «Юбилейное» или банку малинового варенья? Или что-то несъедобное? Или что-то беспредметное? И не является сам запах, аромат и верный хранитель их вечности гиппокамп залогом такой подмены?

РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ НОРМ В ОТКРЫТОСТИ РЫНКОВ (ПО ДАНЫМ ГЛОБАЛЬНОГО МОНИТОРИНГА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА)

Георгий Мамврийский*
mss2100073@universitas.ru

Введение

В 1956 году новоизбранный председатель Польской Объединенной Рабочей Партии (ПОРП) Владислав Гомулка объявил о смене вектора сельскохозяйственной политики: крестьянам разрешили покидать колхозы (Ganguli, 1972a), фактически признав провал политики коллективизации. С момента ее начала в 1948 году лишь около 9% сельскохозяйственных земель находились в ведении колхозов (J. F. A. W., 1957), и это несмотря на репрессивную политику, проводимую ПОРП в середине 1950-х. Более того, через год после реформы осталось только 1222 колхозов, по сравнению с 10000 в дореформенном 1956 (Ganguli, 1972b). Таким образом, Польша стала единственной страной советского блока, где государство было вынуждено вернуться к рыночным отношениям в сельском хозяйстве.

В случае Польши нельзя говорить о каких-то серьезных институциональных отличиях в сфере государственного управления, что помогло бы нам объяснить подобную аномалию. Здесь можно сказать, что определённый паттерн экономических взаимодействий был, как говорят экономические социологи, «укоренен» в социальных отношениях. При том «укорененность» была сильнее, нежели в других странах советского блока, так как там смогли перестроить сельскохозяйственную систему, хотя это и требовало серьезных государственных усилий.

* 4 курс, Мировая политика. Работа написана на 3 курсе, дисциплина: Международная политическая экономия.

Данный пример является яркой иллюстрацией того, как социокультурные факторы могут определять экономическое устройство в отдельном государстве. В своем эссе я бы хотел показать, что кейс Польши не является единичной аномалией и что возможно инкорпорировать социокультурные нормы в макроэкономический анализ. Для этого в данной работе будет проанализировано влияние социальных и культурных норм на степень открытости рынков на основе данных, собираемых проектом Global Entrepreneurship Monitor (GEM) [с англ. Глобальный мониторинг предпринимательства]. Под открытостью рынков в данном эссе понимается «степень, с которой новые фирмы могут свободно выходить на существующие рынки» (GEM Data, n.d.a).

Придерживаясь нео-институционалистского подхода в понимании социокультурных норм, я покажу путем линейного регрессионного анализа, что они действительно объясняют степень открытости рынков в государствах наравне с другими экономическими и политико-институциональными показателями, не являясь единственным объясняющим механизмом.

Социокультурные нормы в макроэкономическом анализе

Так как это эссе использует экономико-социологический фреймворк, то начинать критиковать неоклассическую экономическую модель было бы максимальной банальностью. Экономическая социология с момента внедрения концепции «укорененности» М. Грановеттером (2002) прочно заняла свою нишу в академических исследованиях. Однако одно из главных преимуществ неоклассической экономической теории является именно объяснительная способность на макроуровне. Большинство же экономических социологов в основном сфокусированы на мезо- и микроуровнях, что является достаточно серьезным, но преодолимым концептуальным препятствием.

Другим важным методологическим замечанием является то, что внутри экономической социологии я буду придерживаться нео-институционалистского подхода, который подразумевает «автономность культурных факторов» (Beckert & Zafirovsky, 2006, pp. 202–204), в отличие от структуралистского подхода, который фокусируется на важности самих социальных сетей [social networks] (Beckert & Zafirovsky, 2006, pp. 202–204). Одна из важнейших функций, которую культура играет в экономике, — регулятивная (Радаев, 2003). Именно социокультурный контекст

определяет форму правил на экономической арене, поэтому для этого исследования нео-институционалистский подход является наиболее предпочтительным, учитывая возможность концептуализации и эмпирического анализа глобальной экономики как «институционализированного процесса» [instituted process] (Bandelj, 2009).

Как мне кажется, для подобного макроэкономического анализа в экономической социологии можно выделить 2 основных подхода, позволяющих инкорпорировать социальный контекст конкретного государства: «рынки как политика» и «рынки как культура».

Автором первого из них является американский социолог Нил Флигстин, который подчеркивает определяющую роль государства как в формировании самих рынков (Fligstein, 2001), так и в непосредственном их функционировании определенным образом (Флигстин, 2007). В этом заинтересованы сами фирмы, для которых государства становится защитником, обеспечивающим исполнение правил всеми сторонами и «стабильность рынков» (Флигстин, 2004). Социокультурный контекст здесь отражается именно в институтах, которые формирует государство. «Социальные институты» являются некоторого рода «культурными проектами» (Флигстин, 2004), которые создаются на основании укоренившихся практик между акторами.

Проблема данного подхода состоит в том, что в нем именно государство играет определяющую роль. Культура здесь является элементом важным, но вторичным: государство своими регулятивными способностями может изменять социокультурные паттерны. Здесь невольно прослеживается аналогия с трудами Маркса и Энгельса, где производственные отношения являлись базисом, а весь социальный контекст надстройкой (Маркс, 1959, с. 6–7). Различие здесь лишь в том, что упор Н. Флигстин в качестве «базиса» представляет нам всемогущее государство, которое обеспечивает «стабильность рынков» во благо фирм.

Создателем второго подхода, «рынки как культуры», является профессор Митчелл Аболафия. Замечая, что каждый рынок конституирует свои «собственные... совокупности взаимных пониманий» (Аболафия, 2003), М. Аболафия пишет, что таким образом каждый рынок способен формировать особые конститутивные правила и роли, и локальные рациональности. Несмотря на то, что Аболафия производит свой анализ на мезоуровне (анализ практик на нью-йоркской фондовой бирже) данную концепцию достаточно легко экстраполировать и на макроуровень. У каждой страны присутствует определенный социокультурный контекст,

анализ которого позволяет объяснить особенности местного рынка. Например, различные структуры компаний, причиной которых стали социальные особенности стран, на Тайване (принципа разделения наследства, обеспечивающий сеть мелких фирм) и в Южной Корее («патримониализм», обеспечивающий наличие нескольких больших компаний с активным участием государства в их деятельности) определили их различную специализацию на рынке автомобильной промышленности, несмотря на схожий исторический контекст середины XX века (обе страны были оккупированы Японией) (Биггарт & Гиллен, 2006).

Еще более ярким примером является случай японского предпринимателя Казуо Инамори, который, придумав новую технологию в сфере полупроводников, смог преуспеть не в родной стране, а в США. Причиной тому стали социальные установки японских корпорации, не хотевших работать с неизвестной компанией, и японские работники, не готовые связывать свою жизнь с новой компанией на рынке (Биггарт, 2001). Используя подход Н. Флингстина, данный пример достаточно сложно объяснить, так как если государство может легко менять институциональные установки, то кейс К. Инамори должен был их сподвигнуть на это, чего в реальности не произошло. Однако, следуя подходу М. Аболафия данный случай можно объяснить конструированием локальных рациональностей: в Японии для корпораций, как и для работников, установление долгосрочных отношений рациональнее, нежели получение сиюминутной прибыли. В англо-саксонской же модели капитализма, куда относится и США, «свобода выбора» превалирует над «долгосрочными обязательствами» (Дор, 2008). Государство здесь является субъектом внешним: оно может устанавливать новые регуляторные механизмы, но это не гарантирует их работу, если они противоречат социокультурным установкам. Подобное можно было увидеть в попытке США установить более строгие правила на американских биржах: создание Комиссии по ценным бумагам и биржам (SEC) в 1934 не помогало зарегулировать эту сферу вплоть до кризиса 1962 года, после которого государство смогло навязать брокерам свои правила (Аболафия, 2003, с. 70–71).

Таким образом, наиболее предпочтительным в данном исследовании будет использование подхода «рынки как культуры», который позволяет инкорпорировать социокультурный контекст как независимую переменную, не умаляя значимость государственного регулирования

и экономических показателей. Поэтому в данном эссе ставится следующая гипотеза:

Гипотеза 1: *Социальные и культурные нормы оказывают влияние на степень открытости рынка в государстве как независимый фактор.*

Дизайн исследования

Основным источником данных (зависимая, независимая и часть контрольных переменных) в данном исследовании стал массив данных, созданный командой Глобального мониторинга предпринимательства (GEM) (GEM Data, n.d.a). Если быть точнее, то используется национальный опрос экспертов [national expert survey (NES)]: 36 экспертов в каждой стране (GEM Data, n.d.d), которые отвечают на ряд вопросов, где ответы закодированы от 1 (полностью не согласен) до 9 (полностью согласен) (GEM Data, n.d.c), и на основе этих ответов формируются индексы GEM. У подобного сбора данных есть 2 важных недостатка, которые стоит отметить. Во-первых, несмотря на то, что в этих опросах участвуют эксперты, мы должны учитывать некоторую долю субъективности, беря во внимание ограниченную выборку. Во-вторых, во многом самая главная проблема — отсутствие данных полностью или частично по многим странам в разных регионах. Однако, учитывая недостатки, этот массив данных позволяет нам проанализировать степень открытости рынков с 2000 по 2022 год.

В качестве зависимой переменной выступает *открытость рынков* (*mar_op*), обозначающая «степень, в которой новые фирмы могут свободно выходить на существующие рынки» (GEM Data, n.d.b.).

В качестве независимой переменной будет использоваться показатель *культурные и социальные нормы* (*norms*), под которыми подразумевается «степень, в которой социальные и культурные нормы поощряют или разрешают действия, ведущие к новым методам ведения бизнеса или видам деятельности, которые потенциально могут увеличить личное богатство и доход» (GEM Data, n.d.b.).

Контрольные переменные в данной работе можно разделить на 2 типа: политико-институциональные и экономические. В случае с контрольными переменными первого типа из массива данных GEM были взяты переменные *государственная политика: поддержка и актуальность* (*gov_sup*) и *государственная политика: налоги и бюрократия* (*tax_bur*), обозначающие соответственно «степень, в которой государственная

политика поддерживает предпринимательство – предпринимательство как актуальный экономический вопрос» и «степень, в которой государственная политика поддерживает предпринимательство – налоги или нормативные акты либо не зависят от размера предприятия, либо поощряют новые предприятия и малые и средние предприятия» (GEM Data, n.d.b.). Также в этой группе используется переменная независимость судебной власти (*jud_ind_est*) из массива данных Global State of Democracies (GSod) (Skaaning & Hudson, 2023), которая обозначает «степень, в которой суды не подвержены чрезмерному влиянию со стороны других ветвей власти, особенно исполнительной» (Tufis & Hudson, 2023). Данный тип переменных отражает степень влияния государственных институтов и государственной политики на открытость рынка; предполагается, что поддержка государства, отсутствие налогового (Braunerhjelm & Eklund, 2013) и бюрократического бремени вместе с независимостью судов ведет к более открытому рынку.

Источником для второй группы переменных, экономической, выступил массив данных Quality of Government (Teorell et al., 2023), который является агрегатором данных из разных источников. Две переменных были взяты из данных Fraser Institute (Gwartney et al., 2022): индекс экономической свободы в мире (*fi_index*), ранжирующийся от 0 до 10, где 0 соответствует «меньшей экономической свободе», а 10 – «большей экономической свободе» (Teorell et al., 2023), и доступ к надежным деньгам (*fi_sm*), кодирующийся от 0 до 10, где 0 соответствует «высокому годовому приросту денежной массы», «высокому изменению годового уровня инфляции», «высокому уровню инфляции» и «банковским счетам в иностранной валюте с ограничениями», а 10 соответствует «низкому годовому приросту денежной массы», «низкому или отсутствующему изменению годового уровня инфляции», «низкий уровень инфляции» и «банковские счета в иностранной валюте разрешены без ограничений» (Teorell et al., 2023). Также используется переменная индекс Джини (*wdi_gini*) (0 означает совершенное равенство, в то время как индекс, равный 100, подразумевает совершенное неравенство (Teorell et al., 2023)) из массива данных Всемирного банка (World bank, 2022). Предполагается, что высокий уровень экономической свободы, хорошие экономические показатели и низкое неравенство в обществе ведет к более открытому рынку.

Для анализа данных будет использоваться регрессия методом наименьших квадратах (OLS), а также регрессионная модель для панельных данных [panel linear model] с фиксированными эффектами для проверки устойчивости первоначальных выводов.

Результаты

Результаты регрессионного анализа представлены в Табл. 1. Модель 1 использует в качестве контрольных переменных только политико-институциональные; Модель 2 – только экономические; Модель 3 – обе группы контрольных переменных.

Независимая переменная культурные и социальные нормы (*norms*) является статистически значимой и имеет значительный эффект во всех трех моделях, что соответствует **Гип. 1**. Более влиятельной, чем независимая переменная является лишь переменная независимость судебной власти (*jud_ind_est*), которая остается таковой и в Модели 1 и в Модели 3. Переменные государственная политика: налоги и бюрократия (*tax_bur*) и индекс экономической свободы в мире (*fi_index*) более значимы в Модели 1 и 2 соответственно, однако в Модели 3 значимость первой переменной снижается и становится немного ниже независимой переменной, в то время как вторая переменная теряет статистическую значимость вовсе.

	<i>Dependent variable:</i>			
	mar_op			
	<i>OLS</i>	<i>OLS</i>	<i>OLS</i>	<i>panel linear</i>
	(1)	(2)	(3)	(4)
<i>norms</i>	0.166*** (0.018)	0.251*** (0.025)	0.150*** (0.025)	0.179*** (0.027)
<i>gov_sup</i>	0.144*** (0.022)		0.137*** (0.028)	0.109*** (0.029)
<i>tax_bur</i>	0.234*** (0.021)		0.142*** (0.029)	0.130*** (0.029)
<i>jud_ind_est</i>	0.915*** (0.075)		0.295** (0.139)	0.241 (0.155)
<i>wdi_gini</i>		-0.018*** (0.003)	-0.011*** (0.002)	-0.013*** (0.004)
<i>fi_sm</i>		-0.064* (0.035)	0.014 (0.033)	0.037 (0.034)
<i>fi_index</i>		0.312*** (0.049)	0.093 (0.059)	0.069 (0.064)
Constant	1.412*** (0.100)	2.133*** (0.304)	1.895*** (0.299)	
Observations	1,012	506	506	506
R ²	0.517	0.366	0.478	0.374
Adjusted R ²	0.515	0.361	0.471	0.356
Residual Std. Error	0.456 (df = 1007)	0.433 (df = 501)	0.394 (df = 498)	
F Statistic	269.547*** (df = 4; 1007)	72.318*** (df = 4; 501)	65.124*** (df = 7; 498)	41.847*** (df = 7; 491)

Note: *p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Таблица 1. Результаты регрессионного анализа (Модели 1-4)

Более того, Модель 3 подтверждает наши теоретические утверждения о важности рассмотрения экономических феноменов с институциональной точки зрения. Наиболее значимыми и влиятельными являются политико-институциональные переменные и независимая переменная, которую мы также рассматриваем в институциональном контексте, так как социокультурный сам в значительной мере эти институты формирует. В то же время из экономических переменных значимым является лишь индекс Джини (*wdi_gini*), однако его влияние не столь значительно, как у вышеописанных переменных.

Также в Табл. 1 представлена Модель 4, показывающая результаты панельной линейной регрессии [panel linear model] с фиксированным эффектом, которая является проверкой на устойчивость [robustness] предыдущих моделей. В данном случае в качестве эффекта рассматривается регион, в котором находится страна, так как можно предположить, что региональные особенности могут влиять на переменные в изначальном регрессионном анализе. Таблица с константами по каждому региону находится в **Приложении 1**. Наибольший эффект по регионам мы можем наблюдать в Южной Азии, а наименьший эффект — в Северной Африке и на Ближнем Востоке, однако здесь необходимо делать поправку на малое количество наблюдений в обоих случаях, 7 и 13 соответственно.

В то же время Модель 4 в целом укрепляет наши выводы, сделанные в Модели 3: переменная культурные и социальные нормы (*norms*) стала еще более влиятельной, что можно связать с высокой значимостью культурных особенностей на региональном уровне. Контрольные переменные государственная политика: поддержка и актуальность (*gov_sup*) и государственная политика: налоги и бюрократия (*tax_bur*) потеряли в степени влияния, оставшись статистически значимыми, а величина индекса Джини (*wdi_gini*) даже немного увеличилась. Исключением здесь стала переменная независимость судебной власти (*jud_ind_est*), которая перестала быть статистически значимой. Это может быть связано со значительным разбросом значений переменной по разным регионам.

Таким образом, на основе эмпирических данных **Гипотеза 1** полностью подтверждается. Социокультурные нормы действительно являются независимым фактором, который обладает статистической значимостью наравне с политико-институциональными факторами и в некоторых случаях даже превосходит их.

Заключение

В экономической социологии достаточно мало работ, которые затрагивали бы сравнение влияния культурных норм на кросс-страновом уровне и которые смогли бы объяснить институциональные отличия с первого взгляда похожих друг на друга государств, как в случае с сельским хозяйством в коммунистической Польше. Мое эссе — это попытка расширить это поле. Основываясь на нео-институалистском подходе, я прихожу к выводу, что социокультурный контекст является независимым фактором, влияющим на степень открытости рынка в государстве. Это противоречит теориям — например, подходу «рынок как политика» Н. Флингстина, — которые утверждают государство в качестве создателя институциональных норм. Моя работа показывает, что социокультурные факторы не только могут быть независимыми от государственных установок, но и в некоторых случаях играть намного более серьёзную роль. С другой стороны, я не утверждаю, что все можно объяснить лишь социокультурными нормами: они также должны рассматриваться в определенном контексте.

Более того, эта работа показывает значимость институционального контекста в целом, так как экономические показатели оказались менее статистически значимыми, чем политико-институциональные.

Несмотря на полученные статистические результаты, эта тема требует более тщательных исследований, которые бы подтвердили или опровергли выводы моего эссе. К тому же необходимо подробнее исследовать влияние других факторов, не приведённых в моем исследовании, а также искать решение проблемы с недостатком данных по многим регионам.

Библиография

Биггарт, Н. (2001). Социальная организация и экономическое развитие. *Экономическая социология*, 2(5), 49–58.

Биггарт, Н., Гиллен, М. (2006). Выявление различий: социальная организация и формирование автомобильных производств в Южной Корее, Тайване, Испании и Аргентине. *Экономическая социология*, 7(2), 23–55.

Грановеттер, М. (2002). Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности. *Экономическая социология*, 3(3), 44–58.

Дор, Р. (2009). Различия японской и англо-саксонской моделей капитализма. *Экономическая социология*, 9(1), 65–75.

Маркс, К. (1959). К Критике Политической Экономии. В К. Маркс, Ф. Энгельс (ред.), *Сочинения*, том 13 (с. 1–167). Государственное Издательство Политической Литературы.

Радаев, В. В. (2003). *Социология рынков: к формированию нового направления*. ГУ ВШЭ.

Флигстин, Н. (2007). Государство, рынки и экономической рост. *Экономическая социология*, 8(2), 41–60.

Флигстин, Н. (2004). Рынки как политика: политико-культурный подход к рыночным институтам. В В. В. Радаев (ред.), *Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики* (с. 185–210). РОССПЭН.

Bandelj, N. (2009). The Global Economy as Instituted Process: The Case of Central and Eastern Europe. *American Sociological Review*, 74(1), 128–149.

Beckert, J., Zafirovsky, M. (Eds). (2006). *International Encyclopedia Of Economic Sociology*. Routledge.

Braunerhjelm, P., Eklund, J. (2014). *Taxes, Tax Administrative Burdens and New Firm Formation*. Productivity (Topic).

Tufis, C. D., Hudson A. (2023). The Global State Of Democracy Indices Codebook Version 7. *International IDEA*. <https://doi.org/10.31752/idea.2023.38>

Ganguli, S. (1972). Peasant Farms and Socialist Transformation of Agriculture in Poland, 1945–1975. *Economic and Political Weekly*, 7(13), A47–A55.

GEM Data. (n.d.a). GEM Global Entrepreneurship Monitor. <https://www.gemconsortium.org/data>

GEM Data. (n.d.b). Entrepreneurial framework conditions. <http://gem-consortium.ns-client.xyz/wiki/1376>

GEM Data. (n.d.c). 8. NES CODING. <http://gem-consortium.ns-client.xyz/wiki/1172>

GEM Data. (n.d.d). 2. OVERVIEW OF THE NES PROCESS. <http://gem-consortium.ns-client.xyz/wiki/1165>

Gwartney, J., Lawson, R., Hall, J., Murphy, R. (2022). *Economic Freedom Dataset*. *Economic Freedom of the World: 2022 Annual Report*. Fraser Institute. <https://www.fraserinstitute.org/economic-freedom/dataset>

J. F. A. W. (1957). Gomulka's Road to Socialism: The May Meeting of the Polish United Workers' Party. *The World Today*, 13(8), 341–350.

Skaaning, S.-E., Hudson, A. (2023). The Global State Of Democracy Indices Methodology. Conceptualization and Measurement Framework, Version 7. <https://doi.org/10.31752/idea.2023.38>

Teorell, J., Sundström, A., Holmberg, S., Rothstein, B., Pachon, N. A., Dalli, C. M., Meijers, Y. (2023). *The Quality of Government Standard Dataset, version Jan23*. doi:10.18157/qogstdjan23

The Global State of Democracy Indices, 1975–2022, v. 7. (n.d.). International IDEA. <https://www.idea.int/gsod-indices>

The World Bank. (2022). *World bank enterprise surveys*. <https://www.enterprisesurveys.org/en/enterprisesurveys>

Приложение

Приложение 1

Регион, в котором находится страна	Константа
Восточная Европа и Постсоветский пространство (включая Центральную Азию)	1.9653
Латинская Америка (включая Кубу, Гаити и Доминиканскую Республику)	2.048
Северная Африка и Ближний Восток (включая Израиль, Турцию и Кипр)	1.6474
Африка к югу от Сахары	2.0912
Западная Европа и Северная Америка (включая Австралию и Новую Зеландию)	2.0708
Восточная Азия (включая Японию и Монголию)	2.0959
Юго-Восточная Азия	2.0612
Южная Азия	2.3527

Приложение 2

[Дополнительные материалы](#)

РЕЦЕНЗИИ К ЭССЕ «РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ НОРМ В ОТКРЫТОСТИ РЫНКОВ (ПО ДАНЫМ ГЛОБАЛЬНОГО МОНИТОРИНГА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА)»

*Чепуренко Александр Юльевич**

Эссе «Роль социокультурных норм в открытости рынков (по данным Глобального мониторинга предпринимательства)» — хорошая, вдумчивая работа, в которой автор обращается к важному для социологической теории вопросу о роли социокультурных норм в формировании хозяйственных практик в обществе.

Использование данных GEM позволяет подтвердить гипотезу о том, что социальные и культурные нормы оказывают значимое влияние на степень открытости рынка как независимый фактор.

В качестве элементов критики и советов на будущее хотелось бы отметить следующее. Прежде всего, влияние социокультурных норм на предпринимательские практики гораздо убедительнее можно продемонстрировать анализом данных опроса взрослого населения GEM, где есть несколько переменных относительно аттитюдов восприятия предпринимательства в соответствующем обществе, поскольку там мы располагаем представительными данными по взрослому населению стран-участниц проекта. Далее, перспективным было бы использование данных «Глобального индекса предпринимательства» (GEI), в котором работа по агрегированию ряда важных переменных, отражающих влияние институциональных и культурных факторов на предпринимательскую активность по большинству стран мира, уже проделана.

* Доктор экономических наук, руководитель департамента социологии факультета социальных наук, научный руководитель Научно-учебной лаборатории исследований предпринимательства НИУ ВШЭ.

И пара слов «в защиту» Нила Флигстина: речь у него идет преимущественно о той роли, которую государство играет в создании и поддержании формальных институтов. Полагаю, Флигстин догадывался, что наряду с ними в обществе действуют и институты неформальные. Сравнительная их сила и слабость разнится в обществах с эффективно и неэффективно действующим государством.

Стребков Денис Олегович*

Основной посыл экономической социологии как научного направления заключается в том, что любые хозяйственные практики прочно укоренены в социальных отношениях и неразрывно связаны с ними. Это означает, что деятельность человека, связанная с производством или потреблением товаров и услуг, определяется не только его личным эгоистическим интересом, но и в значительной степени соотносится с социальными и культурными нормами общества, в котором он живёт, соотносится с действиями и установками других людей и социальных групп. В своей работе автор решил в очередной раз проверить на эмпирических данных это, в общем-то, очевидное для любого эконом-социолога утверждение, причем сделать это на макроуровне, а не на уровне отдельных индивидов — посмотреть, как социокультурные факторы, преобладающие в той или иной стране, определяют её «экономическое устройство».

Однако, надо сказать, что название работы ввело меня поначалу в заблуждение: прочитав уточнение в скобках «по данным Глобального мониторинга предпринимательства», я ожидал увидеть анализ именно на индивидуальном уровне, ведь GEM — это известное международное исследование, где в разных странах опрашиваются тысячи людей, относительно их предпринимательского потенциала и поведения. Но выяснилось, что речь идёт о дополнительном экспертном опросе в рамках GEM, где опрашиваются по 36 экспертов в каждой стране. Эти люди и определяют совместными усилиями уровень открытости национального рынка для новых фирм и степень, в которой социальные и культурные нормы поощряют предпринимательскую деятельность.

К сожалению, совершенно непонятно, что имел в виду каждый из экспертов, характеризуя эти «социокультурные факторы». Это остаётся загадкой для читателя. А ведь можно предположить, что нормы эти неоднородны внутри стран. Люди в стране разные — разных культур, разных национальностей, разных поколений. Их невозможно стричь под одну гребёнку. Как правило, не существует в государстве единых, универсальных норм, которые всеми бы одинаково принимались и признавались. И их влияние на деловой климат может быть амбивалентным — в отдельных аспектах улучшающим, а в других —

* к.с.н., доцент кафедры экономической социологии НИУ ВШЭ.

ухудшающим деловой климат. Например, развитая в стране бюрократия и стремление работать по правилам будут увеличивать или уменьшать предпринимательский потенциал? У меня нет однозначного ответа на данный вопрос...

Кроме того, социальные и культурные нормы могут существенно ограничивать возможности ведения бизнеса в определённых сферах. Например, в ортодоксальных мусульманских странах бесполезно пытаться выращивать свиней, заниматься производством алкогольных напитков или открывать кредитные бюро. Такой бизнес не полетит. Но значит ли это, что люди в этих странах не стремятся «увеличивать богатство и доход»? Где-то возникает аграрный бизнес, кто-то финансовый, где-то активно развивается сфера услуг, где-то промышленность. О каких собственно нормах здесь идет речь — цинизм, беспринципность, жажда наживы из серии «Боливар не выдержит двоих»? Или это какие-то другие нормы — более гуманные и человечные? Непонятно, что было в головах у экспертов, и какими принципами они руководствовались, отвечая на данный вопрос. По сути, это огромный черный ящик, и, чтобы содержательно интерпретировать полученные результаты, требуется раскрыть его.

Поэтому, в целом, несмотря на корректно проведённый и аккуратно описанный автором анализ данных, выбранная операционализация и спецификация регрессионной модели кажутся мне неудачными и сомнительными. Вопрос звучит настолько широко и неопределённо, что я не завидую экспертам, перед которыми он был поставлен. Не представляю, как можно оценить данные весьма расплывчатые характеристики общества и государства по 10-балльной шкале.

Кроме того, здесь я вижу явные признаки эндогенности — эксперты, скорее всего, дают похожие и однотипные ответы на оба этих вопроса (об открытости рынков и положительном влиянии социокультурных норм). Очевидно, что и зависимая, и независимая переменные имеют одну природу, по сути, отражают одно и то же явление — оценку экспертом делового климата в стране. В любом случае, автор проверяет в работе не заявленную им гипотезу, а совершенно другое предположение о том, что эксперты считают открытость рынков предпринимательству и наличие социальных и культурных норм, стимулирующих предпринимательскую деятельность, взаимосвязанными явлениями.

В работе не хватает описательной статистики. Это могло бы отчасти прояснить возникающие вопросы и сомнения. Нужны распределения переменных, чтобы показать, какие страны оказались наверху, а какие —

внизу по изучаемым показателям и как-то проинтерпретировать этот своеобразный «рейтинг». Также, на примере хотя бы одной страны (а лучше нескольких, занимающих разное положение в рейтинге) следовало бы показать, насколько согласованы оценки экспертов между собой.

В целом, на мой взгляд, заявленную автором амбициозную цель невозможно решить «в лоб» количественными методами. Тут требуется более тонкая настройка. Ясно, что культурные паттерны влияют на экономику, но в какой степени влияют и в чём конкретно это проявляется — вот на эти вопросы и требуется получить ответ прежде всего.

ПРОБЛЕМА КОНСЕНСУСА В ТЕОРИИ АЛЕКСАНДЕРА НА ПРИМЕРЕ ЭКОАКТИВИСТСКИХ ПЕРФОРМАНСОВ

Таусия Дельская*

mss2101068@universitas.ru

В одной из самых знаменитых и замечательных работ Джеффри Александера (2012) «Уотергейт как демократический ритуал» автор анализирует механизмы, приведшие к возникновению и разрешению кризиса во время «Уотергейтского дела». Через культурсоциологическую призму рассматриваются факторы, влияющие на восприятие и действия людей по отношению ко вторжению республиканских представителей в штаб-квартиру демократов в 1972 году. Согласно статье, формирование переломного момента и «ритуального обновления» подразумевает наличие нескольких компонентов: «достаточный социальный консенсус», восприятие ситуации как «оскверняющей» для «центра», использование социального контроля, борьба элит и общественных групп, а также ритуализация и очищение (то есть, как в данном и схожих с ним случаях, ритуальное разделение на «правых» и «виноватых») (Александр, 2012, с. 79–80). В тексте подробно разбираются все пять аспектов, кроме первого. Процесс достижения согласия большого количества людей Александром объяснен вскользь и поверхностно, хотя и называется первым в списке аспектов, необходимых для перелома общественного мнения. Основную причину возникновения консенсуса автор описывает достаточно абстрактно: «окончание сильно разделяющего общества периода выборов создало возможность сближения» (Александр, 2012, с. 82). Остается большой вопрос без ответа: что такое консенсус, как и почему мы его концептуализируем определенным образом?

Итак, Александр в открытом виде не говорит, почему «только при достаточном единодушии “общество” может взволноваться

* 4 курс, бакалавриат, Современная социальная теория. Работа написана на 3 курсе, дисциплина: Политическая социология.

и вознегодовать» (Александр, 2012, с. 80). Автором этот тезис берется как данность, поэтому задачей данного эссе становится попытка объяснить нужность согласия большинства, а также показать виды консенсуса с точки зрения разных групп.

Для реализации целей данного эссе и ответа на поставленный исследовательский вопрос будет взят кейс, который примется в качестве модельного. Причина, по которой автор эссе имеет право на такую манипуляцию, приводится в комментарии Куракина к методологическому арсеналу «сильной программы» Александра, где говорится, что цель культурсоциологической теоретической рамки заключается в акцентировании и переосмыслении центрального аргумента программы, который обуславливает ее объяснительную силу и особенность, не претендуя на исчерпывающее, то есть всестороннее и полное, описание всех аспектов (Куракин, 2010, с. 166). Сам Александр понимает особенность своей теории: она требует более углубленной проработки и раскрытия понятий. Можно привести его дополнения «сильной программы»: позже появившуюся иконическую теорию, теорию социального перформанса, теорию культурной травмы и т.д. Становится ясным, что для полноценного описания разных аспектов культурсоциология использует дополнительные «исследовательские приемы и объяснительные схемы», постепенно локально пополняясь по отношению к имеющейся теории: «на сегодняшний день [некоторая часть схем] существует в большей степени как теории среднего уровня или “идеологические” максимы, нежели укорененные в социальной теории методологические средства» (Куракин, 2010, с. 166). Таким образом, удастся доказать правомерность доработки понятий культурсоциологической рамки через дополнительную экспликацию в связке с модельным кейсом.

Модельным кейсом данного эссе станут акции протеста участников организации Just Stop Oil и их последователей по всему миру, проводившиеся с середины октября 2022 года, и связанные с музейными экспонатами. Just Stop Oil – это британская группа активистов, которая выступает против новых проектов Великобритании по использованию ископаемого топлива в целях борьбы с изменением климата. Она описывает себя на своем сайте как «ненасильственную группу гражданского сопротивления, требующую от правительства Великобритании прекратить лицензирование всех новых нефтяных, газовых и угольных проектов» (Moench, 2023, ptr.).

Группа утверждает, что добыча новых видов ископаемого топлива «убьет наших детей и обрекнет человечество на забвение», а вызванное человеком изменение климата «уничтожит человеческую цивилизацию, если не будут приняты экстренные меры для быстрого сокращения выбросов парниковых газов до нуля в очень короткие сроки». Группа стремится достичь этого, переключив государственные субсидии Великобритании для нефтяной и газовой промышленности на экологически чистую энергетику, общественный транспорт и изоляцию для снижения энергопотребления (Moench, 2023, ptr.),

– сообщает газета Time. Другие экологические организации подхватили тренд с музеями, например, немецкое «Letzte Generation».

Активисты разных движений проводили перформансы со знаменитыми картинами и экспонатами: обливали томатным супом «Подсолнухи» Винсента Ван Гога, картофельным пюре картину Клода Моне из серии «Стога сена», гороховым супом «Сеятеля» Винсента Ван Гога; приклеивали себя к картине из Яна Вермеера «Девушка с жемчужной сережкой», к рамам картин Франсиско Гойи «Маха одетая» и «Маха обнаженная», к «Тайной вечере» Леонардо да Винчи; дорисовывали картину Джона Констебла; бросали торт в восковую фигуру короля Великобритании Карла III, и, наконец, разбивали защитное стекло картины Веласкеса (Когалов, 2022). Важно заметить, что проводились и другие акции протеста (Campaign background, n.d.), однако нас интересуют, для чистоты и доказательной силы приводимых в соответствии с моделью аргументов, именно акции с картинами, максимально удаленными от темы притязаний активистов, которые те озвучивали во время своего представления и в программных текстах.

Протесты Just Stop Oil вызвали как похвалу, так и критику менее чем за два года своей деятельности. Что же должно произойти, чтобы возник консенсус в данной ситуации? Что будет здесь являться согласием? Александер не объясняет, почему должно иметь место согласие большинства, поэтому следует эксплицировать логику этого шага.

Объяснением может служить теория спирали молчания. Ноэль-Нойман (1974) в своей работе предлагает модель, изучающую процесс формирования общественного мнения и его влияния на индивидуальное мнение. Согласно этой модели, люди, которые чувствуют, что их соображения не соответствуют общественным, склонны молчать

и присоединяться к «спирали молчания». Чем больше людей молчит из-за этого, тем больше давления чувствует каждый отдельный человек, чтобы молчать тоже: «Высказывание противоположного мнения или соответствующее публичное поведение сопряжено с опасностью изоляции» (Noelle-Neumann, 1974, p. 44, ptr.). Наконец, мнение меньшинства становится практически невидимым, поскольку все, кто не согласен, стесняются высказаться. Это приводит к укреплению восприятия общественного мнения как единого и правильного. Итак, мы доказали важность наличия согласия большинства с определенной идеей для возможных реальных изменений.

В этот момент потребуется ввести два аспекта: понятия дискурса и контрдискурса — а также прояснить важность и развести понятие консенсуса в разных группах. Оба из них являются гранями множественности дискурса, которая будет рассмотрена далее, с этих несколько разных сторон.

В работе Смита о гильотине разбирается позиционирование этого приспособления, а также вводятся термин «дискурс» и ему противоположный и взаимоисключающий «контрдискурс»:

Подобно тому, как гильотина, олицетворяя строгий и справедливый закон и неся символические коды революции [так Смитом описывается дискурс рационального, в духе просвещения], провоцирует мощный контрдискурс, связанный с готическим символизмом, обезглавленное тело становится ресурсом для альтернативных трактовок техники и ее импликаций. (Куракин, 2005, с. 78, курсив добавлен)

Александр сам тоже вводит понятие дискурса и определяет его так: «символический комплекс, содержащий референцию к соотнесенной с ним социальной системе, “которая может быть определена в терминах власти, солидарности или других организационных форм”» (Куракин, 2005, с. 75). Параллельное, одновременное сосуществование нескольких взглядов на определенные ситуации, вещи и действия требует введения понятия множественного дискурса в обществе. В ситуации экоактивистов, в их аудитории наблюдается два дискурса: один подразумевает интерпретацию перформансов с экспонатами музеев как осквернение, бессмысленное и бессвязное посягательство на «святое», другой же — что такие действия важны для привлечения внимания к проблеме экологии, что именно она в настоящее время является «святым», которое нужно активно защищать. По ранее описываемому здесь утверждению Александра, таким образом, в этой терминологии требуется некий

«перевес сил» одной стороны с точки зрения человеческого ресурса, чтобы добиться так называемого «консенсуса» и перейти к кризисному состоянию.

Кроме того, в рассматриваемом кейсе есть несколько групп, в которых требуется добиться единства в отношении к перформансам для реализации цели движения. Во-первых, внутри группы активистов, участвующих в перформансе, должно существовать согласие — иначе акция бы не состоялась. Во-вторых, должно быть согласие в среде всего движения на этот счет — иначе после первого же такого перформанса оно бы распалось. В-третьих, консенсус аудитории: массовой и влиятельной (например, тех, кто вкладывает деньги в промышленность и членов государственной системы). Следовательно, нам требуется множественный консенсус и на этом, расходящемся как бы кругами из центра, уровне. На вопрос, как от согласия в более маленькой по численности и глобальной влиятельности перейти к большей группе, можно ответить и опираясь на другую работу Александра (2004), посвященную социальному перформансу.

Текст представляет несколько элементов перформанса, которые имеют решающее значение для интерпретации значений. Александр выделяет коллективные представления, сценарии, актеров, наблюдателей/аудиторию, мизансцены и их взаимозависимые элементы как важнейшие компоненты социальных перформансов. Именно через «успешный» перформанс происходит образование консенсуса; делает его таковым «слияние» его элементов. Для того, чтобы оно произошло, требуется убедительность этого представления:

Цель светских представлений, будь то на сцене или в обществе, остается прежней <...> производить психологическую идентификацию и культурное расширение. Цель состоит в том, чтобы посредством умелого и впечатляющего исполнения создать эмоциональную связь аудитории с актером и текстом и, таким образом, создать условия для передачи культурного смысла спектакля аудитории. В той мере, в какой эти два условия были достигнуты, можно сказать, что элементы перформанса слились воедино. (Alexander, 2004, p. 547, ptr.)

Активисты во время своего перформанса в музее, таким образом, должны своим представлением «продлить», «расширить» (extend) культурные репрезентации, и их аудитория должна психологически идентифицировать себя с активистами. То есть, идея эко-повестки, ее связь с картинами, само почти-театральное представление должно быть

соединено с бэкграундом аудитории, их убеждениями, прошлым, ценностями, взглядами. «Искусство не может существовать на разрушенной планете» (Funes, 2023), — пишет о главной идее активистов National Geographic. В своих действиях акторы кейса отсылают к таким ценностям как «жизнь», «человеческие права», к важным и сильным мотивам как смерть детей, голод. Картины должны стать репрезентацией игнорирования экологической проблемы, смертей, опасности, зла, а экология — оплотом свободы, прав человека, добра и света. Проблема в консенсусе возникает на уровне культурного расширения, потому что задача «расшифровать то, что закодировали акторы» (Alexander, 2004, p. 531, ptr.), не решается: большинство комментариев возмущенные, их авторы считают несвязанными «порчу картин» и экологическую повестку (ImportantReaction260, n.d.). Люди не могут сопереживать акционистам, так как не верят в искренность их выступления (например, комментарий: «Unemployed Larping [участие в ролевой игре в жизни] at its finest» ([deleted], n.d.)), что Александер считает основополагающим для успеха перформанса: «Аутентичный человек, кажется, действует без наигранности, без застенчивости, без привязки к какому-то тщательно продуманному плану или тексту, не заботясь о манипулировании контекстом своих действий и не беспокоясь об аудитории этого действия или его последствиях» (Alexander, 2004, p. 548, ptr.). Таким образом, консенсус в случае с Just Stop Oil не переходит на уровень аудитории в связи со сложностями из-за существующих коллективных представлений с идеей перформанса.

Итак, прибегая к теории Ноэль-Нойман, а также кейсу с Just Stop Oil, было определено понятие консенсуса и эксплицирован процесс его формирования. Были введены концепции множественного дискурса, спирали молчания для объяснения, а также проанализирован прецедент акций эоактивистов в музеях и объяснена причина неоднозначного отношения к таким перформансам.

Библиография

Александр, Д. (2012). «Уотергейт» как демократический ритуал. *Социологическое Обозрение*, 11(3), 77–104.

Астахова, А. (2023, November 6). Экоактивисты разбили защитное стекло картины Веласкеса в Лондоне. *Lenta.ru*.

Куракин, Д. (2010). «Сильная программа» в культурсоциологии: историко-социологические, теоретические и методологические комментарии. Послесловие редактора спецвыпуска. *Социологическое обозрение*, 9(2), 155–178.

Когалов, Ю. (2022, November 5). Почему экоактивисты атакуют картины. *Российская Газета*. <https://rg.ru/2022/11/05/pochemu-ekoaktivisty-atakuiut-kartiny.html>

Alexander, J. C. (2004). Cultural Pragmatics: Social Performance between Ritual and Strategy. *Sociological Theory*, 22(4), 527–573.

Campaign background. (n.d.). Retrieved October 8, 2023, from <https://juststopoil.org/background/>

Funes, Y. (2023, July 21). Throwing Soup at a Van Gogh? Why climate activists are targeting art. *National Geographic*. <https://www.nationalgeographic.com/environment/article/famous-art-museums-climate-change-activists#:~:text=By%20tossing%20paint%20and%20food,exist%20on%20a%20destroyed%20planet>

ImportantReaction260. (n.d.). *Just stop oil protesters smash national gallery painting* [Online forum post]. Reddit. https://www.reddit.com/r/europe/comments/17p4yx5/just_stop_oil_protesters_smash_national_gallery/?rdt=58073

Moench, M. (2023, November 11). Just stop oil: Protests, fundings, founder, and origins. *Time*. <https://time.com/6334072/just-stop-oil-climate-change-activist-group/>

Noelle-Neumann, E. (1974). The spiral of silence a theory of public opinion. *Journal of communication*, 24(2), 43–51.

[deleted]. (n.d.). Unemployed Larping at its finest. [Comment on the online forum post *Just stop oil protesters smash national gallery painting*]. Reddit. <https://publish.reddit.com/embed?url=https://www.reddit.com/r/europe/comments/17p4yx5/comment/k83ps20?snippet=>

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «ПРОБЛЕМА КОНСЕНСУСА В ТЕОРИИ АЛЕКСАНДЕРА НА ПРИМЕРЕ ЭКОАКТИВИСТСКИХ ПЕРФОРМАНСОВ»

*Котельников Максим Павлович**

Проблема формирования консенсуса, решению которой посвящен данный текст, действительно присутствует в работах Александра. В исследовании Уотергейтского скандала, как и в ряде других исследований, американский социолог не вполне четко формализует критерии, руководствуясь которыми можно было бы установить, имеет ли место консенсус в конкретном кейсе, или нет. В какой-то степени такой «исследовательский произвол» «оправдывается» тем, что культурсоциология, как исследовательская программа, все-таки достаточно далека от формализаций, точной методологии и строгих дефиниций. Культурсоциология – это не столько строгая теория, сколько набор исследовательских интуиций и практик анализа нарративов (как правило, анализируются именно они), объединенных «семейным сходством» в том смысле, которое придавал данному словосочетанию Витгенштейн. Зачастую проблемы внутри культурсоциологической теории (не) решаются не столько за счет систематического теоретизирования и уточнения понятийного аппарата, сколько за счет ситуативных находок в отдельных кейсах. Данная работа достаточно интересна как раз в виду того, что она предлагает «универсальное» решение проблемы формирования консенсуса, которое было бы применимо гипотетически ко всем анализируемым случаям. Однако решения, предлагаемые автором, на наш взгляд, едва ли можно считать удовлетворительными. Обращение к Ноэль-Нойман выглядит скорее риторической фигурой, нежели серьезным вкладом в культурсоциологическую теорию («работа»

* Младший научный сотрудник Центра социологии культуры НИУ ВШЭ, MA in Sociology, преподаватель факультета социальных наук МВШСЭН.

с аргументами Ноэль-Нойман практически отсутствует, «встраивание» ее концепции в архитектуру александровской мысли уместается буквально в двух строчках). Вторая половина текста, посвященная экспликации теории социальных перформансов Александра, выглядит достаточно странно, как минимум, в виду того, что представляет собой простой пересказ александровских идей. Достаточно странно заполнять теоретические лакуны, оставленные Александром в своих работах «среднего периода», с помощью его текстов «позднего периода». Как будто бы американский социолог сам проделал необходимую работу, а автор текста представляет дело так, будто вносит какой-то дополнительный вклад, но в чем этот вклад заключается — лично мне осталось не вполне ясным. Кроме того, хочется отметить некоторые стилистические странности, присущие рецензируемому текст: к примеру, Александр именуется «замечательным автором». Несмотря на лестность оценки, которая полностью разделяется рецензентом, включение таких оценочных эпитетов в научную работу, выглядит, мягко говоря, странным. Тем не менее, хотелось бы пожелать автору дальнейшей продуктивной работы с культурсоциологической линии мысли, поскольку она, возможно, как никакая другая современная социологическая теория, нуждается в серьезной теоретической рефлексии и критической оценке.

ARS LOGICA

— Искусство логики.

«LIBÈRE-TOI, FRANCE?»

ФРАНЦИЯ ПЕТЕНА —

АНОМАЛИЯ ИЛИ ЭТАП РАЗВИТИЯ?

Ярослав Полосухин*

mss2200128@universitas.ru

«Синдром Виши»

«Французское государство» маршала Петена считается крайне неоднозначным периодом для истории Франции. Его попытались забыть, объявить недействительным — так, например, Шарль де Голль ответил Жоржу Бидо, участнику Французского сопротивления, в ответ на запрос к формальному провозглашению Республики: «Республика никогда не прекращала существовать... [Режим] Виши был и остается ничтожным и недействительным...» (Roussso, 1991, pp. 16–17).

Этот эпизод историк Анри Руссо относит к становлению голлистского мифа, сконцентрированном на Сопротивлении и «Свободной Франции» — попытка представить режим Виши как искусственный и навязанный Гитлером извне, как некоторую историческую аномалию. Такие попытки забыть режим Петена, показать его навязанный характер, привести его к некоторому мифу — в общем, восприятие режима Петена в поствоенной Франции, Руссо назвал «Синдромом Виши».

Работа, которую сам Анри рассматривал как «поворотную точку в послевоенной французской памяти», — «La France de Vichy» Роберта Пакстона, американского историка, — сыграла немалую роль в разрушении мифов относительно Франции Виши. Он, в частности, высказывал мнение, что «коллаборация “была не немецким требованием, на которое согласились некоторые французы; коллаборация была французским предложением, от которого Гитлер прямо отказался”» (Temkin, 2003, pp. 291–292).

Такое мнение вызывает некоторое недоумение, если следовать французской исторической традиции, которая описывает режим Виши как

* 3 курс, бакалавриат, Мировая политика. Работа написана на 2 курсе, дисциплина: Международная история.

некоторую аномалию, которая не случилась бы без оккупации Германией. Но такой подход, на самом деле, не полностью верен — описывая Францию Виши как аномалию, он не дает представления ни о возможных предпосылках её появления помимо оккупации Германией, ни о не-республиканском альтернативном проекте для Франции, ни о том, из-за кого Франция Виши могла функционировать как государство.

Для того, чтобы отойти от классического подхода, я предлагаю изучить то, что предшествовало Французскому государству, — Третью республику и как политические явления последних её лет двигали Францию к созданию на её месте авторитарно-правого режима маршала Петена. Помимо этого, я рассмотрю то, что происходило внутри Франции Виши в период с 1940 по 1944 — кто участвовал в её легальной политической жизни, то, как она позиционировала себя через проект «*Révolution nationale*» и работала с символическим наследием Третьей Республики.

Франция в 30-ые и 40-ые годы XX века: движения и риторика

Последние годы Третьей Республики и правые силы.

В 1930-ых годах, Французская Республика столкнулась с тяжелым политическим кризисом, одним из наиболее ярких проявлений которого стало усиление ультраправых групп.

Наиболее старая из подобных организаций — *Action Française* (AF), брала свои корни ещё с дела Дрейфуса конца XIX века. «Французское действие» — радикальная монархическая группировка, которая взывала к отрицанию не просто республиканских ценностей, но и ценностей эпохи Просвещения в целом — в том числе парламентаризма и выборных процессов и, в отличие от других ультраправых движений во Франции 30-ых годов, AF была известна антисемитизмом (Weber, 1985, p. 372). *Action Française* не была особо популярной как политическое движение, но именно она оказала решительное влияние на идеи правой оппозиции после победы Народного фронта — союза левых сил, на выборах в 1936 году (Jenkins, 2007, p. 1368).

Другим видом ультраправых движений были лиги именно националистической направленности. Наиболее яркой организацией такого вида стала *Les Croix de Feu*, к 1931 году превращенной полковником Де ля Роком в крупную политическую организацию — численность её

участников могла достигать 450 тысяч уже к 1936 году — это бóльшее число, чем количество участников в НСДАП на момент 1930 года (Jenkins, 2007, pp. 1359, 1365). Также, из-за влияния *Les Croix de Feu* и опасений того, что она становится фашистским оплотом во Франции, к выборам 1936 года был сформирован вышеупомянутый Народный фронт (Passmore, 2012, p. 291).

Усиление ультраправых группировок сопровождалось кризисом классических консервативных сил Франции — «Демократического альянса» и «Республиканской федерации». Он может быть связан с политикой двух глав французских правительств в 1934–1935 годах — Пьером Фланденом и Пьером Лавалем, ставшим впоследствии также премьер-министром Французского государства — его самым высокопоставленным политиком после маршала Петена.

Фланден, умеренно-правый, пытаясь создать «сильное, но либеральное государство», провёл ряд реформ, нацеленных на усиление парламентского контроля за экономикой, — однако, такие шаги не были высоко оценены его правыми союзниками, критиковавшими Фландена за «этатизм» и «социализм», пришедший за ним Лаваль же, в свою очередь, обещая дефляцию, путём указов ввёл дополнительные налоги и урезал государственные расходы (Passmore, 2012, pp. 301–303). Однако, провал такой экономической политики привёл к разочарованию консерваторов в идеях свободного рынка и парламентаризма, а использование указов, как инструмента исполнительной власти, лишь подкрепляло это разочарование — это был сдвиг в сторону авторитаризма (Passmore, 2012, pp. 304).

Разочарование классических правых в республиканизме, парламентаризме и свободном рынке привело к тому, что они начали искать для себя иные идеи по обустройству Франции — эти поиски натолкнули их на идеи корпоративизма и авторитаризма, ещё не дискредитированные преступлениями Германии и Италии, а интеллектуальное влияние АФ лишь помогло классическим правым найти своё новое место в мире идей. Вместе с этим активность ультраправых группировок в последние годы Третьей Республики создала необходимые для существования авторитарного режима кадры — что мы увидим, когда будем рассматривать политическую структуру Франции Виши. Сдвиг классических правых и активность радикальных дают нам право говорить о том, что Третья Республика и её кризисы сами создали условия для формирования режима Петена. Вместе с этим, был сформулирован

альтернативный республиканскому взгляд на Францию, который затем прослеживался в риторике Франции Петена.

Функционеры Франции Виши.

После падения Парижа и Второго Компьенского перемирия в мае 1940 года, на месте Третьей Республики было установлено Французское государство. Маршал Петен, назначенный внеочередным съездом французского парламента главой государства с полными конституционными правами (Passmore, 2012, p. 348), быстро сконцентрировал в своих руках всю полноту власти и установил в стране правый авторитарный режим. Его режим был признан легитимным многими государствами, не находившимся на момент 1940 года в состоянии войны с Германией — в том числе Советским Союзом и США.

Без людей, обеспечивающих функционирование государства, не было бы возможно его существование вплоть до 1944 года. Специалист по истории Франции Стэнли Хоффманн, который сам в ходе войны скрывался от Гестапо на юге страны, выделял четыре группы людей, которые становились коллаборантами:

1. различные журналисты, которых невозможно было определить как левых или консерваторов *ввиду коррумпированности журналистской элиты Третьей Республики*;
2. фашистские интеллектуалы, которые идеологически тяготели скорее к режиму Муссолини, нежели к Гитлеру;
3. выходцы из ультраправой активистской среды, которую представляли лиги — в частности, Жак Дорио и его Французская народная партия или созданное бывшим участником ультраправого движения *Les Cagoules* Делонклом Революционное социальное движение;
4. члены пацифистских и антикоммунистических левых партий, в частности — Марсель Деа и его Национально-народное объединение (Hoffmann, 1968, pp. 382–387).

Эти группы, за исключением части первой, характеризовались яркой идеологической окраской — зачастую ультраправой, но встречались и пацифистские активисты. Эти идеи и свою организацию многие из них приобрели ещё во времена самой Республики и, несмотря на попытки бороться с радикализмом в конце 1930-ых годов, они всё ещё оставались важной политической силой. Учитывая дрейф изначально умеренных правых к антипарламентаристским идеям и, как следствие, к режиму Виши в начале его существования, это привело к тому, что эти изначально

не влиятельные силы были включены в активную политическую жизнь, а их идеи — стали приемлемыми для политической элиты Франции.

В этой связи внимание необходимо уделить тому, что многие классические консервативные силы при формировании режима Виши скорее тяготели к нему, что не являлось аномальным, учитывая их раннее разочарование в идеях республиканизма и парламентаризма. Одним из таких консерваторов стал Пьер Лаваль — уже упомянутый премьер-министр Франции в 1935 году, являвшийся до этого медиамагнатом. Имея связи в журналистской среде, Лаваль воспользовался ими для того, чтобы использовать коррумпированных ещё со времен Республики журналистов в качестве посланников и посредников (Hoffmann, 1968, p. 383).

Среди вишистов были не только коллаборационисты, но и та часть элиты, которая при Третьей республике была либо в изгнании, либо в оппозиции к ней — это самые высокопоставленные представители гражданской и военной службы, предпринимателей и землевладельцев (Hoffmann, 1968, p. 389). Почему же эта часть элиты оказалась в оппозиции к Республике? Последние годы Республика заручалась поддержкой представителей более низких по статусу социальных слоёв и традиционные элиты почувствовали себя отстранёнными — для них, режим Виши стал мезьей Республике, но мезьей тех, кто считал себя *естественной элитой Франции, символом преемственности и стабильности* (Hoffmann, 1968, p. 389).

У каждой из групп были вопросы к Республике: коррумпированные журналисты стали таковыми ещё во время 30-ых годов, ультраправые активисты не находили своего места в политической структуре государства, классические консервативные силы после череды правительственных кризисов стали разочарованы в республиканских идеях, а «естественные» элиты постепенно лишались своего влияния. Для каждой из них Французское государство стало некоторой надеждой: получить себе место в структуре государства, реализовать новый взгляд на обустройство государства либо вернуть себе потерянное влияние. Стоит также учесть, что Петен получил всю конституционную полноту власти после голосования двумя палатами парламента Третьей Республики — с правовой точки зрения Петен являлся легальным главой Франции, что было признано многими государствами в 1940 году.

С позиции правых групп, в проблемах Франции была виновата именно Республика и республиканизм, и в таких условиях режим Петена не был аномалией для Франции — он стал следствием политических событий

внутри страны, а республиканские идеи стали в тот момент устаревшими идеями, которые требуют обновления, которым и стал режим Виши с программой «*Révolution nationale*».

«*Travail, famille, patrie*»: Франция авторитарная и республиканская.

Становление и развитие Французского государства Петена сопровождалось программой национального обновления — «*Révolution nationale*». Именованье этой программы вызывало споры, поскольку режим Виши опирался в основном на консервативные силы — сам Петен предпочитал использование терминов «восстановление» (*redressement*) или «реновация» (*rénovation*) (Lackerstein, 2012, p. 157). Использование этих двух терминов в риторике также даёт нам понять, что режим Петена, несмотря на консервативные и антипарламентские идеи элит, не собирался полностью искоренять прежнюю, республиканскую, Францию.

«*Révolution nationale*» предполагала три основных элемента, заключённых в новом слогане Французского государства — «Труд, семья, отечество» — слоган, пришедший на смену прежнему «Свобода, равенство, братство». Эти три элемента играли на две составляющие режима Виши — его тягу к «органическому реализму» и необходимость коллаборации.

«Органический реализм» предполагал возрождение так называемой «Настоящей Франции» — более сельской, более нацеленной на физический труд, традиционной, религиозной и стабильной — именно это стремление, а не идея коллаборации, играло основную роль в политике Виши (Lackerstein, 2012, pp. 177, 186). Двумя вероятными причинами, почему такая политика играла важную роль в «*Révolution nationale*», могли стать интеллектуальное влияние АФ, которая следовала в том числе идеям, созвучным с «органическим реализмом», и роль «естественной элиты» в структуре Франции Виши. Такая риторика была прямой реализацией реакционной программы АФ и, что важно, возвращением прежних преимуществ тем элитам, привилегии которых во время Республики были значительно уменьшены в пользу классов менее благородного происхождения.

Если «органический реализм» играл роль морального ориентира для режима Виши, то коллаборация в таком случае играла роль прагматичной необходимости — непопулярной меры для выживания самого государства (Lackerstein, 2012, p. 186). Коллаборация, помимо обеспечения жизни Франции при оккупации немецкими и итальянскими войсками, может

быть обусловлена тем, что часть политических элит Франции Виши ещё до войны занимала пацифистские и дружественные к Германии и иным фашистским режимам позиции. Однако, в пользу того, что коллаборация была действительно непопулярной мерой, говорят антигерманские позиции некоторых влиятельных движений, в том числе АФ до войны, и прошлое Петена как героя Первой мировой войны, спасшего страну от войск Германской империи.

Эта диархия в риторике режима Петена позволяет сказать, что усилия Франции Виши были нацелены скорее на работу по созданию более правой и обновлённой с этих позиций Франции, нежели на сотрудничество с Германией, что контрастирует с представлением о Франции Виши как навязанной после оккупации извне.

Помимо программы «*Révolution nationale*», Франции Виши необходимо было работать с республиканским наследием Франции, в частности — с символической его частью. Здесь Франция Виши не спешила расправляться с символами прежнего строя:

- Петеном не был отменён день взятия Бастилии — центральный праздник для республиканцев по Франции;
- несмотря на отмену слогана «*Liberté, Egalité, Fraternité*», в сентябре 1940 Петен призвал французов стремиться к «настоящей Свободе», «настоящему Равенству», «настоящему Братству»;
- оставалась в ограниченном использовании Марсельеза — главный символ Французской революции (Satterfield, 2019, pp. 15–20).

Ограниченное использование республиканских символов могло быть вызвано двумя причинами: прагматичным пониманием важности этих ценностей для большой доли населения страны, либо попыткой политически легитимизировать свою власть среди той части элит, которая ещё не отказалась от республиканских идей или была в мягкой оппозиции к режиму Виши. Такое использование символов также говорит о малом стремления избавляться от прежних символов страны, как это происходило, например, в Германии или Испании Франко и о том, что Франция Петена оставалась преемницей прежней Франции — в том числе республиканской.

Заключение

Забывтая история Франции Виши.

Во французской исторической традиции Франция Виши рассматривается как навязанное, шедшее против Франции и её республиканского духа. В становлении этого представления, появившегося сразу после конца Второй мировой войны, участвовали те, кто с самого начала боролись с государством Петена — в частности, генерал Шарль де Голль.

Однако, рассматривая политическую историю последних лет Третьей республики и то, кто работал во Франции Виши, с какой риторикой эти люди выступали, такое представление начинает разрушаться. Многие факторы и проблемы Третьей республики — её политические и экономические кризисы, радикализация политических сил последних лет, коррумпированность — двигали Францию к появлению режима Петена. А те люди, которые работали внутри Франции Виши, часто желали появления иной Франции — более французской, чем была при Республике, что прослеживалось и в риторике режима, который желал ни столько искоренения республиканизма, сколько обновления Франции через националистическую и консервативную политики.

Это не оправдывает преступлений, совершённых Французским государством, — в геноциде еврейского народа и в политических репрессиях. Но исключение этого периода из истории страны, рассмотрение его как аномалии — это отсутствие рефлексии и вынесения уроков из собственных ошибок. А история, со слов Гегеля, повторяется дважды — в первый раз в качестве трагедии, во второй раз — как фарс.

Библиография

Hoffmann, S. (1968). Collaborationism in France during World War II. *The Journal of Modern History*, 40(3), 375–395. <https://doi.org/10.1086/240209>

Jenkins, B. (2007). The Right-Wing Leagues and Electoral Politics in Interwar France. *History Compass*, 5(4), 1359–1381. <https://doi.org/10.1111/j.1478-0542.2007.00450.x>

Lackerstein, D. (2012). *National regeneration in Vichy France: ideas and policies, 1930–1944*. Ashgate.

Passmore, K. (2012). *The Right in France from the Third Republic to Vichy*. Oxford University Press.

Rousso, H. (1991). *The Vichy Syndrome: History and Memory in France since 1944*. Harvard University Press.

Satterfield, E. (2019). Contested Symbols: Vichy France and the Legacy of the French Revolution. *Rice Historical Review*, IV, 5–24. <https://doi.org/10.25611/p7dz-2345>

Temkin, M. (2003). „Avec un certain malaise“: The Paxtonian Trauma in France, 1973–74. *Journal of Contemporary History*, 38(2), 291–306. <https://doi.org/10.1177/0022009403038002134>

Weber, E. J. (1985). *L'Action française*. Hachette.

РЕЦЕНЗИИ К ЭССЕ «"LIBÈRE-TOI, FRANCE? "» ФРАНЦИЯ ПЕТЕНА — АНОМАЛИЯ ИЛИ ЭТАП РАЗВИТИЯ?»

*Кожеуров Станислав Александрович**

«[...] глупо воображать, будто мой верный, честный, ни в чем не повинный народ подчинили себе легионы с Марса. Легионы эти выросли в гуще самих немцев; они прошли выучку на казарменных плацах у своих изрыгавших команды начальников и на митингах у неистовых демагогов» — эти грустные строки из романа «Тени в раю» Э. М. Ремарка вполне могли бы стать эпиграфом к этому эссе, столь же меланхоличному и пронзительно рефлексивному, как и поздние романы самого Ремарка. И дело здесь не только в сходстве вопросов (был нацизм извращенной аномалией или же резонным итогом неких сложных социальных процессов? стал ли режим Виши страшной, но случайной гримасой или, вновь, оказался подготовлен десятилетиями предшествовавшей политической динамики?). Дело в сходстве — печальном, но удивительно важным для нас всех, здесь и сейчас — ответов: авторитарный поворот, его brutальные режимы, репрессии и концлагеря не были аномалией, ни в Германии, ни во Франции.

Подобные созвучия превращают эссе в небольшой, но органичный элемент многолетней европейской дискуссии (от «Диалектики Просвещения», «Бегства от свободы» и далее) об авторитарном повороте 1920-х – 1940-х. Эта солидаризация оказалась отчасти стихийной, так как нигде внутри эссе — даже *en passant* в сносках — нет эксплицитного, стратегического позиционирования текста. Стихийной или же продуманно сокрытой (так ли не прав был Лео Штраус, призывавший к чтению между строк, экзегезе текстов интеллектуалов? ведь, кто как ни интеллектуалы идут на эшафот за свои слова, идеи, книги?) от хищных

* Старший преподаватель кафедры наук об обществе и человеке факультета гуманитарных наук ОАНО «МВШСЭН», руководитель образовательной программы «Политические исследования и анализ данных».

глаз современников — мы, конечно, не знаем. Такая недосказанность придает эссе особый шарм, приглашая нас к рефлексии и напряжению там, где могла бы обнаружиться определенность, да, пестуемая в академическом мире, но по-своему скучная.

Определенность, впрочем, в эссе обнаруживается, но не совсем не там, где ее ожидали увидеть: раз за разом, страница за страницей мы убеждаемся, что весь ход событий, все шесть десятилетий, предшествовавшие мрачным 1940-м годам, в сущности, оказывались лишь длительной увертюрой — и никакого иного развития событий не могло и случиться. Этот *whiggish* (но с другим знаком, ведь дело шло не к торжеству прогресса, а к торжеству вызревавших и клокотавших глубоко внутри либеральной Третьей республики ультраправых сил) взгляд на социальную и политическую динамику резко, если наказать больше, контрастирует с изяществом текста, его меланхолией и приятными недосказанностями, лишая читателя пространства для автономной рефлексии.

Это эссе неизбежно возвращает в памяти интервью так-и-не-состоявшегося художественного руководителя увы-уже-исчезнувшего московского авторского театра: можно, говорил он, — просто рассказать историю (ясную, абсолютно прозрачную для зрителя/читателя), а можно, напротив, говорить метафорами, образами, дразня все мыслимые сенсорные чувства наблюдателя, чтобы заставить его думать об увиденном, вспоминать увиденное. Конечно, стандарт академического текста — рассказ истории, столь ясной и последовательной, сколь это возможно. Это эссе — совсем иная форма высказывания; форма, в которой недосказанность и определенность хитро переплетаются (иногда столь причудливо, что и сам автор, кажется, перестает властвовать над ними; ну да и Б-г с ним!), выводя на передний план образы марширующих ультраправых; коллаборантов, в исступлении ждущих, как им кажется, освободителей; свободную, но такую слабую республику, просуществовавшую лишь несколько десятилетий; вождей, перед которыми вольно, а часто и невольно, произносили *maréchal, nous voilà...*

Образы столь яркие, что невозможно читать этот текст без ремарковской обреченной меланхолии — и без штрауссианского настороженного вопрошания. А какие еще эмоции нужны сегодня?

*Атнашев Тимур Михайлович**

Работа Ярослава Полосухина «"Libère-toi, France?" Франция Петена — аномалия или этап развития?» представляет собой очень взвешенный и содержательный обзор, вероятно, самого сложного периода в истории современной Франции. Как справедливо показывает автор, сложность связана прежде всего с невозможностью вписать режим Виши в общественный и официальный нарратив республиканской и демократической Франции. В послевоенной национальной историографии эта сложность разрешалась «исключением» периода из символической непрерывности республики, осмысляемого как период де факто немецкой оккупации и «аномалии». Автор, вслед за британскими, американскими и французскими историками-ревизионистами, указывает на внутренние причины возникновения режима Виши. Автор делает основной упор на политические и интеллектуальные круги крайне правых, искавших новую идейно-политическую и институциональную основу в ответ на воспринимаемые неудачи Третьей республики. В целом это отличный текст, демонстрирующий серьезное владение материалом, четкую позицию и общую установку на непредвзятый исторический анализ.

Несколько соображений о возможном развитии ключевых аргументов и общей логики эссе. Полемический вывод о том, что Франция под руководством Петена «предложила» коллаборацию Германии, а не была навязана извне, не строго вытекает из обзора. Сам факт такого предложения, если оно имело место, необходимо продемонстрировать. В заключение Ярослав использует более осторожные формулировки «коллаборация в таком случае играла роль прагматичной необходимости — непопулярной меры для выживания самого государства». Прямое сравнение складывающейся идеологии и конкретных институтов Франции с итальянским и испанским фашизмом может добавить новые ценные инсайты и аргументы в пользу главного тезиса. Более активное использование вторичной литературы на французском представляется необходимым для более академических форматов статьи или книги. Жиль Ришар, Марсель Гоше, Рене Ремон и многие другие историки — сформировали субдисциплину истории «правых». Опираясь на эту традицию многие аргументы эссе могут получить развитие или могут быть

* PhD, специалист в области интеллектуальной истории и политической философии.

скорректированы. В частности, Рене Ремон предложил ставшую классической модель трех правых семей, которая была бы весьма полезна для анализа режима Виши. В эссе практически нет цитат или ссылок на первоисточники, что отчасти связано с небольшим объемом текста, но живая речь конкретных деятелей прошлого остается важным исходным материалом для историографических обобщений. С точки зрения методологического фокуса, настоящий проект можно усилить за счет двух перспектив: интеллектуальной истории и анализа партийной конкуренции. Наконец, может быть чрезвычайно полезной рефлексия напряжения между собственной установкой автора на непредвзятость и явной политической и общественной значимостью конкретных аргументов, формулируемых историками.

РОЛЬ ДИАЛЕКТИКИ РАБА И ГОСПОДИНА В ПОНИМАНИИ СВОБОДЫ И НЕОБХОДИМОСТИ В «VITA ACTIVA» ХАННЫ АРЕНДТ

Тимофей Чернышов*
mss2101093@universitas.ru

Частное и публичное

Во второй главе «Вита Актива» Ханна Арендт рассматривает различие между Частным и Публичным в контексте древнегреческого города-государства. Частное и публичное, или Ойкос и Полис, представляют собой два фундаментально различных способа существования человека, а сама их дистинкция указывает на ту «пропасть, через которую люди классической древности должны были как бы ежедневно перепрыгивать, чтобы выходить из тесной области домохозяйства и подниматься в круг политического» (Арендт, 2017, с. 47). Одна сфера существования человека — частная жизнь, т. е. домохозяйство (Ойкос). Традиционно домохозяйство состояло из жены и детей, хозяина дома и его рабов. Труд обитателей ойкоса направлен на сохранение и поддержание собственной жизни как биологических существ, т. е. на выживание.

Сфера частного — это сфера необходимости, потому в ней невозможна свобода (следует сказать, что Арендт придерживается инкопатибилизма). Раб несвободен, т. к., с одной стороны, его деятельность определяется приказами господина, с другой, что менее интуитивно, даже форма исполнения приказов не зависит только от личного выбора раба, потому что все, связанное с заботой о материальном, находится под давлением законов природы. Ты не можешь сажать пшеницу в морозный грунт (А. Ф. Филиппов, курс «История теоретической социологии» в МВШСЭН, 2023) или собирать урожай, пока он еще не созрел; когда ты перетаскиваешь камень, его тяжесть ограничивает твою свободу следовать своим

* 3 курс, бакалавриат, Современная социальная теория. Работа написана на 2 курсе, дисциплина: Академическое чтение.

Желаниям в полной мере. Таким образом, когда Желания сталкиваются с Природным, они вынуждены корректироваться в соответствии с ограничениями, накладываемыми законами природы (Кожев, 2003, с. 13).

Другая сфера существования человека — жизнь публичная. Полис и его политический центр, агора, — эталон свободного публичного пространства. Там нет господства, как нет и подчинения; свободные граждане, владельцы собственности, открыто предстают среди других. «Власть» каждого над действиями Другого основана на способности убедить в своей правоте (Арендт, 2017, с. 39), а не на отношении повелевания под страхом смерти: в противоположность отношениям Раба и Господина в ойкосе.

Однако сфера частного ограничивает свободу и самого господина. Он может актуализировать истинно человеческую способность к действию только в свободе полиса; где можно поставить на кон поддержание своего бытия как хомо сапиенса, и выйти в пространство свободы — «равных среди равных» (Арендт, 2017, с. 46); отдать предпочтение идеалу свободы и Человека, а не жизни, ограниченной всеобщей естественной континуальностью.

Арендт (2017) наследует античным авторам (с. 49–50), выделяя храбрость (мужество) как политическую добродетель. Чтобы понять эту установку, стоит вспомнить, что большинство рабов (особенно в Древнем Риме) были некогда побежденными врагами. После поражения, вместо того чтобы позволить продать себя в качестве пленных в рабство, они могли совершить самоубийство, однако предпочли молить Другого о сохранении своей жизни, вместо того чтобы завершить ее, но по собственному волеию, оставаясь свободными. «Почему кто бы то ни было должен был делаться рабом, когда свобода так близко под рукой у каждого?» (Арендт, 2017, с. 49–50) — ссылается Арендт на Сенеку: предпочтя жизнь, они тем самым уже признали, что «по природе» не годятся быть свободными и недостойны статуса гражданина полиса.

Таким образом, можем вывести, что для Арендт человек несвободен, если:

1. над ним господствуют;
2. он господствует;
3. над ним довлеет природная необходимость.

Проблема

В глаза невольно бросаются сходства такого понимания свободы с гегелевской Диалектикой Раба и Господина (Гегель, 1977, с. 240), а также учением Александра Кожева, во многом Гегелю наследующего. Цель данного эссе — наметить линии рецепции; показать, как данные концепты изменялись и работали в переходе от теории к теории. Охватить проблему во всей полноте представляется сложновыполнимым в заданный объем слов, поэтому мы постараемся только наметить общие границы с тем, чтобы поспособствовать развитию этой темы в последующих работах. Чтобы показать линии пересечения между мыслью Арендт и Кожева, сперва кратко изложим особенности интерпретации субъективного духа последним.

Антропологическая интерпретация Кожева

Суть антропологической интерпретации Кожева (2003, с. 14) — задать границу перехода из хомо сапиенса, биологического существа, погруженного в налично данный мир природы, в Человека; в нечто принципиально к своему биологическому субстрату несводимое; в сущности, помимпатосо патоса, обладающего логосом (Велецкий, 2022). Иначе говоря, так Кожев стремится ответить на вопрос «как возможен идеал человека». (Голубов & Коцарь, 2023)

Кратко приведем рассуждения Кожева. Рождение самосознания — основа становления Человеком — это переход от созерцания к желанию. «Я» у человеческого существа может появиться только тогда, когда оно сталкивается с «не-Я» — с каким-то элементом сущего, то есть объективно-данного-наличного бытия. Это происходит при появлении Желания. (Кожев, 2003, с. 13) Кожев приходит к этому по аналогии с механизмом созерцания у Гегеля (2003): «Человек, поглощенный созерцанием объекта, вспоминает о себе только тогда, когда у него возникает Желание» (с. 11).

Но желание присуще не только человеку. У животных также может возникнуть желание, то есть ощущение недостатка чего-то, иначе говоря, небытия. Удовлетворение желания всегда направлено на что-то, что сможет его «заполнить». Отличие Человека в том, что желание животного (как и человеческого существа, не начавшего процесс становления Человеком) направлено на нечто, существующее в области налично данного бытия; проще говоря, на что-то материальное. Желание съесть

яблоко для пропитания своего тела — хороший тому пример (Кожев, 2003, с. 11). Животное всегда стремится, в сущности, только к одному — к сохранению своего физического существования, к выживанию, к поддержанию своей бытности в качестве не более чем просто живого организма. То есть объект желания животного, существа из мира Природы — это всегда что-то, что позволит сохранить ему жизнь, продолжить быть равным самому себе, статичным и неизменным — *себятождественным*, по выражению Кожева (2003, с. 13).

Процесс актуализации хомо сапиенса как Человека начинается тогда, когда такое желание становится направленным на другое идеальное, то есть небытие; на что-то, превосходящее налично-данное-объективное бытие; можно сказать, ему трансцендентное. Объект желания такого рода может быть найден при встрече другого «индивида», для которого сохранение своей жизни также не главная цель. Главное — найти признание Другого, признание ценности себя, принципиально превосходящей любую ценность материального мира. Такое желание — это лакуна, которую хочется заполнить; это идеальное небытие, которое ищет и не может не искать Человек.

Человек в интерпретации Кожева — это ничто, то есть пустота, желающая (или ищущая признания) пустоты (Курилович, 2016, с. 142). Кожев (2003) пишет: «...бытие этого Я должно быть становлением. <...> Пребывать для него будет значить: “Не быть тем, что оно есть (как определенное наличное бытие, как природное сущее <...>), но быть (т. е. становиться) тем, что оно не есть”» (с. 13).

То есть, вид деятельности Человека — это постоянное действие, причем действие, направленное на поиск признания себя в качестве такового. Для него существование означает не оставаться в рамках природного субстрата, в сфере давления необходимости, а искать и «впитывать» идеальное желание Другого также быть признанным в качестве самооценности.

«Существо, изготавливающее вещи и выстраивающее лишь им одним обитаемый мир, <...> утратило бы свои специфически человеческие свойства. Только действие, <...> исключительная привилегия человека; ни зверь, ни животное не могут действовать» (Арендт, 2017, с. 35).

Линии пересечения

После того как проведена реконструкция аргумента Кожева, обратимся к мысли Арендт, с тем чтобы найти сходства и линии рецепции. Для Кожева, как и для Гегеля, Человек — это процесс. Человек остается Человеком в той мере, в которой он актуализирует себя как человека: человек не пребывает постоянно и статично. По Арендт (2017), истинно человеческое существование имеет место только при возможности свободного действия в публичном пространстве: «Кто не знал ничего, кроме приватной стороны жизни, кто <...> не имел доступа к общественному или <...> вообще и не учредил открытую всем публичную сферу, собственно человеком не был» (с. 52).

Арендт подчеркивает, что действие тесно связано с плюрализмом (d'Entreves, 2006). Оно не является деятельностью изолированных друг от друга самосознаний (выражаясь термином Гегеля), а требует присутствия и признания других людей. Так же, как актерам нужна аудитория, действию необходимо публичное пространство. Своими действиями люди вносят вклад в сложную и непредсказуемую сеть отношений. Эта сеть образует сферу человеческих дел, в которой люди непосредственно взаимодействуют друг с другом посредством языка. Такое взаимодействие также необходимо считать процессом становления Человеческого в человеке.

Линии несхождения

Далее рассмотрим различие в понимании свободы у Арендт и Кожева как последователя Гегеля. Наш тезис заключается в том, что Арендт отвергает понятие субъективной свободы, признавая за единственно истинную свободу Объективную (по Гегелю). Гегель же, и Кожев вслед за ним, различают понятия объективной и субъективной свободы. Для Гегеля, к примеру, деспот самой несвободной для подданных политической среды свободен — но только субъективно свободен, так как воля деспота, с одной стороны, не ограничена внешними рамками, а с другой стороны, он не абсолютно свободен: возвышаясь над своими рабами, господствуя, тиран не свободен, так как при отсутствии рабов перестанет существовать в качестве правителя. Иначе говоря, Господин только потому является господином, что имеет рабов; его бытие самим собой is contingent upon владении рабами.

Возникновение отношений Раб — Господин связано со столкновением двух самосознаний, в процессе которого один проявляет готовность идти до конца в притязании на лидерство, включая риск «экзистенциальный», а другой переживает страх смерти и выбирает заботу о выживании (Гегель, 1977, с. 241). Для первого оказывается более важным нематериальное, идеальное желание быть признанным Другим. Первая «личность» становится Господином, а вторая — Рабом. По Гегелю господин субъективно свободен, раб несвободен. Арндт придерживается иного мнения. Ссылаясь на Аристотеля, она отмечает, что «для него очевидно, что деспот не свободен» (Арндт, 2017, с. 45). Он пишет: «...жизнь свободного человека лучше жизни господина: в том, чтобы иметь дело с рабом <...> нет ничего возвышенного, равно как и в том, чтобы отдавать приказание, касающиеся житейских надобностей» (Аристотель, 1983, с. 594).

Переводя эту цитату на язык Гегеля, можем понимать «возвышенное» как идеальное желание признания Другим, что позволяет перешагнуть через поток повседневности, возвышаясь над ним в принципиально иную область бытия (*l'acte de transcender*). Так, для Арндт отсутствие приказов господина является необходимым критерием свободы, но явно недостаточным. Истинную свободу человек обретает, а по сути, и становится собственно Человеком, только действуя в свободном публичном пространстве.

Арндтовское понимание свободного публичного пространства близко к Гегелевскому понятию Всеобщего Самосознания. Он определяет его так:

Всеобщее самосознание есть утверждающее знание себя самого в другой самости, каждая из которых в качестве свободной единичности обладает абсолютной самостоятельностью, но вследствие отрицания своей непосредственности или вожделения не отличается от другой и представляет собой всеобщее самосознание. Каждая из них объективна и обладает реальной всеобщностью в форме взаимности постольку, поскольку она знает, что признана другой свободной единичностью, а это она знает, поскольку признает другую единичность и знает ее как свободную. (Гегель, 1977, с. 247).

Говоря простым языком, это следующая стадия в отношении двух самосознаний после раба и господина; когда каждое отдельное

самосознание (то есть Единичность по Гегелю) признана другим самосознанием, то есть каждый Свободный Человек знает, что Другой так же свободен, как и он сам (то есть признан Другим). Так появляется самосознание, по сути, одинаковое у двоих: признание каждого каждым. Гегель (1977) пишет: «...Греки и римляне еще не возвысились до понятия абсолютной свободы, ибо они не познали еще того, что человек как таковой — как вот это всеобщее “я”, как разумное самосознание — имеет право на свободу» (с. 245).

В области всеобщего самосознания, как и на агоре, нет господства и нет подчинения. Так гегелевское «всеобщее самосознание» проясняет, почему для Арндт свобода в агоре радикально противопоставлена необходимости в ойкосе.

Актуализация: труд — действие

Для Кожева (2003), как и для Гегеля, раб способен актуализировать себя как человека через труд (с. 31). Переход к состоянию Всеобщего Самосознания возможен через труд раба по преобразованию природы, поскольку Раб меняет что-то, ограниченное законами необходимости, и осознает зависимость свободы Господина от себя самого. Он как бы возвышается над природой и над давящим состоянием Господина, становясь ему равным.

Для Гегеля (1977) история — процесс освобождения раба через труд, т.е. переход к гражданскому обществу (с. 342), когда каждый признан каждым — каждый свободен. Кожев продолжает линию рассуждения Гегеля: с борьбы за признание и разделения на господ и рабов начинается история Человека.

Говоря об античности, Арндт во многом наследует Аристотелю: человек по природе либо Раб, либо Свободный (гражданин полиса). Раб по природе не стремится к свободе, у раба нет осознания ценности Свободы. В модерне публичное и частное смешалось в единую национальную экономику, где все подчинено производству продуктов, позволяющим нации оставаться собой, все находится под давлением необходимости выживания. При таком укладе каждый становится в определенном смысле Рабом, членом глобального ойкоса. Освобождение из сферы несвободы возможно через создание революции (Арндт, 2011). Революция — политическое событие, которое предпринимает попытку

создать новое публичное пространство, где будет место политической свободе.

Но на революцию способен только человек, имеющий храбрость, который, подобно господину в Древней Греции, переходящему из ойкоса в полис, рискует собственной потребностью в выживании и актуализирует свою способность к свободе.

Заключение

Арендт, Гегель, Кожев сходятся в том, что стремление к свободе как самостоятельной идеальной ценности предопределяет возможность существования человека как Человека. Кожев показывает, что, заботясь лишь о биологическом выживании, homo sapiens уподобляется животному, а стремление к возвышению над природным субстратом есть становление Человека. Гегель относит возникновение Человека к моменту преодоления стремления к жизни любой ценой. Так и Арендт полагает, что только выход за рамки заботы о пропитании и возникновение нематериальных интересов — стремления к политической свободе — возвышают человеческое существо до звания Свободный Человек.

Библиография

Арендт, Х. (2017). *Vita Activa, или О деятельной жизни*. Ад Маргинем Пресс.

Арендт, Х. (2011). *О революции*. Европа.

Аристотель. (1983). *Собрание сочинений в 4-х томах*. Том 4. Мысль.

Велецкий, М. (2022). Исторические типы мировоззрения: мифология, религия, философия. Boosty.to. <https://boosty.to/veletsky>

Гегель, Г. В. Ф. (1977). *Энциклопедия философских наук*. Т. 3. Философия духа. Мысль.

Голубов, М., Коцарь, А. (2023). Диалектика раба и суверена: проблема самосознания у Кожева и Батая. *Гуманитарный акцент*, (1), 12–27.

Кожев, А. (2003). *Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 год в Высшей практической школе*. Наука.

Курилович, И. С. (2016). *Французское неогегельянство: Интерпретации и трансформации феноменологии* [кандидатская диссертация]. Российский государственный гуманитарный университет.

d'Entreves, M. P. (2006, July 27). *Hannah Arendt*. Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive.
<https://plato.stanford.edu/archives/fall2022/entries/arendt/>

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «РОЛЬ ДИАЛЕКТИКИ РАБА И ГОСПОДИНА В ПОНИМАНИИ СВОБОДЫ И НЕОБХОДИМОСТИ В "VITA ACTIVA " ХАННЫ АРЕНДТ»

Башков Владимир Владимирович*

«Роль диалектики раба и господина в понимании свободы и необходимости в *Vita Activa* Ханны Арендт» – работа противоречивая, но не безнадежная. Противоречивость обусловлена материалом: одновременно оперировать идеями таких мыслителей как Арендт, Кожев и Гегель – задача трудная, а для небольшого высказывания, коим является данное эссе – практически невыполнимая. Обнадёживает то, что указанная трудность не остановила автора, а получившийся задел может быть положен в основание дальнейших усилий и принести если не пользу, то специфическое наслаждение, доступное ценителям по-настоящему трудных для понимания текстов. Поэтому я не стал бы говорить о данной работе как об итоге, предпочитая усматривать в ней начало.

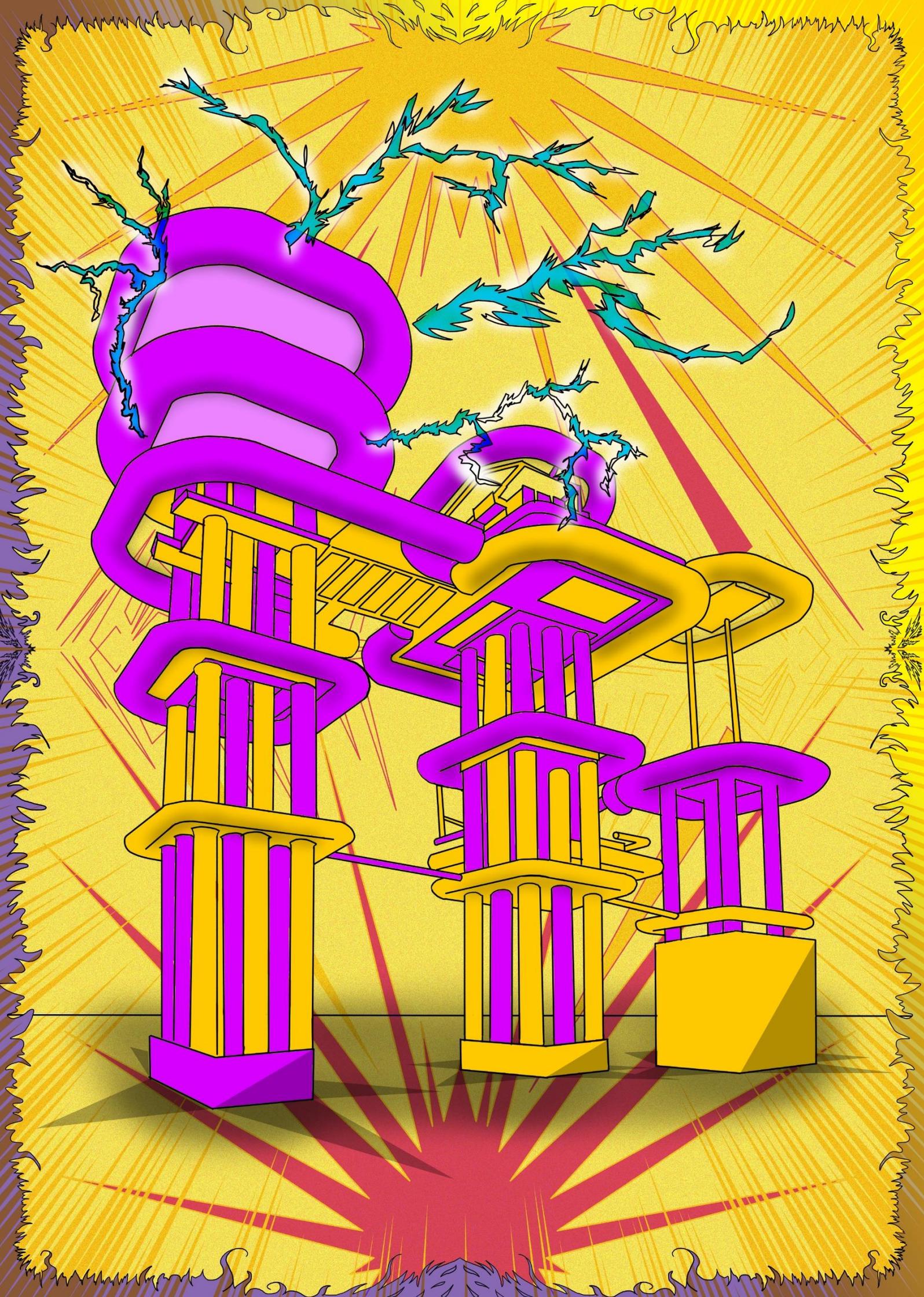
Основное внимание сосредоточено на 2-й главе *Vita Activa* Ханны Арендт, повествующей о специфическом понимании политики, характерном для античности времен классического полиса / республики и утраченном в современности. Проводя границу между частным и публичным как фундаментально различными способами существования, автор показывает принципиальную недостаточность частной жизни для бытования свободного человека или, как предпочитает писать сам автор – Человека. В этом мы следуем за логикой Арендт, подкрепляя наши доводы Аристотелем. И если бы книга Арендт обрывалась на 2-й главе, или хотя бы 5-й... Но в том-то и дело, что дальше мы вынуждены обратиться к Новому времени – т. е. такому периоду, когда произошли изменения достаточно фундаментальные, чтобы простое воспроизведение аристотелевского

* Преподаватель Факультета гуманитарных наук ВШЭ, научный сотрудник Центра фундаментальной социологии.

понятия человека оказалось чем-то если не устаревшим, то, по крайней мере, крайне проблематичным. Иначе говоря, глядя из нашего времени, ζῆλον πολιτικόν – это пустое понятие или утопическая сверхзадача, а предпринятую Арендт реконструкцию можно рассматривать как приглашение к размышлению, к осознанию той ситуации, в которой человек оказался сегодня. Именно с трудностью (если не сказать невозможностью) возвращения к античному пониманию политики связаны крайне осторожные, бережные интонации последних глав Vita Activa. Отсюда разговор о хрупкости человеческих дел, о важности таких понятий как прощение (и наказание) и обещание, размышление о любви, творчестве и науке, университетском сообществе, а также о бегстве в уединение (но не в одиночество!), свойственное мыслящему человеку.

Автор предпринимает попытку придания тексту Арендт подлинно-политического пафоса, вооружаясь противопоставлением раба и господина. Здесь на помощь приходят Кожев и прочитанный его же глазами Гегель. В общих чертах изложение диалектики раба и господина выглядит убедительно, с поправкой на то, что это всё-таки кожевская интерпретация. Здесь можно было бы обозначить развилку: насколько гегелевское описание приключений самосознания созвучно построениям Арендт и Кожева? В работе эти нюансы освещены лишь в общих чертах, однако данная проблематика заслуживает дополнительного пристального внимания. Просматривается связь между положением раба и *трудом (работой)*, но ничего не говорится о *создании (изготовлении)*. От 2-й главы Vita Activa автор делает переход к Гегелю и Кожеву, невольно заимствуя и их философию истории. Поэтому оказывается не ясно, откуда, в конечном счете, возникает «Всеобщее Самосознание» и почему современная плюралистичная политика может рассматриваться как реализация античной агоры. Правильным было бы сказать, что автор несколько преждевременно взял на вооружение диалектику раба и господина, усвоив общую логику, но совершенно не вникнув в детали. Возможно поэтому в финале мы сталкиваемся уже с другим текстом Арендт «О революции», в связи с которым автор проясняет: «на революцию способен только человек, имеющий храбрость, который подобно господину в Древней Греции, переходящему из ойкоса в полис, рискует собственной потребностью в выживании и актуализирует свою способность к свободе». Тезис, как таковой, не вызывает нареканий, но можно ли считать, что он был действительно обоснован в тексте? Не играет роли, что к революциям у Арендт отнюдь

не простое отношение: иные революции нельзя считать удачными, а какие-то едва ли могут повториться. Революция как опора для воображения, шанс нащупать то, чего нет, новое начало – в этом не так уж много практического оптимизма. Размышляя о подобных вещах, человек рискует пропасть для жизни и современного общества. Поэтому не будем дальше придирааться к тексту, но отдадим должное автору за интеллектуальную отвагу и дерзость, готовность работать с трудным материалом и брать на себя ответственность за интерпретацию.

ВОЗМОЖЕН ЛИ ГЕНЕЗИС ТЕХНИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В АКТОРНО- СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ

Анна Карпец*

mss2001045@universitas.ru

Введение

Акторно-сетевая теория (АСТ) Бруно Латура представляет собой один из классических подходов в области Science and Technology Studies (STS). Методология, которая была разработана акторно-сетевыми теоретиками, повлияла на развитие STS как исследовательского подхода и позволила исследовать не только становление научных фактов и знания, но и лабораторные практики и, в дальнейшем, технологии. Сама АСТ является результатом произошедшего в социальной теории «поворота к материальному» и вкладом в объектно-ориентированную онтологию (ООО), основанную Г. Харманом на метафизике М. Хайдеггера (Харман, 2015). Но несмотря на присутствие в обоих онтологиях принципа симметрии между людьми и не-человеческими артефактами, в данных подходах существует расхождение. Вопреки распространённому определению АСТ как теории, согласно которой объекты наделяются агентностью и той же способностью действовать, что и люди, на самом деле центральным является именно действие, а не сам объект. «Если для поворота к материальному “вещи тоже действуют”, то для АСТ “вещи тоже действуют”» (Ерофеева, 2017: 85)¹. В данной работе речь пойдёт о специфическом типе нечеловеческих акторов — технических объектах. В связи с чем будет рассмотрена взаимосвязь теории Латура с неконвенциональной для STS теорией конкретизации Ж. Симондона. Далее будет показано, в каких положениях Латур соглашается с модусом существования технических объектов Симондона, а в каких, наоборот, критикует. Затем, мной будет проведён критический анализ обоих подходов

* Выпускница, Современная социальная теория Работа написана на 4 курсе, дисциплина: Исследования науки и технологий.

¹ Курсив от М. А. Ерофеевой.

и поставлен исследовательский вопрос, который я постараюсь решить путём обращения к двум авторам традиции пост-АСТ.

Симондон и Латур о модусе существования технических объектов

Книга Симондона «О модусе существования технических объектов» разделена на три теоретические части, каждая из которых расширяет предыдущий тезис. Первая посвящена определению и эволюции технических объектов. Вторая — отношению между тремя реальностями: субъектом (человеком), объектом (техническим артефактом) и средой (*milieu*) (Simondon, 2017). Его философский подход показывает взаимосвязь человека, технического объекта и среды, ввиду чего размываются границы между субъектом и объектом, сущностью и вещью, искусственным и естественным, переосмысляя эти дихотомии с точки зрения технического объекта. Третья часть посвящена отношению этих отношений с другими модусами существования: религиозными, философскими и социальными. Центральным в его концептуализации технических объектов является понятие конкретизации. Философ уделяет пристальное внимание структуре и взаимодействию внутренних частей технического объекта для описания его развития, движения объекта от абстрактного к конкретному, от нестабильного к стабильному. Его тезис в том, что развитие технического артефакта не всегда является его преобразованием в соответствии с пользовательскими нуждами. Развитие технологии происходит ввиду напряжения, существующего внутри объекта между его внутренними частями. Объект является абстрактным, метастабильным, и становится конкретным, когда «больше не борется сам с собой, никакой вторичный эффект не вытекает из функции его целостности и не остаётся вне неё» (Simondon, 2017). Однако, он пишет, что технические объекты, как правило, никогда не достигают полной конкретизации и всегда остаются абстрактными, и это отличает их от природных объектов. Биологические организмы изначально даны как целостные, где каждый отдельный элемент работает в согласии с другими элементами, подобно органам, которые поддерживают существование тела. Технический объект же стремится к такому же уровню согласованности внутренних частей, но даже если этот союз достигнут, всегда остаётся потенциальный «абстрактный остаток», который может вернуть объект из стабильного состояния в метастабильное (Simondon, 2017). Любая технология, развивающаяся на протяжении лет

и веков, представляет собой динамическую последовательность, характеризующую её генезис: появление напряжения, актуализация потенциальной энергии для его преодоления и, как результат, стимуляция к изменениям.

Латур в своей книге «*An Inquiry into Modes of Existence*» посвящает отдельную главу модусу существования технического объекта, но для него центральным является не объект, а прилагательное «технический», отсылающее к отношению между множеством посредников и акторов. Технический объект не существует сам для себя, он всегда является результатом коллективных действий. Динамика развития и бытия технических объектов распространена на такое количество разных мест и акторов, что сложно проследить как их роли, так и саму траекторию развития этого объекта. Поэтому Латур хоть и считает вклад Симондона в изучение технологий весомым, но отрицает распределение этих ролей только между субъектом, объектом и средой. «Вопреки названию книги Симондона, мы должны обратиться не к способу существования технологического объекта, а к способу существования *технологии*, самих технологических существ» (Latour, 2013: 218).

В дополнение к этому тезису авторка статьи «*Ontology of Technique in Bruno Latour's Thought: On the Mode of Existence and Non-Human Actors*» с помощью сравнения онтологий технических объектов Латура, Симондона и Сурьё (Souriau) ставит гипотезу о том, что онтология Латура всё же основана не на модусе существования технического артефакта, а на его отношении с другими акторами и их взаимовлиянии. Так, например, новая версия смартфона не просто изобреталась, но и устанавливалась (*establish*): она была запатентована, представлена и одобрена. «Вопрос об этой сети отношений, заданной в процессе установления, для Латура более важен, чем вопросы, которые направлены на исследование бытия как чего-то предполагаемого или предшествующего самой вещи» (Calazans, 2023: 3). Вопросы, волнующие Симондона, такие как динамика смартфона как технологии при его переходе из абстрактного к конкретному, слияния множества функций в единую структуру.

Тезис другого автора также основан на сравнении онтологий Латура и Симондона, но он уделяет внимание конкретному вопросу того, как оба теоретика проблематизируют и решают дихотомию субъекта и объекта (Feenberg, 2016). По мнению автора, у Латура проблема дихотомии решается концептом медиации. Когда индивид воздействует на предмет, возникают три актора: субъект (человек), объект (предмет) и гибридный актер

(результат отношения человека и предмета). Но медиация может действовать в обе стороны: она может делать человека пользователем данного предмета, а может прописывать действие, функцию предмету, согласно действиям актора. Кроме того, есть объекты, например, самолёт, который не может летать без актуализации множества других акторов. «Именно здесь АСТ и Симондон, похоже, идут по одному пути. Представление АСТ о гибридных акторах предполагает изначальное единство человека и артефакта. Это единство является эмпирической основой всех последующих дихотомий между человеческим и нечеловеческим, человеком и природой, субъектом и объектом и так далее» (Feenberg, 2016: 72). Отличие в том, что у Латура фокус идёт на взаимодействие множества акторов, а у Симондона в субъект-объектные отношения входит ещё и среда (*milieu*), которую оно модифицирует, и доиндивидуальное, движущее конкретизацию и индивидуацию. Радикальное отношение Латура к мульти-реализму является точкой расхождения между ним и Симондоном (Feenberg, 2016).

Проблемы теории и метода

Один из недостатков подхода Латура, по моему мнению, в том, что его концептуализацией не улавливается становление и развитие технического артефакта отдельно от взаимодействия с другими акторами. Его методологический фокус направлен на исследование отношений и следов, которые объект оставляет внутри сети или при переходе между сетями, но не на историю его развития, конкретизации. Технологический объект создаёт множественность акторов (Ерофеева, 2015: 92). Латур вводит понятие траектории, которое призвано описывать эволюцию вещи от проекта до технического объекта, но эта траектория — точки, фрагменты, действия объекта в сети, исключая эволюцию технического объекта, происходящую в плазме, во внесетевом пространстве и показывающую лишь то, как проект в процессе становления технологией сепарируется от других акторов. Как пишет Харман в «Принце сетей», актанты изначально даны как конкретные и актуальные (Harman, 2009: 145). У Латура нет предшествующего состояния вещи, которую Симондон называет доиндивидуальной, нет и потенциальной энергии, которая движет индивидуацию объекта. Другими словами, он изначально стабилен и индивидуален. АСТ описывает технический объект, анализируя деятельность различных акторов через делегирование и медиацию,

а не через генезис самой сущности технического артефакта. А понятие траектории, хоть и даёт возможность исследовать биографию артефакта от фрагмента к фрагменту, но и одновременно лишает динамику модуса существования технического объекта процессуальности и целостности.

Чего, в свою очередь, не хватает теориям индивидуации и конкретизации Симондона в чистом виде, так это методологии, которая помогла бы его концептуальному аппарату работать с эмпирическими данными так же эффективно, как это предлагает АСТ и другие социологические теории. Его тексты крайне теоретизированы, так как он изначально является философом, а не социологом.

Мой вопрос в том, возможно ли с помощью интеграции теории конкретизации и индивидуации в методологию, предлагаемую АСТ, во-первых, сделать анализ акторно-сетевого подхода более синхроническим и комплексным и, во-вторых, сделать теорию Симондона более практико-ориентированной. И как тогда могли бы выглядеть данные, с которыми эта гибридная теория могла бы продуктивно работать в рамках STS. Моя гипотеза в том, что одно из решений данного вопроса могли бы предложить представители пост-АСТ в лице социологинь Карен Барад и Аннмари Мол.

Агентный реализм Карен Барад

Если в центре внимания Симондона находятся законы термодинамики, то в центре исследовательской программы Барад — положения квантовой механики Бора. Барад в своих рассуждениях переопределяет его понятие феномена, вкладывая в него не только квантовые эффекты, но и связность и неразделимость наблюдаемого объекта и агентов наблюдения. Феномен для Барад — это не просто фиксированный с помощью метода наблюдения квантовый эффект, но «неразделимость наблюдаемого объекта и агентностей наблюдения (the agencies of observation)» (Парамонов, 2022: 107). Это представление о феномене помогает философии оперировать понятием интра-действия (intra-action), которое она противопоставляет классическому для АСТ концепту взаимодействия (interaction). «Материя — это субстанция в ее интра-активном становлении — не вещь, а действие. Материя — это стабилизирующий и дестабилизирующий процесс повторяющегося интра-действия» (Barad, 2007: 210). Понятие интра-действия подразумевает отсутствие независимых сущностей и отношений; границы и свойства феноменов получают определённость только через специфические внутренние отношения внутри феномена. Этот

концептуальный сдвиг позволяет понять, что отношения акторов являются результатом предшествующих им внутренних действий. Таким образом, феномены и их отношения не являются независимыми, а образуются через внутренние действия, онтологически предшествующие самому взаимодействию. Так, взаимодействие между человеком и техническим объектом — вторичное опосредование того, что происходит внутри технического объекта как феномена, который, в свою очередь, является материей в становлении, что отсылает нас к философии Симондона.

Текучесть акторов по Аннмари Мол

Аннмари Мол является одной из последовательниц произошедшего в STS онтологического поворота. До него онтология предполагала, что объекты обладали определённой степенью устойчивости и стабильности в своем бытии, тезис Мол в том, что человеческие практики и взаимодействия влияют на изменение объектов через акты перформатирования. Таким образом, проявляется и множественность объектов, когда один и тот же объект может исполняться в разных версиях себя. Объекты, таким образом, постоянно находятся в процессе становления и изменения. Например, болезни не сингулярны, а каждый раз перформатируются актами исполнения во время практики.

Кроме того, на эмпирических данных, собранных вокруг втулочного насоса, Мол показывает новый онтологический статус актора как текущего, то есть изменчивого как самого по себе, так и являющегося сущностью с размытыми и неустойчивыми границами. Модель насоса трансформировалась и улучшалась с течением времени и действием других акторов. Кроме того, границы насоса — не границы одной машины, они могут очерчивать как всё сообщество, которое его устанавливает и эксплуатирует, так и целое государство. «Если втулочный насос может быть назван “актором”, несмотря на свою текучесть, тогда “акторы” больше не нуждаются или не всегда нуждаются в четких границах, сопровождаемых стабильной идентичностью» (Де Лаэт & Мол, 2017: 177). Эта технология также есть результат длительного развития и вклада в разработку его устройства множества акторов. Таким образом, в отличие от традиционного латурианского актора, текущий актор обладает процессуальностью. Эта процессуальность — совпадение трансформации и транспортировки, того, как объект меняется сам и меняет своё положение в пространстве.

Как с этим работать?

Как было показано в первой главе данного эссе, Латур основывает некоторую часть своей онтологии технических объектов на теории конкретизации Симондона, но его версии АСТ всё равно не достаёт процессуальности и генезиса, а самой теории конкретизации — методологического аппарата. Представительница пост-АСТ К. Барад, которая также наследует мысль Симондона и его теоретического преемника — Делёза, добавляет в концептуализацию действия идею предшествования и развития материи как эффекта. А у текущих акторов по Мол есть процессуальность и трансформация технического объекта. Однако, ни понятие траектории, ни интра-действия, ни текучести не являются отражением идеи Симондона об индивидуации и конкретизации. И даже идея Мол тем не менее предоставляет фрагментарное и локальное рассмотрение развития технологии.

Если всё-таки представить полную интеграцию концептуального инструмента Симондона в АСТ, индивидуацию и конкретизацию акторов и/или технических объектов, то, потенциально, можно было бы делать исторические исследования того, как какая-то технология трансформировалась со временем и в каких сетях актуальна сейчас. Если для Латура машина — технология, созданная идвигаемая множеством акторов, то для Симондона она состоит не просто из людей, которые на неё воздействуют, но и из частей, предшествующих целой машине. Через конкретизацию Симондон протягивает одну генеалогическую нить от возникновения рудника до технологий коммуникации, транспортной и, затем, телефонной. У кейсов, с которыми работает АСТ, как и у самих акторов и сетей, есть момент начала конструирования, середина и конец, но непонятно, что происходит вовне: вне пространственно-временных рамок сети и вне самой сети, в плазме или прото-сети. Я считаю, что с помощью концептуального аппарата Симондона возможно решить этот пробел.

Заключение

В данной работе выявляются ограничения в теории Латура, а также рассматривается возможность интеграции его подхода с теориями индивидуации и конкретизации Симондона. В заключении можно отметить, что работы Симондона и Латура предлагают различные подходы к пониманию модуса существования технических объектов, расширяя

традиционные грани между субъектом, объектом и средой. Симондон фокусируется на концепции конкретизации, подчеркивая внутреннюю динамику и взаимодействие частей технического объекта. Его тезис о том, что технические артефакты всегда остаются частично абстрактными, отличаясь от природных объектов, предостерегает от иллюзии полной конкретизации. С другой стороны, Латур сосредотачивает внимание на отношениях между множеством посредников и акторов, утверждая, что технический объект не существует сам по себе, а всегда является результатом коллективных действий. Отличия в подходах к решению дихотомии субъекта и объекта также заметны: у Симондона акцент на взаимодействии среды и внутренних частей объекта, тогда как у Латура важны отношения между множеством акторов. Несмотря на то, что в АСТ предпринимались попытки работать с процессуальностью и текучими объектами, за которыми стоит множество акторов из разных мест и времени, для Симондона технология не только создаётся и движется множеством акторов, но и состоит из предшествующих ей частей, что предоставляет более глубокий генеалогический анализ развития технических объектов.

Библиография

Де Лаэт, М., Мол, А. (2017). Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии. *Философско-литературный журнал «Логос»*, 27(2), 171–232.

Ерофеева, М. А. (2017). Акторно-сетевая теория: объектно-ориентированная социология без объектов? *Философско-литературный журнал «Логос»*, 27(3), 83–112.

Парамонов, А. А. (2022). Агентный реализм Карен Барад и концептуализм Нильса Бора. *Философский журнал*, 15(3), 100–112.

Харман, Г. (2015). *Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера*. Гиле Пресс.

Barad, K. (2007). *Meeting the Universe Half-way: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning*. Duke University Press.

Calazans, V. (2023). Ontology of Technique in Bruno Latour's Thought: On the Mode of Existence and Non-Human Actors. *Transversal: International Journal for the Historiography of Science*, (14). <https://doi.org/10.24117/2526-2270.2023.i14.02>

Feenberg, A. L. (2017). Concretizing Simondon and Constructivism: A Recursive Contribution to the Theory of Concretization. *Science, Technology, and Human Values*, 42(1), 62–85.

Harman, G. (2009). *Prince of networks: Bruno Latour and metaphysics*. re. press.

Latour, B. (2013). *An Inquiry into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns*. Harvard University Press.

Simondon, G. (2017). *On the Mode of Existence of Technical Objects*. Univocal Publishing.

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «ВОЗМОЖЕН ЛИ ГЕНЕЗИС ТЕХНИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В АКТОРНО- СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ»

Волкова Ната Алексеевна*

Между техническим объектом и технологическим гибридом: зачем исследовать мерцающие объекты?

Публичность придает рецензии силу действия, которая совершенно иная нежели у рецензии анонимной. Можно предположить, что различия между этими двумя состояниями связаны с двумя понятиями, о которых идет речь в рецензируемом эссе – средой Симондона и сетью Латура. Оба понятия, как это показывает автор, связаны с идеей технического объекта. Симондон противопоставляет технический объект биологическому и утверждает, что первый всегда потенциально нестабилен за счет сохранения связей со средой. Латур, напротив, говорит не о технических объектах, а о технологиях, то есть, технологических существах, ключевой характеристикой которых становятся отношения с другими акторами. Различия между средой и сетью становятся различиями между доиндивидуальным началом и отношениями между индивидами.

В случае (не)публичной рецензии различия среды и сети хорошо операционализируются через противопоставление публичности и непубличности. Когда рецензия непублична и анонимна, она не предполагает взаимодействия между конкретными акторами. Анонимная рецензия структурирует среду плотных академических связей, отсылок и контекстов. В то же публичная рецензия, где есть имя автора текста и автора рецензии задействует широкий круг акторов, на самом дальнем фронте которого оказываются упомянутые в тексте теоретики – Симондон, Латур, Барад, Мол.

Упоминание интра-взаимодействий Барад и текучести Мол на самом деле показывает два вида текучести: Барад описывает текучесть как пространственную характеристику, а Мол как – временную. Внутренние

* Магистр градостроительства (НИУ ВШЭ), MA in Sociology (University of Manchester), аспирант РАНХиГС

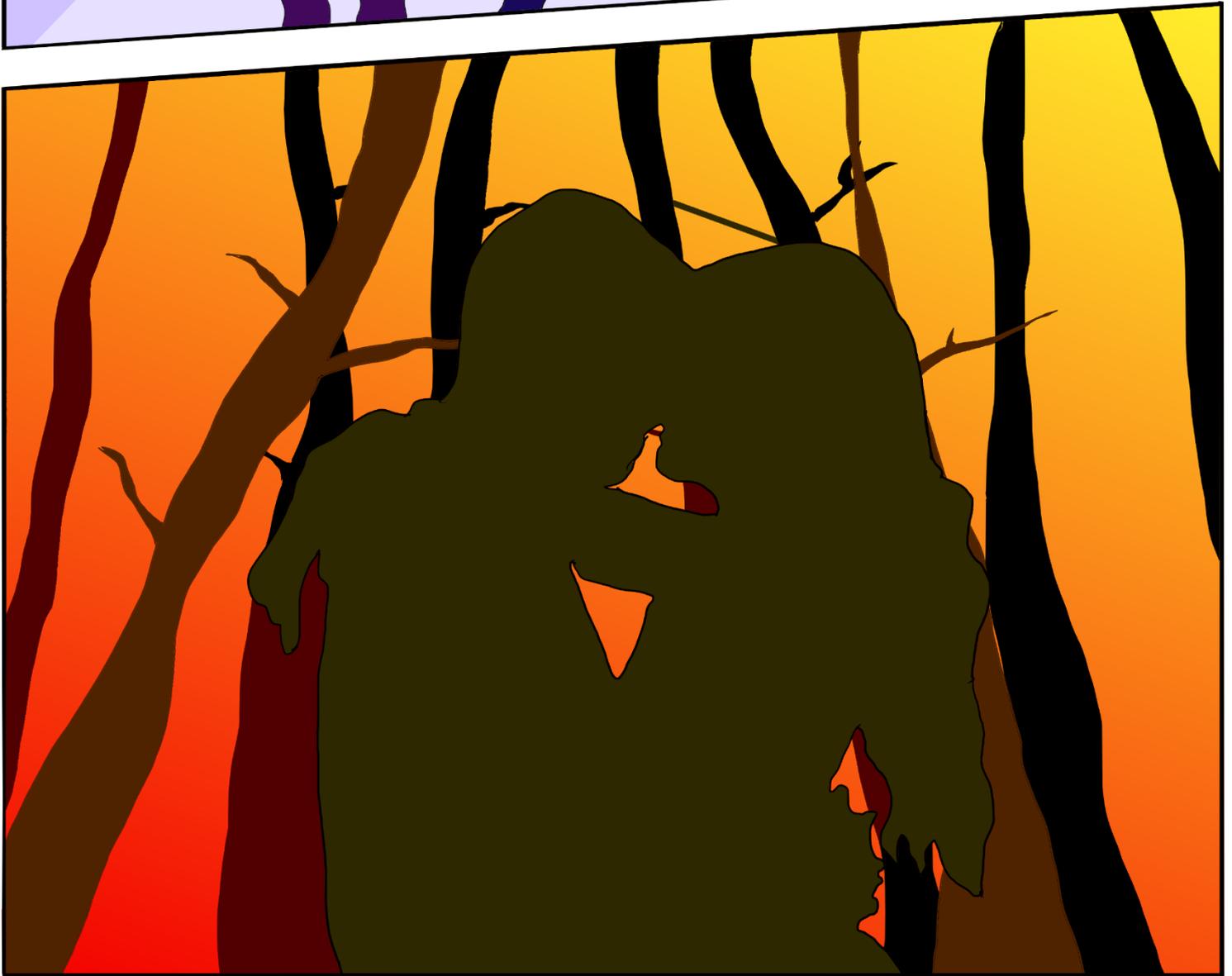
характеристики рецензии как попытки приложить концептуализацию автора текста к конкретной ситуации рецензирования определяют отношения публичного рецензента с автором, то есть, акторы вступают в интра-взаимодействия через переход от среды к сетям. В то же время, если чёткая структура публичной рецензии или обсуждения становится основанием для пересборки текста, таким образом, что текст, сохраняя общую логику аргументации, меняет все свои элементы, он выступает в роли технического объекта, который выходит за пределы сетевых отношений и погружается в средовые.

Такое упражнение, которое позволяет эмпирически описать различия между сетевыми и средовыми отношениями, интересно не столько переходом от Симондона к Латуру и обратно, а тем, как происходят переходы между различными комбинациями их теорий. В случае данного текста этот переход можно назвать переходом между квантовой текучестью Барад и функциональной текучестью Мол — или, между пространственной и временной текучестью. Этот переход интересен тем, что он описывает переход технического объекта в другое измерение таким образом, что в том, где он был до этого возникает иллюзия его отсутствия — он становится следом, остается в минимальной редуцированной форме. Коллега Мол, Джон Ло называет такие объекты огненными или мерцающими.

Мерцание объектов определяет их переход не просто между разными пространствами, а между разными несовместимыми между собой этическими порядками. Такой переход или его анализ может показывать границы мобильности и изменчивости объекта, когда он становится настолько Другим, что его действие перестает быть этически и ценностно приемлемым в сетях или средах, из которых он происходит. Публичная рецензия также пытается сделать изначальный авторский текст, как технический объект, мерцающим, поворачивая акценты на 180 градусов, относительно изначальных: переходя от Симондона и Латура к Барад и Мол. Такой уровень изменений создает большое напряжение, но именно он рождает дискуссию, интригу и способствует вовлеченному диалогу.

СВОБОДНОЕ ПИСЬМО

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПРИРОДЕ В СОВЕТСКОМ КИНО

Лия Наназашвили*

mss2200088@universitas.ru

В 1936 году выходит картина Сергея Герасимова «Семеро смелых» — драма с элементами боевика и комедии о команде зимовщиков в Арктике, в 1959 — «Неотправленное письмо», романтическая драма о команде геологов в Якутии. Несмотря на более чем двадцатилетнюю дистанцию между двумя фильмами, очевидны параллели, потому различия их представляют ещё больший интерес.

Начать стоит с исторического контекста, в котором фильмы были сняты и выпущены на большой экран. В 1929 году появилась первая советская полярная станция Бухта Тихая, после чего на Северный Полюс стали добровольно приезжать зимовщики, осваивающие территории Советского Союза. Более того, фильм должен был быть приурочен к X съезду ВЛКСМ, поэтому оказаться неудобным никак не мог:

Музыка признана корректной, хотя местами фортиссимо вызывало раздражение. Сильно хвалили актеров, особенно Алейникова, отмечали общий ансамбль. Отмечалась интересная операторская работа, особенно в зимней натуре (пейзажи). В общем, картина «Семеро храбрых»¹ признана хорошей, бодрой, интересной. Во время просмотра ряд тт. начали подпевать песенку фильма. (Яковлев, б. д.)

Сталин лично отсматривал все фильмы, которые должны были выйти на экран. Кроме того, образ советского человека ещё не был завершён:

В передовице 1935 года (как и в передовице 1977 года) дается характеристика советского человека. Например: «...высокая

* 3 курс, бакалавриат, Философия. Политика. Экономика. Работа написана на 1 курсе, дисциплина: Социальная мифология в отечественном кинематографе.

¹Как отмечал автор записи, допущена ошибка, предполагалось «Семеро смелых».

сознательность революционного рабочего класса, его неутолимая воля к победе, его непримиримость и решительность, нашедшие свое лучшее выражение в партии большевиков, должны стать главной чертой каждого трудящегося страны советов». Даже на примере этого небольшого отрывка видно, что логическая структура аргументации в этом виде политического дискурса, в отличие от авторитетного дискурса позднего социализма, не является замкнутой. Здесь сначала перечисляются характеристики рабочего класса, а затем вводится новая информация — о том, что эти характеристики должны стать чертой каждого советского трудящегося, включая тех, кто не является представителем рабочего класса. (Юрчак, 2014, с. 153–154)

Итак, фильм снимался на фоне географических открытий, исследования и объединения огромной державы, потому пример на экране образчика советского человека был совершенно не лишним. Здесь стоит сразу отметить и степень идеологизации картины: хотя не прозвучало имени ни Ленина, ни Сталина, ни слова об идеалах коммунизма, она, характерно эпохе, высока. Чего стоит одно изображение Ленина в юрте, который узнаваем и обладает при этом чертами чукчи, таким образом показывая объединение разных народов большой страны под одним знаменем, одними интересами, или как в напряжённый для всех момент, когда неясно, умер ли Ося, на лестнице стоит начальник зимовки Илья, а рядом с ним — портрет Сталина. Опять же, чётко и ясно не было названо имени ни одного вождя, но вся картина проникнута таким духом патриотизма, который нелегко вычленишь, что язык не повернётся назвать «Семеро...» политически нейтральным фильмом, потому что у героев нет никаких мотивов оставаться в практически непригодных для жизни условиях, кроме как ради великого дела, они даже расстраиваются, когда узнают, что скоро придётся уехать;

...героика самодостаточна и потому находит для себя самодостаточное же пространственное измерение. Как нельзя сказать, почему герой совершает героические поступки, так нельзя сказать, что забрасывает его на край света. Всякие объяснения здесь излишни. Но только: потому что «большевики — люди особой закалки», для них «нет ничего невозможного», потому, наконец, что «ведь ты же советский человек» и т. п. (Добренко, 1996, с. 99)

Несмотря на бытовые эпизоды, у персонажей как будто и быта нет, «весь фильм о том, как люди пытаются отвоевать хотя бы маленький участок пригодной для жизни территории» (Добренко, 1996, с. 100), кратковременное пребывание всех персонажей в одном доме не добавляет так называемой бытности картине, поскольку даже тогда их мысли заняты делами страны, их рутинная — служить родине. Строго говоря, складывающиеся и сложившиеся между зимовщиками отношения кажутся слегка надуманными, несмотря на реалистичность, как уже было отмечено, герои слишком рассудительны, обеспокоены зимовкой и приносимой пользой больше, чем чем бы то ни было ещё. Совсем другое дело — «Неотправленное письмо». В картине присутствуют две сюжетные линии по хронологии, быт — именно быт, своеобразный, размеренный — отряда во время исследований и выживание в Якутии на фоне пожаров, заморозков и отсутствия еды, и то ли из-за того, что персонажей меньше почти в два раза, то ли из-за того, что степень идеологизированности здесь ниже, отношения между персонажами кажутся такими настоящими, что дух захватывает. Конечно, отряд оставался, упорно ища алмазы, ради цели, что важнее любой из их жизней, однако не прозвучало ни слова о партии, коммунизме, Хрущёве или комсомоле, что объясняется эпохой Оттепели: «Идеологи требовали уделять в искусстве больше внимания «простому человеку» — в противовес помпезным фильмам позднесталинской эпохи» (Майофис, 2018). Происходило развенчивание культа личности Сталина, либерализация искусства и средств массовой информации, потому и объясним разворот от слияния человека с идеей к человеку как таковому. Герои «Неотправленного...» движутся к вождельной цели не ради государства, но ради людей, которым эти алмазы могут принести пользу: «Жизнь моя не принадлежит мне. Я должен вынести карту людям» (Калатозов, 1960). «... Государство, общество и всеобщее в противовес личности одного человека как единичного, уникального творения» (Краснова, 2021, с. 30). Пожалуй, вот так коротко и можно охарактеризовать не только ожидаемое на экранах того времени, но и само настроение людей периода Оттепели.

Действие в первом фильме происходит в период с конца лета по весну, большая часть событий приходится на осень, во втором же фильме поиски алмазов ведутся с лета по сентябрь, пожар начинается в сентябре, а добирается на плоту Константин Сабинин уже в декабре. Очевидна разница в отношении времени-пространства к героям в двух

фильмах: в «Семерых...» персонажи борются с природой, осваивают её и побеждают, больше времени уделяется их мужеству и героизму, тогда как в «Неотправленном...» мужество идет наравне с неумолимостью и жестокостью природы: «Смушение, вероятно, вызывала, прежде всего, неоднозначность, неопределенность статуса человека в фильме. Идея того, что природа равнодушна и враждебна по отношению к героям, более того, человека для природы просто нет, не соответствовала политической, социальной и культурной повестке тех лет» (Краснова, 2021, с. 30). При всём развенчивании сталинского режима как мифа публика оказалась не готовой к настолько реалистичному изображению происходившего. Семеро смелых, как уже говорилось выше, геройствуют потому, что геройствуют, пространство куда более сюжетобразующее, чем у четверых смелых, перипетии отряда геологов нельзя исчерпать: «неопределенность целей у людей, действующих в экстремальных условиях... заставляет предположить, что самое рождение периферии мотивировано не сюжетно, но именно культурно. Герои потому и оказались в Арктике, что «смелы». И наоборот, они потому и «смелы», что оказались в этих условиях» (Добренко, 1996, с. 100). Как это было характерно для фильма 1936 года, отряд геологов имеет чёткую цель, для которой пространство — одновременно и средство, и препятствие. По этим же причинам нельзя выявить врага в «Семеро смелых» — фильм сам по себе бесконфликтный со стороны людей, а окружающее пространство, хоть и наносит удар за ударом, подчиняется главным героям и как таковым антагонистом не становится, максимум соперником, по большому счёту — преодолимым препятствием; совсем иначе в «Неотправленном письме» — пространство становится врагом постепенно всё больше, потому что с самого начала им было — герои долго не могли найти алмазы, ради которых приехали, рискуя всем, а потом и вовсе природа пошла против них, стремясь убить не из персонализированной ненависти, а, как бы это ни звучало, по природе своей.

Если говорить о главных героях и отношениях между ними, то стоит сначала определить, кто, собственно, главнее. В картине 1936 года, с одной стороны, все семеро персонажей — главные, с другой стороны, вокруг некоторых из них вращается больше событий, например, вокруг Ильи Летникова и Жени Охрименко, им уделено больше экранного времени, о них мы знаем в целом больше. Того же радиста Курта язык не повернётся назвать главным героем — большую часть фильма он возился с радио,

влияя на сюжет меньше всех, но и второстепенным в полном смысле этого слова назвать его сложно, поскольку ему уделено больше экранного времени, чем, например, любому из чукчей. Итак, главными героями являются все семеро, но актанты в большей степени: Илья, Женя и Ося. Шестеро изначальных зимовщиков становятся друзьями, становятся также друзьями с Молибога, но относятся к нему слегка покровительственно, за поломку саней Сашу Рыбникова не ругают, не обвиняют никого в смерти Оси, словом, в коллективе сложилась благоприятная обстановка. Причём сложилась она не на глазах: они чуть ли не с самого начала будучи едва знакомыми относятся друг к другу как близкие товарищи. На фоне этой почти искусственной дружбы и признательности уж совсем смехотворно выглядит любовь Жени и Ильи — у этой любовной линии не было завязки и предпосылок, не было показано каких-либо проявлений романтических чувств со стороны кого-либо до самого отъезда, когда поцелуй внезапно решил всё: «Ну что ж, поцелуемся что ли?» (Калатозов, 1960). «Неотправленное письмо» же радуется большим разнообразием внутреннего мира героев, хотя главными являются все четверо, «самым главным», пожалуй, стоит назвать Константина Сабинина. Вокруг всех четверых разворачиваются события, все четверо держат сюжет, но наиболее актантным остаётся Константин. Отряд геологов быстро становится дружной командой, их сплачивают не только обстоятельства, но и куда более глубокие разговоры, чем те, что были у семерых главных героев, хотя, конечно, всё осложняют чувства Сергея к Тане, которая уже любит Андрея. Все трое знают о положении дел, тогда как Константин в этом любовном треугольнике никак не участвует, а беззаветно любит Веру, которой так и не отправит письмо. Сергей и Андрей формируют знакомый дуализм сила/мягкость, опыт/знание; Андрей ближе Тане по духу, а Сергей старше, более страстен, опытен, его любовь не осторожна и чиста, она подобна бушующему морю, он намерен заполучить сердце Тани, невзирая ни на чьи чувства. Но Таня не злится на Сергея — боится, особенно когда он близко подходит к ней в яме или разговаривает «по-мужски» с Андреем, но опечалена его смертью точно так же, как остальные. Троиц оставшихся сплачивает ещё сильнее противостояние природе, стремление выжить, причём если поначалу казалось, что взаимность чувств Андрея основывается только на его словах, то, когда он уходит, Таня открыто кричит, что любит его. Любовь же Константина к Вере показана как светлая, крепкая, о ней он думает больше, чем о цели миссии, но продолжает выбирать последнее.

Примечательно, что в очерке, на основе которого снята картина, Константин признаёт свою любовь эгоистичной:

Я понял, что раньше жил неправильно. Я считал, что настоящая любовь — эта та любовь, от которой можно уходить и к которой можно возвращаться. Я считал, что наши отношения с тобой, Вера, — это идеал отношений между мужчиной и женщиной. Но теперь я почему-то завидую Герману и Тане. Они вместе делили горе и радость. Они вместе шли по жизни, их любовь была так велика, что даже не нуждалась во внешнем проявлении. Они были вместе до конца — любовь не помешала им выполнить долг. Иное у меня. Я писал тебе каждый день, я всё вокруг себя заполнял тобой. Но это не было счастье, — это было утешение. Для счастья ты была слишком далеко. (Осипов, 1989)

В фильме этого вывода Константина не показано, но само собой напрашивается «если он её так любит, почему продолжает уезжать?» Раз уж речь зашла о литературном оригинале, то стоит отметить и изменение имени Германа, который стал Андреем, что вполне объясняется отголосками войны и политикой против немцев в СССР:

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». Он состоял всего из двух пунктов. Первый предписывал «снять с учёта спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД немцев и членов их семей, выселенных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны, а также немцев — граждан СССР, которые после репатриации из Германии были направлены на спецпоселение». А вот второй уточнял, «что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечёт за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены». (Яковлев, 2019, с. 7)

То есть к немцам даже при Хрущёве относились всё так же предвзято и холодно, либерализация была далеко не везде и не всегда, и более целомудренное выражение чувств Тани: «Как строга, как целомудренна

была их любовь, если они не хотели показывать её другим, думая, что любовь будет мешать работе. И как много значила для них работа и долг, который они выполнили до конца» (Осипов, 1989), — меркнет по сравнению с её и Андреевой живостью и открытостью, которая при этом остаётся скромной. В фильме эпохи сталинизма Таня бы, скорее всего, ушла к Сергею, при этом Андрей бы обязательно совершил что-нибудь ужасное, из-за чего она бы сбежала к более опытному, более умелому и менее интеллигентному сибиряку (вообще, если бы не Вера и будь это фильм 1930-ых, Таня бы ушла и вовсе к Константину), но здесь мы снова видим победу личного над политико-идеологическим.

Возвращаясь к теме взаимоотношений между героями, хочу уточнить, что, несмотря на наличие разговоров между семерыми главными героями, им недостаёт некой проникновенности, из которой может родиться по-настоящему крепкая связь, с другой стороны, они показывают отношение друг к другу поступками — каждый выполняет свою работу, обеспечивая функционирование всего коллектива, они спасают жизни друг другу: «— ... выполнишь мою просьбу или нет? — Нет. — Да ты ж не знаешь, о чём я попрошу. — Да знаю», — после чего Илья продолжает упорно тащить Осю через лёд и снег, однако здесь сложно определить, стоит ли всё это расценивать как дружбу или всё же сотрудничество. Впрочем, весь фильм, характерно его эпохе, такой: немного показной, не лишен пафоса, с небольшим местом для личного, куда большим для идейного, политического. Даже музыкальное оформление соответствует этим словам: персонажи поют воодушевляющие песни в конце и начале фильма, самые напряженные сцены сопровождаются фортиссимо, но спокойные, не несущие сюжетной нагрузки сцены музыкой обделены, как будто она там не нужна. Изображение же характерно статичными кадрами, даже во время многих сцен с передвижением персонажей, отсутствием портретов, где только лицо, если персонаж один, он чаще всего изображён хотя бы по плечи, в общем и целом всё аутентично эпохе — быт, который заключается в его отсутствии, как было ранее заявлено, проявляется скорее как бесконечная борьба с пространством, несмотря на упорядоченное распределение обязанностей персонажи вроде и живут в срубе, а вроде только исполняют свои обязанности. Четверо же главных героев радуют сложностью своих отношений, утверждающейся вместе с тем их гармоничностью, их быт различен в каждой из сюжетных линий, где сначала это действительно бытовые сцены, которые поначалу

не хотели добавлять режиссёры, а потом — борьба за выживание, стремление идти до конца, хотя сосредоточена эта линия больше на чувствах и мыслях героев (преимущественно Константина), чем на действиях, необходимых для выживания. Музыка разнообразна: письма Вере часто сопровождаются народной нежной песней или такой же нежной классической музыкой, музыкально же подчёркнуты эмоции Тани, когда она избегает катастрофы с Сергеем в яме или теряет Андрея, борьба с природой музыкально окрашена, простые бытовые сцены — тоже. Заметен контраст между фильмами и в съёмке, оператор Урусевский использовал инновационную на тот момент съёмку бегом и мельтешением: «Неистовая камера. Обезумевшая. Скачками бегущая за людьми через заросли. Мечущаяся среди горящих деревьев. Падающая от удара. Сжимающаяся от предчувствий при виде огромного дрожащего солнца, снятого сквозь волны горячего воздуха... Эта живая камера видит мир катастрофически, отчаянно, обреченно» (Аннинский, 1991, с. 58); много крупных планов, игра света во время грозы после ухода Андрея — всё это настолько придаёт жизни картине, что кажется слишком реальным.

Весь парадокс в том, что обе картины были достаточно реальны для своего времени. В 1930-е практически не было карт топографических, но были карты словесные, а также изображения пространств, фотографии с ними, но не карты, которые мы знаем сегодня: «Преобразования по карте требуют не только прозорливости, но и изощренности в чтении карты. Сталин переделывал карту, рационализировал ее не только в соответствии с экономическими, политическими или военно-стратегическими нуждами, но и в соответствии со своими эстетическими представлениями. Согласно им строился и советский медиум. (Добренко, 2007, с. 497)

То есть картина «Семеро смелых» служила и картой, единственно доступной в те годы, и подтверждением правды об огромной стране, и образцом поведения, которое требовалось, о котором столько говорилось, поведение идеального советского человека, отличное от которого жёстко порицалось, поэтому «Семеро...» — более чем реалистичная картина для того времени. С учётом, однако, особенностей Оттепели, «Неотправленное...» является ещё более реалистичным произведением за счёт живости, признания невесильности человека (особенно убедительно после репрессий и Второй Мировой войны), хотя

для нас, зрителей из 2023, несомненно, второй фильм куда ближе и куда более представимее.

Библиография

Аннинский, Л. А. (1991). *Шестидесятники и мы: кинематограф, ставший и не ставший историей*. Союз кинематографистов СССР.

Добренко, Е. А. (1996). Семеро смелых за окраиной. *Искусство кино*, (4), 97–103.

Добренко, Е. А. (2007). Политэкономия соцреализма. Новое литературное обозрение.

Калатозов, М. (Режиссер). (1960). *Неотправленное письмо* [Фильм]. Киностудия «Мосфильм».

Краснова, Г. В. (2021). «Эх, здесь бы музыку электронную поставить!» Съёмки фильма «Неотправленное письмо» глазами студента. *Телекинет*, 16(3), 29–30.

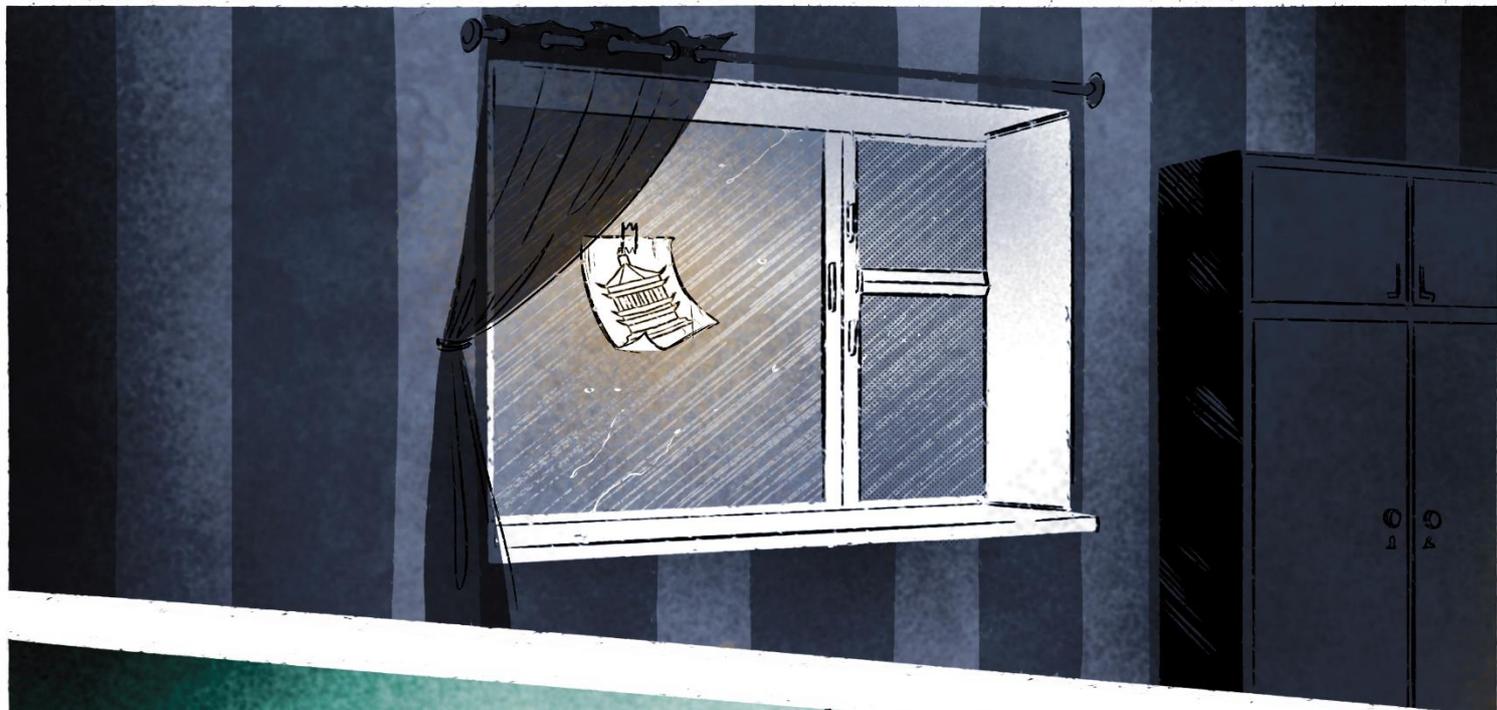
Майофис, М. (2018, Апрель 5). Хрущевская оттепель — демонтаж сталинской системы. Арзамас. <https://arzamas.academy/courses/3007/3>

Осипов, В. Д. (1989). *Неотправленное письмо*. В В. Д. Осипов, *Избранное*. Московский рабочий.

Юрчак, А. (2014). *Это было навсегда, пока не кончилось*. Последнее советское поколение. Новое литературное обозрение.

Яковлев, Я. А. (2019). *Советские немцы — «наказанный народ» (типичная судьба сибирской немки Флорентины Зауэр)*.

Яковлев, А. Н. (б.д.). *Запись беседы И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова, В. М. Молотова с Б. Шумяцким во время кинопросмотра 29 января 1936 г. о его докладе и отчете для ЦК ВКП(б), статье в «Правде» о Д. Д. Шостаковиче, формализме в музыке, сценарии фильма о Конармии*. <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/56228>

Максим Котельников*
maximant13@yandex.ru

сегодня не смогли, а завтра было поздно.
к несчастью, ты иван, но к счастью, ты не грозный.
никто не мог понять, ты заяц или льготник.
а я был николай, не басков, но угодник.
ты кавалер. наш орден проколотой крыши
держал весь город в страхе. теперь мы все пустышки.
нас в страхе держит город. прописаны уколы
дождя в тугую ночь. ты вышел во двор голым.
ты грезил о побеге к пустым архипелагам.
мы поклонялись скидкам, пустым универсам.
мы вместо «чбд» смотрели «чгк».
на каждое «чп» у нас был свой «гк».
мы были инь и янь. как инна вместе с яной.
я так любил просеко, но ненавидал пьяным
быть дольше получаса. а ты любил по травке
кататься на скейтборде и отделять приставки
от слов таких как «припять», «приватно» или «пристань».
наш лучший летний день, как вялый матч, свистан.
был щедрым урожай, но сука, волчьих ягод.
мы — жители хрущёвок, кто держат фото пагод
в альбомах для себя, приватного просмотра.
дождь лил, как из ведра, как жаль, что в те же ведра.
мир загрубел, остыл. и знойно, и прохлада.
я предложил любить, но ты сказал «не надо».

в нынешние времена билеты покупаются согласно ранее занятым
местам.
я не знаю, что происходит с Россией, поэтому со мной не о чем говорить
три часа.
я храню подушку над деньгами.

* Выпускник, Технологии социологического исследования..

на середине книги шюца «мир, светящийся смыслом» перегорела лампочка.

если и затягивать пояса, то часовые.

у меня не бывает «этих дней», но случаются такие дни.

ежедневник для меня слишком мелко, а еженедельник слишком амбициозно.

я смотрю программу «субботний вечер» по воскресеньям утром в записи.

на уроках информатики я выучил английский, а на уроках английского научился делать презентации.

моя собака сказала мне, что не умеет говорить и попросила больше не приставать с вечерними беседами.

у меня панические атаки и паническая оборона.

в последний раз я занимался сексом, а в предпоследний раз собой.

находить и терять себя одинаково утомительно.

я бросил курить на кого-то с балкона.

пока я шел на вы, она шла на ты, и мы разминулись.

мне приходится прикладывать усилия, чтобы не прикладываться.

я ни о чем не думаю во время дождя и в остальное время.

я завел трех кошек в экзистенциальный тупик.

наверное, любовь к жизни важнее, чем любовь всей жизни.

если что-то изменится — сообщу.

чуть более, чем ожидаемо,

но чуть менее, чем предсказуемо

все вышло у нас с тобой.

последние литературные чтения

в усадьбе бондарева.

я заканчиваю зачитывать вслух

«черничный день, медовый месяц».

и как обычно подвыпивший стас

почти кричит со своего кожаного дивана

«и все-таки твои стихи тяготеют к...»

ты перебиваешь:

«и все-таки его стихи тяготят».

едем обратно на машине,

ты за рулем.

говоришь: «вот бы вернуться в детство»

отвечаю: «в детстве я думал, что в стиральных машинах стирают память».

говоришь: «ну, если бы ты засунул туда голову и включил режим отжимания, то память бы тебе действительно стерло, так что формально ты был прав».

говорю: «как и всегда».

отвечаешь: «жаль, что всегда лишь формально».

высаживая меня около моей старой квартиры,

ты сказала: «сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит».

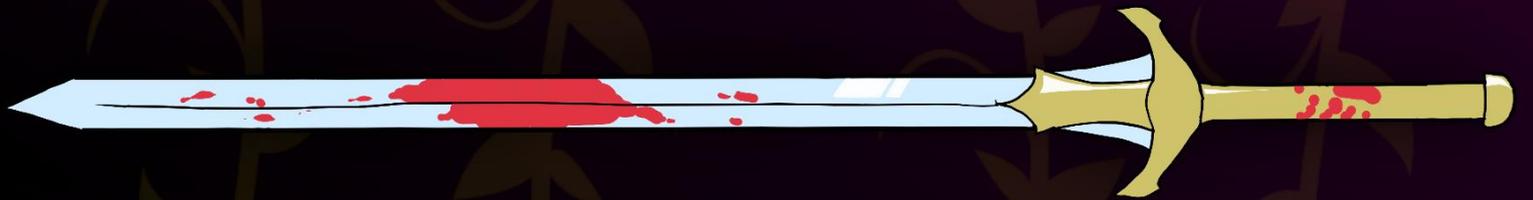
какая ирония, учитывая, что

ты никогда меня не кормила,

а ближайший лес

в двадцати километрах

от нашего города.

НОЧНОЕ ПАТРУЛИРОВАНИЕ В ИДЕАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ¹

Иван Кузнецов*

mss2300088@universitas.ru

И вот уж ночь сменила день,
Зашли рабочие в дома,
На город напозала тень,
А страж искал в углах врага.

Сгустились тучи, вспыхнул свет
Прохожий тот читал «Лает».
Идя в сандалях по земле,
Искал преступников во тьме

Несправедлив лишь будет тот,
Кто от правосудия уйдёт.
Кто будет нарушать закон,
Главы лишиться обречён.

Держа в руке свой меч и щит,
Услышал звук — вон там гремит!
Путь лежал к Агапиту во двор.
Убийца, насильник, грабитель, аль вор?

Калитка открылась, а вместе с ней вид
Красивейший сад, красноватый гранит.
Капает преступник пышные розы,
Что пережить успели вторые морозы.

* 2 курс, бакалавриат, Кино в современном обществе: аналитика и производство. Работа написана на 1 курсе, дисциплина: Текст. Анализ. Интерпретация.

¹ Νυχτερινή περιολία σε ιδανική κατάσταση (от греч.)

Напуганный, нервный и весь во рванье
Ребёнок, забывший совсем о мытье.
Боязливым взглядом смотрит наверх
Умерла надежда на скорый успех.

«Ты видимо шут или смельчак,
Раз сунулся ночью в его особняк!
Тебе, жалкий вор, участь одна,
Покаяться мне и заснуть навсегда!»

Мальчишка, которому нет и десяти
Начинает медленно что-то нести:
«Умерла моя мать только вчера.
Смилюйтесь, страж, нужно 4 цветка».

Но воин остался суров и непреклонен
Он знал, что парнишка, конечно, виновен.
Но решать справедлив он иль нет
Философ был вправе — вот был ответ.

Погнал его в город, на площадь привёл.
Собрались и люди, мудрейший пришёл.
Законом богов здесь вершит он судьбу,
Затушит иль пустит преступленья искру?

Взглянув на вора, вопрошает презренно:
«Зачем? Расскажи нам о том откровенно!
Поступил ты не плохо, а просто ужасно!
И жизнь твоя стала тотчас несчастной».

Преступник сидел и смотрел на судью,
Осмелился молвить, прервав хрипоту:
"Поймите, о мудрый, я каюсь во всём,
Вредить Агапиту - считаю грехом».

Философ продолжил:
«Ты ещё мал и не очень умён,
Однако нам нужно уважить закон.

И В правилах мною уже прочтено,
Возмездье тебе остаётся одно:

Зарубленным быть, и быть скинутым в яму
И вылить туда воровскую отраву.

А воин на страже стоял в ожиданьи,
И грустно молчал, наблюдая страданья
Порядок он чтит и судьи правоту
Но вдруг стало все ему невмоготу.

Нет спору, мыслитель, конечно, был прав,
Воитель имел совсем другой нрав.
Толпа моментально пред ним расступилась,
Правосудье философа не совершилось.

Мудрейший смутился, отпрянул и встал.
Народ приумолк, ожидая финал.
Тут Воин стал громогласно кричать:
“Зачем же вам его убивать?!”

Убийцы, мошенники не дают нам покоя,
А хуже среди них – хулители строя,
Что нашу страну хотят разорвать,
Иными взглядами всю напитаать.

Ведь если силы растрачивать и бить всех подряд.
Не будет и тех, кто войну прекратят.
Разрушится город, размочит дороги,
От нас отвернутся и слуги, и боги.

Послушай, философ, ты мудр, я знаю.
Ты ведаешь смысл, что я разделяю.
Оставьте мальчишку, он уйдет без следа.
И не причинит вам больше вреда.”

Судья, что был призван нести справедливость,
 Был удивлен, что получилось.
 Он поправил одежду, вытер весь пот
 И тихо ушёл в изумлённый народ.

Рабочие, что были в толпе большинством
 Побрели прочь почти что бегом.
 На площади остались лишь воин и вор
 И вот между ними возник разговор:

- Ты велел мне покаяться и заснуть навсегда.
- Я знаю, я помню свои же слова.
- Так зачем же вступился? Почему защитил?
- Не знаю, но кару такую ты не заслужил.
- Какой в этом смысл - мне жизнь сохранять?
- Считаю, что рано тебе помирать.

Подобно цветам – возрастёшь и завянешь.
 Но после себя ты хоть что-то оставишь.
 Так неси лишь свет, а хаос оставь.
 Иначе отправишься к Аиду ты вплавь.
 Исполни свой долг, помоги государству
 Уважай, защищай, созидай, благодарствуй.

Тут воин поднялся и побрёл в темноту,
 Туда, где лежит по ночам на боку.
 Вошёл он в казарму, снял с пояса меч
 Повесил свой щит, бронзу снял с плеч.

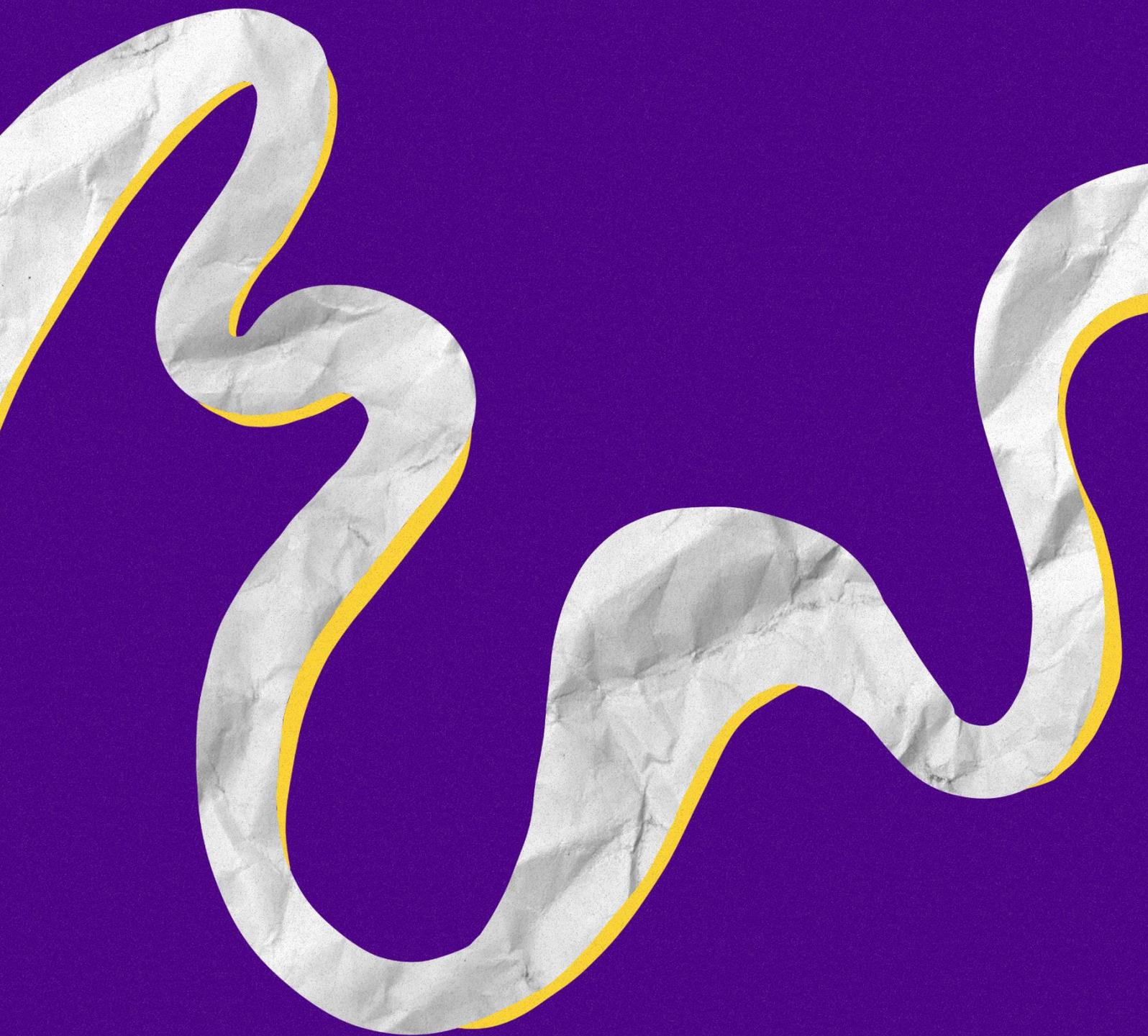
Он упал на лежанку, закрылись глаза
 И начал он грезить свои чудеса:
 Среди всех историй, баек, легенд
 Запомнился ему молодой человек.

Тот, что недавно спасён от клинка
 Щитом защищал он во сне старика.
 А после стремился он в гущу сражений,
 Не ведал он в них никаких поражений.

Картина вся эта так стала близка,
Невольно у стража намокли глаза.
Безумно был рад, абсолютно уверен,
Что выбор защитника был правомерен!

ЖУРНАЛ СТУДЕНЧЕСКИХ
РАБОТ

КВИНТЭССЕНЦИЯ

ШАНИНКА

ВЫПУСК № 4 2024